

ПРАВОСЛАВНАЯ ПОДОЛІЯ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Органъ духовенства Подольской епархіи.

1906 г.

№ 3. Мартъ.

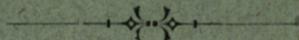
КАМЕНЕЦЪ-ПОДОЛЬСКЪ.

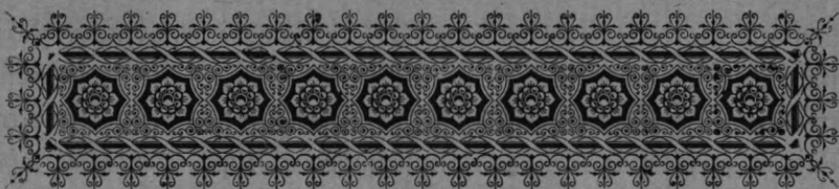
Типографія С. П. Киржацкаго, Николаевская пл., д. № 5.

1906.

Оглавленіе мартовской книжки.

	<i>Стр.</i>
Слово на вечернемъ богослуженіи, называемомъ пассією, въ воспоминаніе страданій Господа нашего Иисуса Христа. <i>М. Ш.</i>	177—186
Слово въ Великій пятокъ. Прот. <i>Симеона Сорочинскаго.</i>	186—196
Измѣняемы или неизмѣняемы церковныя каноны. (Оконч.). Свящ. <i>В. Янса.</i>	193—204
Школьныя воспоминанія о Каменецъ-Подольск. гимназіи. (Прод. буд.) <i>В. Шаблювскаго.</i>	204—221
Статистическіе очерки Подоліи. I. Землевладѣніе въ Подольской губерніи. (Прод.) <i>С. Саченка.</i>	221—230
Въ Поднѣстровскомъ захолустѣ. (Очерки изъ хроники одноко села). (Прод. будетъ).	230—237
Ставленнической допросъ. (Историко-каноническая замѣтка). <i>А. Н.</i>	237—251
Палестинскія чтенія въ Подольской епархіи въ 1905 г. <i>И. Савича.</i>	251—256
Библіографія. Обзоръ періодической духовной печати .	256—282
Официальный отдѣлъ: а) Краткій отчетъ Взаимно-вспомогательной кассы духовенства Подольской епархіи за 1905 годъ; б) Вѣдомости о движеніи суммъ Управленія взаимн. кассы и епарх. свѣч. завода; в) Отъ Подольскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства извѣщенія о пріемныхъ экзаменахъ	1—16.

СЛОВО

на вечернемъ богослуженіи, называемомъ пассією, въ воспоминаніе страданій Господа нашего Ісуса Христа.

И стояху людіе зряще: ругахуся же и князи съ ними, глаголюще: иныя спасе, да спасетъ и Себе, аще той есть Христось, Божій избранный. Ругахуся же Ему и воины, приступающе и оцетъ придѣюще Ему (Лук. XXIII, 35, 36). Такожде и архіерее ругающеса съ книжники и старцы и фарисеи, глаголаху:... аще Царь Израилевъ есть, да снидетъ нынѣ со креста и върuemъ въ Него (Мѡ. XXVII, 42).

Итакъ, злоба восторжествовала!.. Предательскій поцѣлуй Іуды былъ полонъ смертельнаго яда и убійственной отравы!.. Первосвященники и книжники іудейскіе съ нескрываемою наглостью празднуютъ побѣду своей фарисейской праведности. Даже гордый представитель языческаго Рима и его всемірно-государственнаго права и закона не могъ предотвратить кроваваго беззаконія. Чада Авраама, наслѣдники обѣтованій Божіихъ, избранный народъ Божій распяли обѣтованнаго Помазанника Божія. Христось, великій Пророкъ изъ Галилеи, Христось-Первосвященникъ по чину Мелхиседекову, Христось-Сынъ Давидовъ, Царь Израилевъ, Христось-Сынъ Божій, Агнецъ Божій, взявляй грѣхи міра, Христось—на крестъ!..

Отколѣ существуетъ міръ, во всей исторіи человѣчества не было исторіи болѣе скорбной, чѣмъ исторія земной

жизни Христа Спасителя міра. Отколѣ на землѣ существуетъ правда и законъ, не было попранія правды и беззаконія большаго, чѣмъ осужденіе на страданія и крестную смерть неповиннаго Праведника, пришедшаго въ міръ *обличить міръ о грѣсѣхъ и о правдѣ и о судѣ* (Іоан. XVI, 8). Наконецъ, все, что въ самомъ мірѣ было самага жестокаго, въ понятіяхъ людей адски-поноснаго и въ страданіяхъ, въ казни нечеловѣчески-мучительнаго,—все совмѣщено было въ крестныхъ мукахъ Распятаго, пришедшаго любовію спасти міръ, божественною истиною просвѣтитъ *сѣдѣющее во тьмѣ и сѣни смертной* человѣчество и Своимъ сошествіемъ на землю возвести человѣка на небо... Ни фарисейская святость іудейскихъ первосвященниковъ, ни горделивая правда язычествующаго прокуратора, ни божественность личности Самого осужденнаго не премѣнили казни и осужденія: Христосъ—на крестѣ!..

Но и на крестѣ, уже распятаго, уже безпомощнаго и пригвожденнаго, не оставляетъ злорадственной хулою злоба человѣческая. Кажется, все, что способно было тронуть самое зачерствѣлое сердце, что могло остановить самую звѣрскую жестокость, что нашло доступъ и смягчило даже сожженную мрачную душу разбойника,—уничиженный жалкій видъ распятаго и пригвожденнаго Страдальца,—не тронуло сердець, не остановило ярости враговъ Іисусовыхъ: они продолжали издѣваться надъ Нимъ и теперь, висящимъ на крестѣ. *И стояху людіе зряще: ругахуся же и князи съ ними, такожде и архіереи съ книжники и старцы и фарисеи, глаголюще: иныя спасе, да спасетъ и Себе; аще Царь Израилевъ есть, да снидетъ нынѣ со креста и вѣруемъ въ Него* (Лук. XXIII, 35; Мѣ. XXVII, 42).

Можетъ ли быть что-нибудь гнуснѣе и безчеловѣчнѣе издѣвательства надъ безоружнымъ и беззащитнымъ врагомъ, еслибы даже онъ совершилъ и безчеловѣчныя преступленія! Но сколько гнуснѣе и ужаснѣе были эти издѣвательства не надъ врагомъ и не надъ злодѣемъ, а надъ неповиннѣйшимъ Праведникомъ, Котораго главною заповѣдію было

всепрошеніе, незлобіе и любовь, Который Самъ людямъ *ни единого зла сотвори!* Здѣсь, въ этихъ издѣвательствахъ, сказанъ весь ужасъ адской злобы, какую только могла измыслить ненависть человѣческая. Здѣсь въ этотъ безпримѣрнѣйшій моментъ этой безпримѣрной исторіи распятія Спасителя и Бога сказанъ все, что есть омерзительнѣйшаго въ человѣческой неблагодарности, все, что есть ядовитѣйшаго въ человѣческомъ лицемѣрїи, и все, что есть жесточайшаго въ человѣческой ярости. Кажется, самый адъ возсталъ на Бога, напрягъ всѣ свои силы и въ послушной ему дикой злобѣ человѣческой какъ бы готовился уже торжествовать свою сатанинскую побѣду... Даже для Самого Божественнаго Страдальца это какъ-будто былъ моментъ самой сильной душевной муки, невыносимыхъ страданій, ибо даже Онъ, подавленный тяжестью человѣческой жестокости, по сказанію Евангелія, съ мучительнымъ воплемъ воскликнулъ: *или, или, лима савахѳани—Боже Мой, Боже Мой, векую Мя еси оставилъ* (Мѹ. XXVII, 46)!..

Господи Иисусе Христе, Сыне Божій! Что же Ты безгласенъ и безотвѣтенъ на эту вопіющую неправду и злобу человѣческую! Почему не заградишь Ты уста нечестивыхъ, глаголющихъ неправедная? Почему не умолишь Ты Отца Своего и не представишь *вѣщше неже дванадесѳе легеона ангелъ* на защиту попираемой невинности? Сотри главу змія, поперѣ борющія Тя! Яви силу Свою и посрами ярость враговъ Твоихъ! Тебѣ и море и вѣтры повинуются: послѣ огонь Твой съ небесе, да поястъ нечестивыя!.. Гдѣ, наконецъ, ревностные Петры Твои, готовые душу свою положить за Тебя (Іоан. XIII, 37), и если когда, то теперь особенно вынуждаемые *ударить мечемъ* (Лук. XXII, 49)? Гдѣ сыны громовы, возлюбленнѣйшіе Іаковы и Іоанны, готовые нѣкогда свести огонь съ неба и попалить только лишь отвергающихъ Тебя (Лук. IX, 54)?

Въ ужасѣ мысленно взирая въ этотъ моментъ на распятаго Страдальца, можетъ быть думаетъ кто-либо:

„не трудно было стоящимъ и созерцающимъ необычное зрѣлище голгоѣское іудеямъ и язычникамъ и соблазниться о безотвѣтномъ распятомъ Страдальцѣ, если Онъ Самъ предвидѣлъ нѣкогда соблазнъ Своими страданіями даже у совершенныхъ вѣрою учениковъ Своихъ“ (Мѣ. XXVI, 31; XVII, 1—13; Марк. IX, 2—13; Лук. IX, 26—36).

Но Господь безотвѣтенъ и безгласенъ...

Соблазниться ли о Немъ? Не соблазняешься ли и ты, суемудрствующій братъ-христіанинъ, видомъ уничиженнаго и распятаго Сына Божія, *умаленнаго паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ* и безмолвствующаго на вопіющую жестокость и неправду человѣческую?..

Но Христосъ распятый—*іудеомъ убо соблазнъ*, а *эллиномъ* суемудрствующимъ даже *безуміе*. Намъ же самимъ, призваннымъ ко Христу и спасаемымъ, Христосъ распятый есть *Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. I, 23, 24)... *Тако бо подобаше пострадати Христу* (Лук. XXIV, 26). Онъ *кротокъ и смиренъ сердцемъ* (Мѣ. XI, 29); Онъ *льна курящагося не угаситъ* (Ис. I); Онъ, *Сынъ человѣческой, не прииде душъ человѣческихъ погубити, но спасти* (Лук. IX, 56); Онъ *Агнецъ Божій, уготованный Богомъ отъ сложенія міра* для спасенія міра. Еще издревле пророками было предсказано о Немъ, что Онъ будетъ *безчестенъ и умаленъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ*; что Онъ *язвенъ будетъ за грѣхи* человѣческіе и *мучимъ будетъ за беззаконія* грѣшници, но *во смиреніи судъ Его будетъ*; что Онъ, *зане и озлобленъ будетъ, не открытъ устъ Своихъ, но яко овца на закланіе веденъ будетъ и яко агнецъ непороченъ предъ стригущими его безгласенъ, тако не отверзетъ устъ Своихъ* (Ис. LIII)... Тако бо подобаше пострадати Христу... Онъ долженъ былъ до дна испить чашу страданій, добровольно принятую на Себя за грѣхи міра, и ни одна капля горечи, *оцта и желчи* изъ этой чаши не должна была миновать Его истерзанной души. Онъ Самъ предъ этимъ незадолго трикратно молился: *Отче, аще волиши мимонести чашу сію отъ Мене, но всякій разъ заключалъ Свое великое моленіе*

объ этой чашѣ словами: *обаже не Моя воля, но Твоя да будетъ* (Лук. XXII, 42; Мѳ. XXVI, 39). А такова воля Отца и Его Самого была отъ сложенія міра (Пс. XXXIX, 7—9)!.. Потому-то и не низвелъ Онъ *внѣше дванадесяте легионъ ангела* еще прежде на враговъ Своихъ, еще раньше, когда, по суду друзей-учениковъ Его, даже слабымъ мечемъ апостола не поздно было предотвратить гнусное насиліе. Потому и отвергнута была Имъ тогда же еще вооруженная защита со стороны ревностнаго Петра (Мѳ. XXVI, 51, 53). *Тако бо подобаше пострадати Христу, яже глаголаша пророцы* (Лук. XXIV, 25). Правда, море и вѣтры повинуются Ему, сами стихіи—небо и земля—какъ бы даже выступили на защиту Творца и Владыки своего: *и померче солнце, и тма бысть по всей земли отъ часа шестаго до часа девятаго, и земля потрясѣся, и каменіе распадѣся, и завѣса церковная раздрасѣ отъ вышняго края даже до нижняго* (Мѳ. XXVII, 45, 51; Лук. XXIII, 45),—но это небо и земля содрогнулись отъ нечестія человѣческаго; сами же люди, окружающіе крестъ Христовъ, пока не явлены были эти устрашающія знаменія природы, наперерывъ старались превзойти другъ друга въ безчеловѣчности. *Осуетишася бо помышленія ихъ*, по выраженію пророка, *одебелѣ сердце ихъ...; вси яко овцы заблудиша, человекъ отъ пути своего заблуди* (Ис. LIII, 25)... Впрочемъ, въ своемъ неистовствѣ они сами произнесли и карательный приговоръ надъ собою и предрекли праведное мщеніе суда Божія: *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ* (Мѳ. XXVII, 25),—кричали они, требуя крови неповиннаго Праведника. Теперь же, опьяненные видомъ этой святѣйшей крови и обезумѣвшіе отъ злобы, забывъ гнусность своего безчеловѣчія, съ сатанинскимъ злорадствомъ они могли только издѣваться надъ распятымъ Страдальцемъ: *людіе, книжники, старцы и фарисеи стояху зряще и ругающеся хуляху Его и глаголаху: аще Царь Израилевъ есть, да снидетъ нынѣ со креста и вѣруемъ въ Него* (Мѳ. XXVII, 42; Марк. XV, 29; Лук. XXIII, 35)!..

Прошли, братіе, вѣка и тысячелѣтія, *отнелиже вся сія быша* со времени распятія и страданій Христа на Голгоѣ.

Христосъ умре и воскресе и вознесся отъ насъ на небо, оставивъ намъ Свои вѣчные завѣты божественной истины, благодатнаго мира, непререкаемой правды и совершенной любви, не преставая и Самъ, по неложному обѣтованію Своему, пребывать *съ нами во вся дни* (Мѡ. XXVIII, 20) Своимъ Божествомъ, Своею таинственною благодатию. Картина міра и жизни міра съ той поры измѣнилась. Тьма язычества и мракъ подзаконнаго іудейства смѣнились свѣтомъ евангельской истины и Христовой вѣры. Воздвигнутый коварствомъ и злобою іудеевъ на Голгоѣѣ крестъ Христовъ содѣлался орудіемъ спасенія міра, средствомъ примиренія человѣка съ Богомъ. Спасительная сѣнь его съ Голгоѡы расширилась во всѣ концы вселенной. Подъ этой благодатной сѣнью устроятся царства, созидается политическое могущество народовъ, спѣетъ и развивается культура и наука, облагораживаются и очищаются человѣческіе нравы, перерождается самое существо человѣка. Самый крестъ Христовъ изъ орудія позорнѣйшей казни сдѣлался предметомъ высочайшаго поклоненія,—съ Голгоѡы, съ *лобнаго мѣста* (Марк. XV, 22; Мѡ. XXVII, 33) перенесенъ въ сердца вѣрующихъ. Во всѣхъ областяхъ жизни—общественной, семейной и личной—сказались сила и дѣйствіе этого креста Христова, такъ что нынѣ уже *нѣтъ еллинъ ни іудей, обрѣзаніе и необрѣзаніе, варваръ и скиѡвъ, рабъ и свободъ, мужескій полъ и женскій, но всяческая и во всѣхъ Христосъ* (Колос. III, 11).

Но какъ тогда, во дни оны, на Голгоѣѣ іудеи, такъ и нынѣ въ своей совѣсти въ мимоходящіе дни нашей жизни поставляемся духовно и мы, братіе, предъ крестомъ Христовымъ,—поставляемся силою нашей вѣры, чувствами нашей любви и нашего упованія на Бога. Се нынѣ и самими тѣлами своими *собрались мы вкупѣ въ сей св. храмъ для Господа и для Христа Его*. Се нынѣ предъ нами и для насъ „паки Голгоѡа и паки крестъ“ Христовъ въ умиленномъ церковномъ богослуженіи, совершаемомъ для нашего назиданія и вразумленія. Подойдемъ же ближе сердцемъ и умомъ ко

кресту Христову и распятому на немъ Христу Сыну Божію и *воззримъ нань, Егоже прободоша* (Іоан. XIX, 37) за насъ, за наши грѣхи и беззаконія, нашего ради спасенія. Крестъ сей нынѣ есть уже „правды мѣрило“, „вѣрныхъ знаменіе“, „враговъ посрамленіе“, „Божій образъ назнаменателенъ міру видимому же и невидимому“ (кан. „Кресту Христову“). Въ немъ мы узримъ „мѣрило“ и своей правды, „знаменіе“ нашей вѣры и отображеніе всего нашего нравственнаго существа, созданнаго также *по образу и по подобію Божію* (Быт. I, 26)...

Что же видимъ мы въ себѣ, взирая на крестъ Христовъ и озираясь вокругъ себя въ жизни, гдѣ крестъ Христовъ долженъ быть печатью каждаго человѣка и знаменіемъ всей его жизни,—гдѣ святость креста, любовь Распятаго на немъ и истина запечатлѣннаго кровію сего Распятаго евангелія должны проникать всѣ мысли, всѣ чувства, дѣйствія, все существо человѣка,—человѣка христіанина?.. О, братіе, вопросъ замираетъ на устахъ, сердце обливается кровью, мысль цѣпенѣтъ отъ отвѣта, который мы должны дать въ эти минуты духовнаго предстоянія кресту Христову!... Не будемъ уже вопрошать себя о томъ, есть ли у насъ истинная вѣра въ Бога, въ силу креста Христова, которая (вѣра) и нынѣ, подобно невѣрію іудеевъ, не требовала бы какихъ и либо знаменій отъ Распятаго,—исполненія нашихъ себялюбивыхъ, неправедныхъ желаній, хотя намъ и дано уже во всей полнотѣ величайшее знаменіе Распятаго—Его побѣда надъ міромъ и діаволомъ; не будемъ говорить и о томъ, что, напротивъ, всякій видитъ, кто хочетъ видѣть,—ибо и нельзя не видѣть!—какъ съ каждымъ годомъ все больше и больше широкой волной разливается невѣріе, какъ въ лучшихъ случаяхъ замѣчается равнодушіе, набреженіе къ вѣрѣ, а въ худшихъ—даже кощунственное хуленіе на вѣру и на все святое, заповѣданное намъ Самимъ Господомъ,—какъ все больше и выше поднимаетъ голову надмевающійся своими знаніями и мудростью суетный и злой умъ человѣка, поставляющій

себя вершителемъ судебъ міра и человѣчества! Что сказать намъ *о всѣхъ сихъ приключившихся* въ тѣя дни и бываемыхъ доннѣ въ нашемъ несчастномъ отечествѣ, по всѣмъ градомъ и всеямъ его, не исключая и нашего града, гдѣ и *людіе*, и *князи*, и *воины*, и *книжники*, и *старцы*, забывъ правду и любовь Божію, *возстаютъ на Господа и на Христа Его*,—о всѣхъ нестроеніяхъ, грабежахъ, убійствахъ, татьбахъ, злохуленіяхъ, коимъ подвергаются всѣ и все въ забвеніи Бога, евангелія, человѣчности, всего священнаго и освященнаго вѣками исторіи и искони воспринятой вѣры Христовой?.. А наибольшее зло нашихъ дней, нашего времени—нравственное и умственное развращеніе и растлѣніе нашего учащагося юношества, нашего молодого поколѣнія, нашихъ дѣтей; привлеченіе и вовлеченіе ихъ въ политическій водоворотъ жизни, въ мелкую безпросвѣтную для нихъ самихъ борьбу чуждыхъ, навязанныхъ имъ политическихъ страстей и пороковъ, узкой партійности и своекорыстія, безъ свѣтлыхъ и высокихъ святыхъ идеаловъ знанія, науки, просвѣщенія, безъ идеаловъ той высшей истины, добра и красоты, которые познаются въ школѣ, въ правильномъ систематическомъ наученіи при свѣтѣ евангелія и подъ освѣщеніемъ креста Христова!.. Что сказать объ этомъ безпримѣрномъ въ исторіи явленіи исключительно нашего лукаваго времени!... Можно подумать, что нами уже и самый разумъ утерянъ, и сердце наше истлѣло, и нравственныя понятія, даже человѣческія, упразднены... Неужели ожидать, когда *каменіе возопіетъ* (Лук. XIX, 40) во свидѣтельство правды и истины Христовой?... Что сказать намъ, повторяемъ, на все это предъ лицомъ Распятаго? Не страшнѣ ли эти грѣхи, чѣмъ страсти и пороки фарисеевъ и книжниковъ временъ Христа, которые привели ихъ къ распятію обѣтованнаго Мессіи, сына Давидова? Ибо *просвѣщенные уже въ разумъ Господа и Спаса нашего Иисуса Христа и вкусившіе добраго Божія глагола и силы грядущаго вѣка, но отпадшіе и отвергающіеся сего Божія глагола, не пакы ли второе мы*

распинаемъ Сына Божія себѣ (Евр. VI, 4—6), по выраженію апостола,—и *последняя не горша ли первыхъ* (2 Петр. II, 20)?.. Тогда, во дни они, во дни книжниковъ и фарисеевъ іудейскихъ, была *тма по всей земли*, озаряемая развѣ короткими лучами молній, сверкавшихъ вокругъ креста Христова,—былъ мракъ невѣдѣнія и злоба поддерживаемыхъ и разжигаемыхъ объюродѣвшими христовенавистниками, о которыхъ Самъ Господь со креста Своего молился, говоря: *яко не вѣдѣтъ, что творятъ* (Лук. XXIII, 34), которые, *еще убо быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. II, 8); но *намъ нынѣ Богъ открылъ есть вся духомъ Своимъ,—и мы не духа міра сего пріяхомъ, но духа, иже отъ Бога, и вѣмы, яже отъ Бога, дарованная намъ* (1 Кор. II, 10, 12)... Какое же оправданіе мы нынѣ имѣемъ предъ Богомъ?..

Что же теперь ты самъ безгласенъ и безотвѣтенъ, братъ христіанинъ и любезный согражданинъ? Что стоишь ты въ смущеніи предъ крестомъ Христовымъ, не смѣяше *ни очію возвести къ Распятому?* Или и тебя устрашаетъ тма, которую еще и теперь ты видишь вокругъ креста Христова? Или и ты самъ трепещешь за собственныя колебанія твоего ума и сердца въ твоей непостоянной вѣрѣ во Христа, въ твоихъ отступленіяхъ и паденіяхъ на пути закона и правды не только Божеской, но и человѣческой? О, да не смущается сердце твое! Не бойся, токмо вѣруй! Господь долготерпѣливъ и многомилостивъ. Онъ *не хочетъ смерти грѣшника, но еже обратится и живу быти ему*. Онъ *долготерпитъ на всехъ, не хотя, да кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе приидутъ* (2 Петр. III, 9, 10). Се нынѣ и время благодѣтельное, се нынѣ дни покаянія! Дерзай и ты,—и вѣра твоя спасетъ тя! Видишь-ли разбойника, покаявшагося нынѣ на крестѣ, который *днесь же будетъ съ Господомъ въ раю* (Лук. XXIII, 40 43)? Видишь-ли и сотника-язычника, съ вѣрою удаляющагося отъ распятія и оправданнаго, біющаго себя въ перси и исповѣдующаго, *яко воистину распятый Сынъ бѣ Божій* (Лук. XXIII, 48)? Покайся и ты и *воспрями*

убо, и пощадитъ тя Христосъ Богъ. Покайся, облобзай покаяніе и въ сокрушеніи сердца реки: согрѣшихъ, Господи, согрѣшихъ, беззаконовахъ, неправдовахъ предъ Тобою, ниже соблюдохъ, ниже сотворихъ, якоже заповѣдалъ еси намъ: но не предаждь мя до конца, отцевъ Боже! (велик. кан. 7 п.)!... Аминь.

М. Ш.

СЛОВО въ Великій пятокъ *).

*Не плачитесь о Мнѣ, обаче себе плачьте
(Лук. 23, 28).*

Такъ вѣщалъ Божественный Страдалецъ дочерямъ іерусалимскимъ, которыя плакали и рыдали о Немъ. Тѣ же слова, слушатели христіане, относятся и къ намъ, взирающимъ на преднаписанный Его образъ. Дивимся наставленію Твоему, безмолвный Виновникъ настоящаго печальнаго собранія! Можемъ ли мы не проливать слезъ, созерцая страданія Твои?! Ты—Царь небесный, по безпредѣльному человѣколюбію Своему сошелъ въ бѣдственный и грѣшный міръ сей, облекся въ брѣнное естество наше, жилъ съ нами, сотворилъ столько благодѣтельныхъ чудесъ: очищалъ прокаженныхъ, исцѣлялъ разслабленныхъ, отверзалъ очи слѣпымъ, воскрешалъ мертвыхъ, изгонялъ бѣсовъ, просвѣщалъ сѣдящихъ во тьмѣ евангельскою мудростію, врачевалъ души мытарей и грѣшниковъ. Какъ же здѣсь, на землѣ, приняли Тебя, безцѣннаго Благодѣтеля? Сперва дали Тебѣ вмѣсто чертога мрачный вертепъ, вмѣсто престола—убогія ясли, потомъ заставици Тебя бѣжать изъ города Виелеема въ Египетъ и вслѣдъ за симъ وباгрили, такъ сказать, самый возрастъ Твой пролитіемъ невинной крови многихъ тысячъ младенцевъ. Такъ *во Своя прииде, и Свои Его не пріяша* (Іоан. 1, 11)! А когда Ты, Боже-

*) Произнесено въ Каменецкомъ Кафедральномъ соборѣ 31 марта 1906 года.

ственный Спаситель, торжественно служилъ спасенію нашему, сколько разъ огорчали Тебя своимъ невѣріемъ, искушали Тебя лукавыми вопросами! Сколько разъ хотѣли побить Тебя камнями! Сколько разъ оскорбляли Тебя, считая чудеса Твои дѣломъ вельзевула, князя бѣсовскаго (Мѡ. 12, 24), называли Тебя *бѣса имѣющимъ* (Іоан. 10, 20), тогда какъ Самъ Ты пришелъ для того, чтобы уничтожить власть и могущество діавола (Евр. 2, 14)! Нигдѣ не давали Тебѣ *главы поклонити* (Мѡ. 8, 20)! И въ послѣдніе дни земной жизни Своей—сколько Ты испыталъ и перетерпѣлъ огорченій и мученій, издѣвательствъ и хуленій! А нынѣ Ты, Господь славы, обнаженъ и повѣшенъ на крестѣ въ позоръ и поруганіе всей твари! Ты, Начальникъ жизни, среди тягчайшихъ мученій испустилъ духъ! Се созерцаемъ очами вѣры: *Ты не имѣешь вида ни доброты: но видъ Твой безчестенъ и умаленъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ* (Іс. 53, 2—3). И кто все это сдѣлалъ съ Тобою, Единородный Сынъ Божій? Человѣки! Глядя на позоръ сей, вся тварь невинная подвиглась нынѣ отъ жесточайшей болѣзни и смерти Твоей, ангелы свѣта помрачились печалію, ужаснулось солнце и скрыло лучи свои въ полдень, земля трепещущи тряслась, камни какъ-бы отъ глубокой скорби растерзались на части. Самъ Духъ Святый, какъ замѣчаетъ одинъ отецъ церкви (Ефремъ Сиринъ), раздравъ чистѣйшую завѣсу храма, удалился изъ святилища. Мы-ли, виновные человѣки, не возмутимся духомъ, не поболیمъ сердцемъ при столь ужасномъ и плачевномъ зрѣлищѣ?! Самое естество наше нудитъ насъ теперь лить слезы.

Я не возбраняю вамъ плакать,—вѣщаетъ намъ нынѣ почивающая въ семъ гробѣ Истина и Любовь,—Я хочу только святить ваши слезы, чтобы онѣ были для васъ радостотворны и спасительны. И потому указываю вамъ главный и существенный ихъ предметъ: плачьте о томъ, о чемъ Я плакалъ,—не о страданіяхъ Моихъ, а о грѣхахъ вашихъ; *не плачтитеся о Мнѣ, обаче себе плачьте.*

Такъ, слушатели христіане, грѣхи наши, по суду Божію, достойнѣ слезъ, чѣмъ страсти Христовы. Они предали Сына Божія самой безчестной смерти; они и нынѣ возобновляютъ въ насъ ужасное зрѣлище Голгоѣское.

Какъ *носившій въ Себѣ всяко исполненіе Божества тѣлеснѣ* (Кол. 2, 9), Иисусъ Христосъ *не сотвори грѣха, ниже обрѣтесе леть во устѣхъ Его* (1 Петр. 2, 22). Почему же Онъ былъ на землѣ въ толикомъ *трудѣ, и въ язвѣ отъ Бога, и во озлобленіи* (Ис. 53, 4)? Святая вѣра христіанская освѣщаетъ предъ нами сію тайну. Она учитъ, что *единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся чловѣки вниде, въ немъ же вси согрѣшиша* (Рим. 5, 12). Всѣ мы въ лицѣ праотца Адама преступили заповѣдь Божію, и грѣхъ проникъ все существо наше, такъ что мы стали источать изъ себя зло, какъ ключъ воду,—и потому всѣ мы были повинны вѣчной смерти. Но любовь Божія въ предвѣчномъ совѣтѣ опредѣлила спасти насъ отъ бездны погибели. Какое же избрано для сего средство? Страданіе и смерть Богочеловѣка. Безконечная правда, какъ богословствуютъ богомудрые отцы церкви, требовала удовлетворенія за грѣхи, соразмѣрнаго оскорбленію величія Божія. Безмѣрно было оскорбленіе,—потребна была и жертва безмѣрной цѣны. Кто же могъ принести такую жертву? Сами чловѣки? Но они-то и подлежали долгу за грѣхъ: *вси уклонишася*, какъ сказано въ св. Писаніи, *вкупѣ непотребни быша: нѣсть творяй благое, нѣсть даже до одинаго* (Рим. 3, 10), и потому не могли *дать Богу измѣны за ся и цѣну избавленія души своя* (Пс. 48, 8—9). Святые ангелы? И они не могли за насъ удовлетворить правосудію Божію, хотя бы ихъ тысячи явились во плоти для пролитія крови; ибо цѣна ихъ крови, какъ крови тварей, не была бы соразмѣрною безпредѣльному долгу нашему предъ Богомъ. Итакъ надлежало воплотиться Божественному Лицу, чтобы, принявъ на Себя грѣхи всего чловѣчества, вполне удовлетворить за нихъ правдѣ Божіей страданіемъ и смертію Своею, какъ жертвою безконечной цѣны.

Вотъ почему, слушатели христіане, *Богъ, не жотяй смерти грѣшника, и Сына Своего Единороднаго не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ естъ Его* (Рим. 8, 32). Вотъ почему предвѣчное, всесвятое Слово плоть бысть (Іоан. 1, 14), истощило Себя до смерти крестной, самой мучительной и поносной. Созерцая въ тайнѣ судебъ земную участь Христа Спасителя, пророкъ Исаія говорить о Немъ: *Той язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша* (Ис. 53, 5). Такъ, слушатели христіане, наши грѣхи покрыли пречистое тѣло Искупителя язвами. „Страждешь, Господи,—вопіеть святыи Амвросій Медиоланскій,—и мучишься не Твоими, но моими ранами, болѣзнуешь не Своею смертію, но моею немощію“. Потому глава Іисусова уязвлена была терніемъ, что нашъ гордый умъ родилъ и питалъ безчисленное множество нечистыхъ помысловъ; потому сквозь ребро пронзено было сердце Его, что наше сердце плѣнено было постыдными страстями; потому непорочныя руки и ноги Его распяты, что наши руки и ноги служили орудіемъ къ исполненію дѣлъ грѣховныхъ.

Предстоя убо сему гробу и помышляя, въ какую бездну уничтоженія и страданій свели мы Сына Божія своими беззаконіями, можно-ли, слушатели христіане, не воздохнуть изъ глубины души и не восплакать о себѣ? Вѣдь пострадала чистѣйшая Невинность за насъ, враговъ Божіихъ, и отъ насъ же, за которыхъ Она пролила безцѣнную кровь Свою. *Обаче себе плачьте!*

Не думаете ли вы, слушатели христіане, что страданія Христа Спасителя окончились? Нѣтъ! По примиреніи насъ съ Богомъ Своею искупительною жертвою, Іисусъ *сѣде одесную престола величества на высокихъ* (Евр. 1, 3), но скорби и страданія Его продолжаютъ донынѣ. Доселѣ Онъ страдаетъ еще и не плотію, обаче духовно, отъ грѣховъ, творимыхъ членами таинственнаго тѣла Его—Церкви. Св. апостоудъ Павелъ видитъ и нынѣ *второе распинающихъ Сына Божія* (Евр. 6, 6). Говоря сіе, слушатели христіане, я ужасаюсь и, взирая на крестъ, украшающій перси мои, смущаюсь по-

мысломъ: не тутъ-ли, въ моемъ грѣшномъ сердцѣ, первая изъ новыхъ Голгоѣвъ, доселѣ обливаемыхъ кровію Сына Божія, въ погибель мнѣ? Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ самоотверженіе и распятіе плоти со страстями и похотями ея, чего требуютъ отъ меня святые обѣты крещенія и священства? Гдѣ серафимская любовь и чистота души, которыя я долженъ имѣть по божественному сану священства? Ахъ, когда предстою престолу Божію, гдѣ доселѣ таинственно изливается кровь Христа во спасеніе вѣрныхъ, трепещу отъ мысли, не я-ли первый попираю сіе неоцѣненное сокровище своимъ недостойнымъ священнослуженіемъ? Страшусь, слушатели христіане, моего недостойнства и стыжусь вашего достоинства... Но да будетъ позволено мнѣ отъ возглавляющаго настоящее печальное собраніе Архипастыря нашего продолжить слово мое о томъ, что не малая часть изъ овецъ стада, стяжаннаго пречистою кровію, принадлежитъ къ числу мучителей Господа Искупителя. Такъ, это—тѣ христіане, которые имѣютъ только видъ благочестія, а силы его отвергаются,—которые возстаютъ противъ евангельской истины и попираютъ уставы своей Церкви,—которые, имѣя во всемъ достатокъ, не удѣляютъ и малой лепты Христу, просящему въ лицѣ нищихъ,—которые измѣняютъ правдѣ и притѣсняютъ невинность,—которые дышатъ огнемъ зависти и мщенія,—отъ которыхъ слышны злословія, проклятія и клеветы на ближнихъ,—которые все почти время проводятъ въ мірскихъ увеселеніяхъ, служатъ чреву, какъ Богу, предаются всякимъ порокамъ. Вотъ такими и подобными грѣховными дѣлами христіане, вкусившіе дара небеснаго и бывшіе причастниками Духа Святаго, какъ говоритъ апостолъ Павелъ, *второе распинаютъ Сына Божія* (Евр. 6, 4, 6).—распинаютъ во святилищѣ неблагоговѣйнымъ стояніемъ, недостойнымъ причащеніемъ Божественныхъ Таинъ,—распинаютъ въ умѣ своемъ злыми мыслями, въ сердцѣ—нечистыми желаніями, въ очахъ—похотнымъ возрѣніемъ, въ устахъ—срамными и праздными рѣчами. Если посмотримъ теперь на бурное

теченіе политической нашей жизни, то увидимъ, что и въ этомъ водоворотѣ не мало есть мучителей и распинателей Христа Бога нашего. Святая православная Русь,—та Русь, которая гордилась своимъ благочестіемъ, гордилась преданностію своимъ природнымъ царямъ и любовью къ родинѣ,—эта Русь теперь неузнаваема. Семьи разлагаются: многіе родители не только не заботятся о христіанскомъ воспитаніи дѣтей, но и сами, своимъ неблаговиднымъ поведеніемъ и своими извращенными взглядами на родину, развращаютъ ихъ и направляютъ на гибельную дорогу; въ свою очередь и дѣти своевольничаютъ и не подчиняются родителямъ, грубятъ и оскорбляютъ ихъ; увлекаясь политическимъ движеніемъ и невѣріемъ, учащаяся молодежь бросаетъ науку, бойкотируетъ начальниковъ и наставниковъ, отказывается отъ посѣщенія церкви, пренебрегаетъ занятіями по закону Божию. И между взрослыми гражданами отечества повсюду замѣчаются броженіе умовъ, ропотъ и недовольство; искони правдолюбивый и богобоязненный русскій народъ бросаетъ свой честный трудъ и, волнуясь, раздѣляется на партіи, враждующія между собою; отсюда распри и несогласія переходятъ въ ненависть и злобу и выражаются страшными взрывами негодованія и мести: въ озлобленіи братъ поднимаетъ руку на брата, христіанинъ по душѣ и сердцу посягаетъ на добро ближняго, грабитъ и разоряетъ его; вопреки заповѣди Божіей: *не прикасайтесь Помазанникамъ Моимъ и Царя чтите* (Ис. 104, 15; 1 Петр. 2, 17), поносятъ и всячески стараются умалить царскую власть Государя нашего... Но да не возглаголютъ грѣшныя уста мои болѣе дѣлъ человѣческихъ, творимыхъ своими же въ поруганіе и разореніе нашей родины! Скажемъ только къ слову, что, къ сожалѣнію, во всѣхъ такихъ и подобныхъ общественныхъ злодѣяніяхъ противъ Бога, Царя и родины не малое участіе принимаютъ сыны православной Церкви и православной Россіи,—тѣ сыны Церкви и отечества, которые искуплены Господомъ дорогой цѣной—Его Божественной

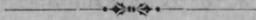
крювію и за спасеніе которыхъ Онъ переносилъ страшныя муки и страданія. Судите сами, слушатели христіане: развѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ можетъ не скорбѣть и не страдать духовно отъ такихъ богомерзкихъ и безчеловѣчныхъ дѣяній, творимыхъ въ нашемъ отечествѣ членами таинственнаго тѣла Его.—Церкви?!. Воистину страждетъ Господь и второе распинаніе!

Вотъ, чѣмъ, слушатели христіане, мы платимъ Своему безмѣрно-великому Благодѣтелю, Господу Іисусу: мы предаемъ Его новымъ мученіямъ, которыя для Него поносиле и болѣзненнѣе первыхъ. Первые страданія, при всей ихъ горести, были и пріятны Спасителю: Онъ Самъ восхотѣлъ понести ихъ для изглаженія грѣховъ міра; Онъ видѣлъ очами всевѣднѣя, что крестъ Его прославить Бога, перейдетъ съ Голгоѣы на главы царей, просвѣтитъ и утвердитъ вселенную. Но въ новыхъ страданіяхъ какое утѣшеніе? Христіане, искупленные Божественною кровію, просвѣщенные свѣтомъ евангельскимъ, упадаютъ въ бездну нечестія и развращенія. Боже милостивый! Какъ небо не поражаетъ насъ молніею, какъ земля не поглощаетъ за столь великую обиду Искупителю! Діаволь не страдалъ и не умеръ за насъ; *яко левъ рыкая искій кого поглотити* (1 Петр. 5, 8), онъ хотѣлъ бы, по неистощимой злобѣ своей, повергнуть насъ въ бездну лютейшихъ мученій, нежели какія самъ терпитъ, и однако-же мы слушаемъ его, даемъ ему мѣсто въ сердцѣ нашемъ, а Сыну Божію, Который претерпѣлъ за насъ безмѣрныя муки, отверзъ намъ царство небесное, не повинуюемся, попираемъ Его заслуги, гонимъ Его изъ своего сердца! Тяжесть сей обиды, слушатели христіане, мы тогда бы вполне постигли, когда смотрѣли бы на грѣхи тѣми чистѣйшими очами, коими Господь всегда на нихъ смотритъ.

Послѣ сего какъ не печалиться намъ о самихъ себѣ, помышляя, что мы новыми грѣхами своими уязвляемъ Спасителя,—и уязвляемъ чувствительнѣе прежняго! Себе плачите!

Боже праведный! Потерпи намъ грѣшнымъ! Будь пока намъ Спаситель, а не Судія! *Призираяй на землю и творяя ю трястися* (Пс. 103, 32)! Воззри на насъ, да разсялется сердце наше болѣзнію и сокрушится окаменение наше жалостию о грѣхахъ нашихъ! Ты воззрѣлъ на Петра отвергшагося, и онъ плакася горько (Лук. 22, 61—63), плакалъ всю жизнь и помилованъ. Воззри и на насъ тѣмъ же взоромъ, и мы будемъ лить слезы день и ночь, и беззаконія наша, коими мы снова уязвили Тебя, отмыются! Аминь.

Настоятель Каменецкаго Каѳедрального собора,
протоіерей *Симеонъ Сорочинскій*.

Измѣняемы или неизмѣняемы церковные каноны?

(Окончаніе).

Прежде всего надлежитъ опредѣлить, что понимается церковью подъ именемъ канона. Название это въ христіанской церкви, еще въ эпоху апостоловъ (Галат. VI, 16; Филип. III, 16), было усвоено тѣмъ правиламъ церковнымъ, которыя происходили отъ Самого Іисуса Христа и апостоловъ, а впослѣдствіи и тѣмъ, которые были установлены церковью, въ предѣлахъ данныхъ ей отъ Іисуса Христа и апостола полномочій, или, наконецъ, были установлены хотя и государствомъ, но примѣнительно къ основанной на божественныхъ заповѣдяхъ компетенціи собственно церковной. Имѣя форму положительныхъ опредѣленій и нося на себѣ внѣшнюю церковную санкцію, эти правила назывались канонами въ отличіе отъ тѣхъ постановленій о церкви, которыя, исходя отъ власти государственной, охраняются ея санкціею и осуществляются ея силою. По мнѣнію византійскихъ канонистовъ (Вальсамона, Властаря), каноны всегда должны пользоваться большимъ авторитетомъ, чѣмъ законы, такъ какъ послѣдніе издавались только греко-римскими императорами, а каноны—святыми отцами церкви съ утвержденія импера-

торовъ, вслѣдствіе чего канонамъ принадлежитъ авторитетъ обѣихъ властей—церковной и государственной.

Послѣ того какъ церковь стала излагать свое вѣроученіе въ общецерковныхъ символахъ, слово канонъ получило болѣе специальное значеніе—постановленія вселенскаго собора, относящагося къ устройству церкви, ея управленію, учрежденіямъ, дисциплинѣ и жизни. Въ этомъ значеніи слово канонъ окончательно узаконено 2-мъ правиломъ трульскаго и 1-мъ VII вселенскаго соборовъ.

Обратимся теперь къ исторіи древней вселенской церкви и посмотримъ, какъ понимала она неизмѣнность своихъ канонѳвъ. На протяженіи первыхъ трехъ вѣковъ мы не встрѣчаемъ принципиальныхъ разсужденій по этому вопросу. Только Тертуліанъ даетъ намъ нѣкоторый матеріалъ въ своихъ изслѣдованіяхъ объ измѣняемости церковной дисциплины. Въ полемикѣ своей съ каѳоликами, защищая монотанистическую дисциплину, онъ между прочимъ доказываетъ право и необходимость для церкви постояннаго усовершенія дисциплины. Тертуліанъ особенное свойство вѣры, по сравненію съ дисциплиной, видѣлъ именно въ томъ, что первая есть *immobilis et irreformabilis*,—„тѣ же предметы, кои касаются дисциплины и образа жизни, могутъ допускать нѣкоторый видъ обновленія и исправленія подъ непрерывнымъ воздѣйствіемъ благодати¹⁾“, которая дарована церкви и пребудетъ у нея до конца ея земнаго существованія. „Для того—говоритъ Тертуліанъ—и послалъ Господь Духа Утѣшителя, чтобы при содѣйствіи Его дисциплина постепенно была приводима къ совершенству²⁾“. Подобно Тертуліану, и св. Кипріанъ защищалъ начало усовершенія къ лучшему, какъ не противное существу церкви; и даже болѣе—допускалъ критику раннѣйшихъ дисциплинарныхъ узаконеній; критика-же, разумѣется, предполагаетъ возможность измѣненія критикуемаго порядка. По мнѣнію Кипріана, „надобно обращать вниманіе не на то, что почиталъ нужнымъ дѣлать кто-нибудь прежде насъ, а надлежитъ провѣрять прежде соблюдавшееся

1) Migne p. 889. B.

2) Ibidem.

чрезъ сопоставленіе съ другими началами 1)“. Точно также и Василій Вел. 2) и св. Епифаній 3) соглашались, что церковная дисциплина требуетъ иногда дополненія, необходимость коего обуславливается исключительно разностью времени первоначальнаго установленія.

Защитники безусловной неизмѣнности церковныхъ канонѡвъ ссылаются на постановленія самихъ соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ, которые содержатъ слѣдующія предписанія: „да хранятся древніе обычаи, древнія преданія; да соблюдается древній законъ и обычай; да не вводятся въ церкви вопреки писаніямъ и церковнымъ преданіямъ новости; да не преступаются преданія и правила отцевъ, а преступающій церковныя преданія или преданное нововведеніемъ повреждающій да будетъ изверженъ и отлученъ отъ церкви“ (I всел. 6, 7, 13, 18 пр.; II вс. 2, 7; III вс. 7, 8; IV вс. 1; VI (трульск.) 1, 2, 13, 14, 29, 32, 84, 87, 90; VII вс. 7; Гангр. 21 и др.). Но если мы внимательно вчитаемся въ содержаніе указанныхъ правилъ соборныхъ, то смыслъ ихъ представится въ нѣсколько иномъ видѣ. Во-первыхъ, всѣ эти правила, кромѣ одного только 2-го канона трульскаго собора, говоря о церковныхъ правилахъ и преданіяхъ, не разграничиваютъ въ этомъ общемъ понятіи опредѣленій чисто догматическихъ отъ постановленій, касающихся церковной дисциплины. Но что безусловно справедливо относительно первыхъ, то можетъ быть приписываемо вторымъ только условно, именно—если эти постановленія имѣютъ въ своей основѣ истину, заключенную въ божественномъ откровеніи. Особенно ясно такое смѣшеніе тѣхъ и другихъ опредѣленій въ 1-мъ канонѣ IV вселенскаго собора и въ 1-мъ же канонѣ VII, никейскаго. Во-вторыхъ, тѣ правила, которыя имѣютъ въ виду нарушеніе или измѣненіе канонѡвъ, касающихся церковной дисциплины, направлены не къ тому, чтобы отнять у самой-же церкви, ихъ установившей, власть вносить въ нихъ тѣ или другія измѣненія, по требованіямъ времени и обстоятельствъ,—нѣтъ, они въ своихъ запрещеніяхъ и клятвахъ

1) Твор. свв. отц. I. 346.

2) Твор. Вас. В. русск. пер. III, 347.

3) Твор. русск. пер. V, 335.

имѣють въ виду отдѣльныхъ нарушителей церковнаго благочинія, будеть-ли то простой мірянинъ, или хотя бы даже епископъ. Въ третьихъ, наконецъ, всѣ вышеуказанныя правила соборовъ имѣють въ виду свое время, обстоятельства котораго не требовали никакихъ измѣненій въ нихъ, а потому и запрещенія ихъ имѣли полную силу и дѣйственность лишь для ихъ современниковъ.

Наиболѣе важнымъ аргументомъ въ пользу неизмѣнности церковныхъ канонѡвъ представляется намъ второе правило трульскаго собора. Поэтому считаемъ необходимымъ остановиться на немъ подробнѣе. Оно читается такъ: „Прекраснымъ и крайняго щанія достойнымъ призналъ сей святыи соборъ и то, чтобы отнынь ко исцѣленію душъ и ко уврачеванію страстей тверды и ненарушима пребывали пріятыя и утвержденныя бывшими прежде насъ святыми и блаженными отцами, а также и намъ преданныя именемъ святыхъ и славныхъ апостоловъ осмьдесятъ пять правилъ... (слѣдуетъ перечисленіе правилъ 5 вселенскихъ, 9 помѣстныхъ соборовъ и свв. отцевъ)... Никому да не будетъ позволено вышеозначенныя измѣнять, или отмѣнять, или, кромѣ предложенныхъ правилъ, пріимати другія, съ подложными надписаніями, составленныя нѣкими людьми, дерзнувшими корчемствовати истиною. Аще же кто обличень будетъ, яко нѣкое правило изъ вышереченныхъ покусился измѣнити или превратити, таковой будетъ повинень противъ того правила понести епитимію, каковую оно опредѣляетъ“... Теперь, если мы приложимъ къ этому правилу все сказанное выше, то окажется, что соборъ опять таки имѣетъ въ виду не измѣненіе канонѡвъ властію самой церкви (какъ видно изъ текста правила), а злоупотребленія ими со стороны отдѣльныхъ членѡвъ ея, „дерзающихъ—по выраженію собора—корчемствовати истиною“, такъ какъ, если-бы соборъ имѣлъ въ виду утвердить безусловную неизмѣнность церковныхъ правилъ, то, безъ сомнѣнія, высказался бы въ этомъ смыслѣ со всею ясностью и непрекаемостью.

Ближайшее подтвержденіе этой мысли (что разсматриваемыя соборныя правила не имѣють въ виду устанавливать абсолютную неизмѣнность церковнаго канона) мы находимъ въ самыхъ соборныхъ канонахъ,—и прежде всего въ практикѣ самого трульскаго

собора. Вообще, если просмотрѣть дисциплинарныя опредѣленія извѣстныхъ въ исторіи соборовъ, то нельзя не прийти къ тому заключенію, что едва-ли существуетъ хотя одинъ соборъ, который между всѣми постановленіями не имѣлъ бы такого, цѣлью котораго было бы измѣненіе существующей дисциплины, установленіе новаго факта, поправку въ дѣйствующихъ правилахъ и т. п. Въ виду непомѣрнаго обилія подобнаго рода матеріаловъ, приведемъ только нѣкоторые болѣе характерные факты изъ практики самихъ вселенскихъ соборовъ. Такъ напр., 8-мъ правиломъ III всел. собора положительно запрещается епископамъ простираť власть на иную епархію, которая прежде и сначала не была подъ рукою его или его предшественниковъ: „да не преступаются правила отецъ“. Но слѣдующій же IV вс. соборъ 28-мъ своимъ правиломъ подчинилъ константинопольскому архіепископу митрополитовъ понтійскаго, асійскаго и еракійскаго, которые не только „прежде и сначала“ не были „подъ его рукою“, но наоборотъ—самъ онъ когда-то находилея въ подчиненіи еракійскому митрополиту.

Что касается трулльскаго собора, то онъ самъ 40-мъ своимъ правиломъ найяснѣйшимъ образомъ доказалъ, что церковная дисциплина измѣняема и усовершеняема. Именно, этимъ правиломъ соборъ измѣняетъ одно изъ правилъ св. Василія Вел. на томъ основаніи, что находитъ это правило уже несоотвѣтствующимъ тогдашнему состоянію церкви: „понеже усмотрѣно, яко церковь благодатию Божіею пріяла большую крѣпость и преусиѣніе, и вѣрныя въ соблюденіи божественныхъ заповѣдей тверды и благонадежны“. Это замѣчаніе чрезвычайно важно: оно показываетъ не только существованіе общаго принципа измѣняемости дисциплины въ древней церкви, но въ то же время иллюстрируетъ, такъ сказать, и столь важное 2-е правило самого трулльскаго собора. Кромѣ того, трулльскій соборъ 16-мъ правиломъ отмѣнилъ постановленіе неокесарійскаго помѣстнаго собора о семеричномъ числѣ діаконовъ и возстановилъ искаженное имъ правило апостольское. Двѣнадцатымъ-же правиломъ тотъ-же трулльскій соборъ, предписавъ епископамъ обязательное безбрачіе, отмѣнилъ 5-е и 51-е апостольскія правила, осуждающія епископовъ, гнушающихся брачною

жизни. Въмѣсто предписываемыхъ апост. правилами двухъ ежегодныхъ соборовъ епископовъ, трулльскій соборъ, по обстоятельствамъ своего времени, назначаетъ лишь одинъ. Правило (10-е) анкирскаго помѣстнаго собора, дозволяющее діаконамъ вступать въ бракъ послѣ рукоположенія, также отмѣнено 6-мъ правиломъ собора трулльскаго. Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что прежніе церковные каноны не имѣли для этого собора прерогативы неизмѣнности. Точно также и послѣдующій VII вселенскій соборъ относится совершенно самостоятельно къ постановленіямъ трулльскаго,—именно: онъ „возобновляетъ“, по его выраженію, постановленіе VI собора о томъ, чтобы въ каждой области однажды въ годъ былъ помѣстный соборъ (пр. 6). Правило начинается указаніемъ на то, что существуютъ правила (ап. 27 и мн. др.), опредѣляющія быть такому собору дважды въ годъ, а „отцы шестого собора опредѣлили единожды въ годъ быть собору: то и мы сіе правило возобновляемъ“ и проч. Если бы дѣло было понимаемо такъ, что принятое на соборѣ ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть пересматриваемо, то для чего „возобновлять“ то, что и безъ того счѣталось бы имѣющимъ безусловную силу? Правило 11-е измѣняетъ, или, по крайней мѣрѣ, дополняетъ 26-е VI вселенск. собора, ибо предоставляетъ митрополитамъ ставить экономовъ въ тѣ церкви, епископы которыхъ не сдѣлали этого сами по себѣ. Правило 12-е явнѣйшимъ образомъ дополняетъ 38-е апостольское.

Прямой выводъ изъ всего вышесказаннаго тотъ, что и самые соборы не смотрѣли на церковные каноны какъ на абсолютно неизмѣняемые.

Для характеристики разбираемаго вопроса весьма любопытны и важны взгляды современной соборамъ свѣтской власти на ея участіе въ изданіи и охраненіи церковныхъ каноновъ. Димитрій Хоматинъ, архіепископъ болгарскій, исключая изъ компетенціи царской власти область священнодѣйствованія, говоритъ, что, за исключеніемъ этой области, всѣ остальные прерогативы церковной власти представляетъ собою императоръ, при чемъ предполагается, что императоръ дѣйствуетъ законно и канонически¹⁾. Это послѣднее

¹⁾ Синт. V. 429 стр.

предположеніе, какъ необходимое, высказывалось и самими императорами, даже такими, которыми на самомъ дѣлѣ издавались законы, въ большей или меньшей степени отступавшіе отъ канонѣ (напр. новеллы Льва Мудраго II, XVI, LXXV; ср. IV, XV, XXX, CXI, CXII). Однако, съ другой стороны, высказывалось и то, что цари, по данной имъ власти свыше, могутъ допускать исключенія изъ всякаго правила, гражданскаго и церковнаго, ибо тотъ, кому поручено Богомъ управленіе міромъ, стоитъ выше законовъ. Поэтому принимались къ руководству патріархами и такіе законы, которые уклонялись отъ существовавшаго церковнаго порядка. (Такъ напр., была принята, какъ обязательный церковный законъ, новелла Алексѣя Комнена о дозволенности брака дяди съ племянницей и тетки съ племянникомъ). Въ царствованіе Мануила Комнена составилъ даже между юристами взглядъ, не получившій впрочемъ силы, что базиликами, какъ позднѣйшими законодательствами, отмѣнены всѣ соборные каноны¹⁾. Врядъ-ли могъ бы сложиться подобный взглядъ, если бы церковь всегда настаивала на безусловной неизмѣняемости церковнаго канона.

Не требуетъ такой неизмѣнности и самое понятіе о церкви, о ея существенныхъ свойствахъ. Если церкви Христовой опредѣлено существовать вѣчно и „врата адова не одолѣютъ ей“, то тѣ свойства, которыми она обладала въ эпоху вселенскихъ соборовъ,—ея жизненность, способность къ самостоятельному развитію и усовершенію,—не отняты у нея и понынѣ. Стало быть, если въ то время церковь находила возможнымъ и законнымъ для себя развитіе своей канонической дисциплины, то оно столь-же возможно и законно и теперь.

Но допускать совершенную измѣняемость церковныхъ канонѣ значитъ впасть въ противоположную крайность и признать полнѣйшій произволъ въ дѣлѣ опредѣленія вышнихъ нормъ церковной жизни, какъ это и сдѣлали протестанты.

Та же практика древней вселенской церкви, приводящая насъ къ мысли объ измѣняемости церковной дисциплины, съ дру-

¹⁾ Вальсам. къ гл. 2, I тит. номок. Συντ. I, 37.

гой стороны убѣждаетъ и въ томъ, что въ каноническихъ опредѣленіяхъ, какъ и въ догматическихъ, есть нѣчто непреложное, неизмѣнное и непререкаемое.

Что-же въ церковныхъ канонахъ должно оставаться неизмѣннымъ и что можетъ подвергаться измѣненіямъ?

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что въ церкви есть положенія дисциплины дѣйствительно неизмѣнныя, которыя, вслѣдствіе ихъ неизмѣнности, по аналогіи конечно, можно называть догматическими канонами, существенное отличіе которыхъ отъ всѣхъ прочихъ канонѳвъ въ томъ и состоитъ, что никогда въ послѣдующее время не можетъ быть постановлено рѣшеніе заключающагося въ нихъ вопроса противоположное или несогласное съ ними. Предѣлы измѣняемости въ дисциплинѣ намѣчаетъ не время происхожденія существующей дисциплины, а предметъ ея опредѣленій и отношеніе его къ откровенію. Такая дисциплина, стоящая въ связи съ истинами откровенія, не можетъ быть измѣняема, коль скоро фактъ этой связи установленъ компетентной церковной властью, и, слѣдовательно, здѣсь-то и намѣчается первый явственный предѣлъ измѣняемости дисциплины. А такъ какъ истины откровенія заключены не только въ св. Писаніи, но и въ православныхъ догматахъ, то неизмѣнной должно считать ту дисциплину, которая стоитъ въ прямой связи съ догматами церкви. Таковы церковные каноны о степеняхъ іерархіи, каноны осуждающіе челоуѣкоубійство, прелюбодѣяніе и т. п. пороки, каноны объ иконопочитаніи и др.

Однако-же, къ области неизмѣнной дисциплины должны быть относимы не исключительно тѣ каноны, которые связаны съ истинами теоретическими или правой вѣрой, но и тѣ, которые стоятъ въ прямомъ отношеніи съ практическими истинами, данными въ откровеніи, или выражаютъ собою эти истины. Таковы каноны противъ отрицающихъ бракъ, а также каноны, осуждающіе тѣхъ, которые думаютъ, будто недѣйствительно совершеніе евхаристіи женатымъ священникомъ. Хотя эти каноны не имѣютъ отношенія къ истинамъ вѣры, но они исправляютъ искаженное пониманіе нравственно-практической истины, данной въ самомъ откровеніи.

Вотъ главнѣйшія основанія для рѣшенія первой половины предложеннаго вопроса. Вторая половина его, именно—что можетъ быть измѣняемо въ канонахъ церковныхъ, отчасти уже предрѣшена въ предыдущихъ разсужденіяхъ. Такъ какъ во всѣхъ церковныхъ правилахъ всегда можно различать элементъ общецерковный и элементъ частный, въ свою очередь распадающійся на элементы помѣстный и случайный, то и въ ряду каноновъ каждаго собора можно различать: 1) правила именно этого условнаго характера,—правила, которыя поѣтому имѣютъ значеніе скорѣе какъ историческіе факты, чѣмъ какъ законы вселенской церкви, и 2) правила дѣйствительнаго законодательнаго значенія. Существованіе такихъ мѣстныхъ и случайныхъ каноновъ признается въ самой книгѣ правилъ. Къ нимъ относятся, напр., 15-й канонъ лаодикійскаго помѣстнаго собора, запрещающій пѣть въ церкви мірянамъ, 6 канонъ карфагенскаго собора, не позволяющій священнику совершать открытое примиреніе кающихся съ церковью, запрещеніе VII вселенскимъ соборомъ под страхомъ анаѣемы всякаго участія свѣтской власти въ назначеніи епископовъ на тѣ или другія каѣдры. Если бы послѣдній канонъ имѣлъ приложеніе и къ настоящему времени, то пришлось бы признать незаконной іерархію почти всѣхъ православныхъ церквей и потому признать ихъ лишенными благодати священства. Подобныхъ каноновъ, совершенно непримѣнимыхъ въ настоящее время, но все же утвержденныхъ авторитетомъ 2 правила трулльскаго собора, не мало въ нашей книгѣ правилъ, и допускаемыя церковью отступленія отъ нихъ никакъ не могутъ быть названы нарушеніями церковной дисциплины, такъ какъ никогда еще ни одно церковное правило не оставалось на томъ основаніи, что оно ложно, а только лишь потому, что нужда въ немъ прекращалась. Въ этомъ-то собственно и должно видѣть неизмѣнность церковныхъ правилъ, что въ настоящее время не можетъ быть поставлено по какому-нибудь каноническому вопросу рѣшенія, совершенно противнаго уже разъ данному въ канонахъ вселенскихъ соборовъ. Но всѣ заключенные въ дисциплинарныхъ постановленіяхъ церкви условные элементы, мѣстные и временные, бывали въ те-

ченіе исторіи церкви, а слѣдовательно—могутъ быть и теперь, измѣняемы.

Повидимому, такой выводъ вполне естественъ, и несомнѣнность его сама собою очевидна. Но чѣмъ же въ такомъ случаѣ объяснить разногласіе ученыхъ канонистовъ по данному вопросу, о которомъ мы говорили выше? Намъ кажется, что такое разногласіе можетъ быть объяснено различіемъ исходныхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ обѣ стороны разсматриваютъ неизмѣнность церковныхъ каноновъ. Профессоръ Т. В. Барсовъ и епископъ Іоаннъ держатся догматико-канонической точки зрѣнія, по которой церковь, благодаря положеннымъ въ ея основаніе божественнымъ началамъ, непогрѣшима ни въ какихъ своихъ постановленіяхъ и, слѣдовательно, также въ постановленіяхъ, касающихся церковной дисциплины. Этотъ выводъ тѣсно связанъ съ ученіемъ о непогрѣшимости вселенскихъ соборовъ и въ немъ находятъ свое главное обоснованіе.

Защитники-же извѣстной измѣняемости каноновъ доказываютъ ее съ историко-практической точки зрѣнія и притомъ такъ, что въ различныхъ перемѣнахъ, происходившихъ въ церковномъ законодательствѣ, видятъ не исключенія, по нуждѣ допускаемыя изъ неизмѣнныхъ въ своемъ существѣ законовъ, а вполне правильный и нормальный ходъ общаго церковнаго развитія. Но съ другой стороны, и они признаютъ въ церковной дисциплинѣ основной, неизмѣняемый элементъ, который Н. К. Соколовъ называетъ „божественнымъ правомъ“. Это „божественное право“ понимается имъ въ самомъ широкомъ смыслѣ; „признаками его служатъ,—по мнѣнію Н. К. Соколова,—слѣдующія свойства: 1) оно должно имѣть ясное и твердое основаніе въ священномъ писаніи, т. е. въ волѣ Основателя церкви, выраженной Имъ Самимъ или Его ближайшими учениками; 2) оно должно быть сопровождаемо и сохраняемо непрерывнымъ въ церкви историческимъ преданіемъ; 3) въ этомъ преданіи, кромѣ удостовѣренія въ фактическомъ существованіи правила или учрежденія, должно выражаться еще сознание церкви о божественномъ установленіи его,—о томъ, что источникъ и основаніе лежитъ въ божественной волѣ“¹⁾.

1) Изъ лекц. по церк. пр., I ч. 71 стр.

Въ свою очередь, Т. В. Барсовъ соглашается, что церковь „пользуясь во всякое время своими законодательными правами, можетъ дѣлать извѣстнаго рода уступку изъ строгости этихъ правилъ въ уваженіе къ историческимъ обстоятельствамъ и нуждамъ времени, приноровлять ихъ внутренней смыслъ, а не объявлять вовсе недѣйствительными и отмѣнять самыя правила“¹⁾. Точно также и преосв. Іоаннъ, изъясняя 2-е правило трулльскаго собора, говорить: „запрещеніемъ VI вселенскаго собора не исключается 1) необходимость изданія новыхъ правилъ, по нуждамъ церкви...,— только для новыхъ правилъ древнія, вселенскою церковію принятія, должны во всякомъ случаѣ служить основаніемъ, образцомъ, повѣркою; 2) возможность измѣненія нѣкоторыхъ древнихъ правилъ частныхъ или примѣненія общихъ къ другимъ временамъ и нуждамъ церкви, какъ показали тотъ-же соборъ, измѣнивъ частныя постановленія прежнихъ соборовъ, равно вселенскихъ и помѣстныхъ...; 3) но собственное его опредѣленіе о томъ, чтобы не измѣнять древнихъ правилъ, воспрещаетъ главнымъ образомъ измѣненіе ихъ въ самыхъ основаніяхъ и сущности ихъ, измѣненіе вопреки общимъ законамъ и духу православной церкви, измѣненіе по произволу мнѣній и страстей человѣческихъ, дерзающихъ, какъ выражается соборъ, корчемствовать истинною... Такимъ образомъ постановленіе собора не исключаетъ и права помѣстныхъ православныхъ церквей имѣть, кромѣ общихъ древнихъ, свои мѣстныя правила, порядки и обычаи въ своемъ устройствѣ и управленіи, только бы они были согласны въ духѣ и въ основаніяхъ своихъ съ древними и коренными началами церковнаго законоположенія“²⁾. Въ такомъ же духѣ объясняетъ преосв. Іоаннъ и 1-е прав. VII всел. собора.

Если сопоставить послѣднія мысли разногласящихъ сторонъ между собою, то само собою становится очевиднымъ заключеніе, что разница ихъ мнѣній далеко не такъ значительна, чтобы исключать всякую возможность ихъ примиренія. Всѣ вышеприведенныя разсужденія свѣтилъ нашего церковнаго законовѣднія единодушно

1) Христ. Чт. 1869 г. 401 стр., прим.

2) Опытъ курса церк. законовѣд., II ч. 343 стр.

направлены къ утверженію безусловной неизмѣнности всѣхъ канонѣвъ, относящихся къ предметамъ вѣры, а также къ существеннымъ основаніямъ общецерковнаго устройства и дисциплины; но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ они такъ или иначе признаютъ измѣняемость тѣхъ канонѣвъ, которые обязаны своимъ появленіемъ особымъ условіямъ времени и мѣста и которые, поэтому, при измѣненіи или прекращеніи этихъ условій, или прекращаютъ свое дѣйствіе, или требуютъ соотвѣтствующаго приспособленія къ новымъ условіямъ.

Священникъ В. Янса.

Школьные воспоминанія о Каменецъ-Подольской гимназіи *).

I.

Въ пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія Каменецъ-Подольская гимназія, титуловавшаяся „губернскаю“, не могла однако похвалиться, соотвѣтственно своему довольно громкому титулу, особеннымъ многолюдствомъ своихъ воспитанниковъ. Въ то доброе, старое, но сравнительно недавнее время неизвѣстно было ставшее теперь обычнымъ явленіе переполненія учебныхъ заведеній учащимися. Напротивъ, тогда скорѣе можно было сѣтовать на слабый приливъ учениковъ въ школы, еслибы такое сѣтованіе находило благопріятную почву для свободнаго выраженія и развитія просвѣтительныхъ идеаловъ и не встрѣчало препонъ въ условіяхъ мрачнаго дореформеннаго режима, когда всякія идеальныя стремленія казались опаснымъ вольнодумствомъ, излишней и бесплодной работой мечтателей. Режимъ этотъ, близившійся въ то время къ своему закату, задерживалъ пробужденіе въ общественномъ сознаніи потребности въ развитіи и распространеніи просвѣщенія среди закабаленнаго со всѣхъ сторонъ населенія, и потому, при господствѣ такого режима, не могло быть особеннаго спроса на образованныхъ, или, какъ тогда говорили, „ученыхъ“

*) Всѣ упоминаемыя въ настоящемъ очеркѣ лица давно умерли

людей, да и сами эти „ученые“ рѣдко находили соответственное поприще для приложенія своихъ познаній. И въ самомъ дѣлѣ, нашему первенствующему, благородному сословію, съ его крѣпостнымъ правомъ и другими привилегіями, и безъ школьнаго ученія, съ однимъ домашнимъ гувернерскимъ образованіемъ открытъ былъ свободный доступъ во всѣ сферы государственной службы.

Въ то время, какъ извѣстно, одними почти исключительно дворянами пополнялись и кадры офицерскіе, гдѣ требовалось немного мудрости, а только скалозубовское знаніе нѣмецкой мушры, и штаты чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ гражданскаго управленія, гдѣ поощрялись и процвѣтали молчалинскія умѣренность и аккуратность. Въ другихъ же отрасляхъ гражданской дѣятельности еще менѣе того требовались образованные люди: сельское хозяйство велось примитивнымъ способомъ при помощи крѣпостного труда; къ фабричной и заводской промышленности примѣнялся большею частью тотъ же крѣпостной трудъ, и предпріятіями этими заправляли преимущественно самоучки, выдвинувшіеся изъ барскихъ холоповъ; наконецъ, ремесла и торговля, слабо развитыя въ малокультурномъ обществѣ, обрѣтались не въ авантажъ и не считались благородными занятіями, составляя удѣлъ презрѣннаго мѣщанства и купечества. Очевидно, что при такихъ житейскихъ условіяхъ только элементарныя знанія имѣли практическую цѣну и открывали обладателямъ такого легкаго ученаго багажа, особенно изъ дворянъ, служебный путь для дѣятельности и достиженія степеней извѣстныхъ, если къ этому присоединялась еще обычная и всесильная у насъ протекція знатныхъ дядюшекъ, тетюшекъ, кумушекъ и т. п.

Неудивительно поэтому, что и наша губернская гимназія, предназначенная обслуживать обширный и густонаселенный край, не отличалась многолюдствомъ, несмотря даже на то, что многіе ученики ея, засиживаясь по нѣсколько лѣтъ въ одномъ и томъ же классѣ, вліяли этимъ отчасти на увеличеніе личнаго состава учащихся въ ней дѣтей. И теперь живо воскресаетъ въ моей памяти оригинальная картина низшихъ классовъ, гдѣ, на ряду

съ малышами, возсѣдали на низенькихъ скамьяхъ юноши-усачи, корпѣвшіе надъ изученіемъ трудно дававшихся имъ азоевъ. Къ такимъ переросшимъ швольные годы ученикамъ низшихъ классовъ учебное начальство относилось довольно снисходительно и не гнало ихъ изъ школы за малоуспѣшность „въ наукахъ“, предлагая имъ продолжать свое ученіе или, лучше сказать, сидѣніе въ низшихъ классахъ гимназіи до тѣхъ поръ, пока они сами того хотѣли. Такіе малоуспѣвающіе ученики рѣдко добирались до высшихъ классовъ, а обыкновенно съ приближеніемъ гражданскаго совершеннолѣтія оставляли гимназію „по домашнимъ обстоятельствамъ“, со свидѣтельствомъ объ окончаніи двухъ-трехъ первыхъ гимназическихъ классовъ. Принудительнаго же выхода изъ гимназіи вслѣдствіе плохого ученія не бывало въ наше время, и если кто изъ учениковъ понуждался къ оставленію стѣнъ гимназіи, то случалось это весьма рѣдко, какъ исключеніе, вызывавшееся не столько плохими успѣхами „въ наукахъ“, сколько нарушеніемъ гимназическаго кодекса „благонравія“, допущеннымъ малоуспѣвающимъ ученикомъ. Только благодаря высокому проценту второгодныхъ и третьегодныхъ учениковъ, низшіе классы нашей гимназіи имѣли сравнительно достаточный контингентъ воспитанниковъ и состояли даже изъ параллельныхъ отдѣленій съ 20—25 учащимися въ каждомъ; но съ повышеніемъ класса начиналась убыль ихъ, прогрессирующая все болѣе и болѣе по мѣрѣ приближенія къ концу гимназическаго курса, такъ что выпускной 7-й классъ насчитывалъ едва 15—20 человекъ, которые обыкновенно всѣ удаивались аттестатовъ.

Такъ какъ въ описываемое время въ Каменецъ-Подольской гимназіи было болѣе чѣмъ достаточно свободнаго мѣста и для классовъ и въ самыхъ классахъ, то понятно, что искавшіе гимназическаго ученія мальчуганы не подвергались у порога школы экзаменаціоннымъ строгостямъ и не испытывали горечи конкурсной борьбы за обладаніе мѣстомъ на гимназической скамьѣ, а напротивъ—всѣ они охотно и безъ затрудненій принимались въ гимназію послѣ легкаго испытанія. Въ то время въ стѣнахъ гимназіи не раздавались еще, какъ тецерь, странныя, но грозныя

слова: „нѣтъ вакансій для пріема учениковъ“,—и приведенная стереотипная фраза „нѣтъ вакансій“ имѣла тогда право гражданства въ другихъ сферахъ, какъ обычный отвѣтъ на просьбы искателей не ученыхъ, а чиновничьихъ мѣстъ и должностей.

Не существовало также процентной нормы для евреевъ, и сынамъ Израиля отверсты были двери учебныхъ заведеній безъ всякаго ограниченія; однако они не пользовались широко представленнымъ имъ свободнымъ доступомъ въ школы и, при 20-ти тысячномъ еврейскомъ населеніи г. Каменца-Подольска, въ мѣстную гимназію поступало чрезвычайно мало еврейскихъ дѣтей, по нѣсколько человѣкъ въ годъ, да и тѣ, къ слову сказать, учились неохотно и довольно плохо и не проявляли свойственныхъ этому племени способностей. По крайней мѣрѣ за время моего семилѣтняго ученія въ гимназіи ни одинъ ученикъ изъ евреевъ не перешагнулъ 4-го класса, и всѣ они, вкусивъ мало отъ плодовъ знанія, оставляли гимназію, не прельщаясь даже тѣмъ, что для удовлетворенія сильно развитой у нихъ потребности въ религіозномъ образованіи имѣлся въ числѣ гимназическихъ преподавателей и раввинъ.

Совсѣмъ не то настроеніе видимъ мы нынѣ въ еврейской молодежи, страстно ищущей просвѣщенія, неотступно осаждающей всѣ учебныя заведенія и настойчиво добывающей открытія настезь пока пріотворенныхъ для евреевъ школьныхъ дверей. Такъ переменчивы времена и жизненныя условія! Въ дополненіе къ замѣчанію моему о незначительномъ контингентѣ учениковъ въ Каменецъ-Подольской гимназіи въ дореформенное время, мнѣ остаётся еще сказать нѣсколько словъ о мѣстныхъ причинахъ, вліявшихъ отчасти на пониженіе численнаго состава воспитанниковъ нашей гимназіи. Какъ извѣстно, въ Каменецъ-Подольскѣ процвѣтала до шестидесятихъ годовъ римско-католическая духовная семинарія, которая привлекала въ свои стѣны часть учениковъ изъ мѣстной гимназіи, обнаруживавшихъ склонность къ духовному, пастырскому призванію или просто искавшихъ только въ нѣдрахъ духовной семинаріи „Исуса ради хлѣба куса“. Такіе искатели пастырскаго жезла, ознакомившись въ гимназіи съ начатками

латинскаго языка, уходили изъ 4 или 5 класса ея „въ клерики“, какъ говорилось у насъ, т. е. поступали въ духовную семинарію, и многіе изъ нихъ такъ преуспѣвали потомъ на клерикальномъ поприщѣ, что достигали высокаго положенія въ церковной іерархіи, занявъ въ ней видныя мѣста „прелатовъ“, а нѣкоторые—даже епископскія кафедръ.

Кромѣ того, часть гимназистовъ изъ малоуспѣвавшихъ въ школьной премудрости отвлекалась отъ гимназіи аптеками, куда они принимались въ „ученики“ для практической подготовки къ фармацевтической профессіи. И такъ какъ съ 4 класса начиналось у насъ въ гимназіи преподаваніе латинскаго языка, столь необходимаго фармацевтамъ, то мечта будущихъ мастеровъ латинской кухни выражалась въ стремленіи ихъ добиться окончанія курса 4-хъ классовъ гимназіи съ латинскимъ языкомъ, что давало имъ право, послѣ мытья аптечной посуды и толченія въ ступкахъ цѣлебныхъ кореньевъ, травъ и зелій, поступить на университетскіе фармацевтическіе курсы.

Дворянскій и вообще интеллигентный классъ населенія Подольской губерніи состоялъ въ описываемое время преимущественно изъ поляковъ, и потому въ мѣстной гимназіи въ составѣ ея воспитанниковъ преобладающимъ элементомъ были дѣти поляковъ, православныхъ же учениковъ изъ чиновничьей среды и священническихъ дѣтей насчитывалось немного, по нѣсколько человекъ въ классѣ. И нужно при этомъ сказать правду, положеніе въ нашей гимназіи этихъ „диссидентовъ“ было крайне тяжелое и незавидное среди доминирующаго большинства гимназистовъ-католиковъ, фанатизированныхъ съ дѣтства. Фанатически настроенные гимназисты-католики позволяли себѣ третировать и открыто презирать небольшую, беззащитную кучку своихъ невольныхъ товарищей православнаго исповѣданія, систематически и со злобою преслѣдовать ихъ и при всякомъ случаѣ издѣваться надъ ними и насмѣшливо обзывать ихъ то „кацапами“, то „москалями“, то даже „схизматиками“, но чаще всего „кныщами“ (обидное прозвище воспитанниковъ православной духовной семинаріи). Понятно, что при такой національно-религіозной нетерпимости не могло быть

и рѣчи объ интимныхъ, товарищескихъ отношеніяхъ между гимназистами-католиками и презираемыми ими православными учениками, низведенными до положенія какихъ-то паріевъ. Но что достойно удивленія въ этой бессмысленной враждѣ польскихъ школьниковъ къ своимъ православнымъ товарищамъ, такъ это отсутствіе какихъ-либо рѣзкихъ, виѣсныхъ различій между тѣми и другими; объ группы учениковъ представляли довольно однородную массу, и православные гимназисты ни по языку, ни по своимъ нравамъ и обычаямъ не отличались отъ своихъ товарищей-католиковъ. Всѣ православные воспитанники гимназій, какъ мѣстные уроженцы (Подольской губ.), съ дѣтства усвоили и владѣли разговорнымъ польскимъ языкомъ, а нѣкоторые изъ нихъ читали и писали по-польски; языкъ польскій былъ у нихъ обиходнымъ не только въ школѣ, въ товарищеской средѣ, но и дома, въ семьѣ; привычки и нравы ихъ были тѣ же, что и у польскаго населенія, среди котораго они родились и выросли, и все различіе между двумя національными группами гимназистовъ выражалась лишь въ томъ, что одни изъ нихъ молились въ церкви, а другіе въ костелѣ. И несмотря на это, вражда самая гнусная и непримиримая раздирала и ожесточала юныя сердца гимназистовъ. Замѣчательно однако и отрадно вспомнить при этомъ, что гимназисты православнаго исповѣданія въ своихъ отношеніяхъ къ враждебно настроенному къ нимъ лагерю учениковъ польскаго происхожденія были совершенно чужды національной исключительности и религиозной нетерпимости и не проявляли человѣконенавистническихъ чувствъ къ своимъ товарищамъ-полякамъ, рѣзко протестуя противъ ихъ оскорбительныхъ выходокъ. Слыша постоянно кругомъ себя такіе и неистовые возгласы: „москаль“, „кацапъ“, „кнышъ“, православные ученики, чтобы умѣрить нѣсколько задоръ и пылъ своихъ товарищей-поляковъ, старались не обращать вниманія на ихъ травлю и только въ исключительныхъ случаяхъ, когда чаша терпѣнія переполнялась чувствомъ незаслуженной обиды, позволяли себѣ обзывать своихъ злобныхъ гонителей „ляхами“. Кромѣ того, пассивное отношеніе православныхъ учениковъ гимназій къ воинствующему мальчишески полонизму объясняется отчасти сознаниемъ

безсилія небольшой кучки гимназистовъ—„диссидентовъ“, но еще болѣе являлось слѣдствіемъ извѣстной терпимости, свойственной русскому племени и присущей исповѣдуемой имъ православной вѣрѣ.

Къ сожалѣнію, гимназическое начальство не принимало никакихъ воспитательныхъ мѣръ къ смягченію въ дѣтскихъ сердцахъ злыхъ чувствъ къ ихъ школьнымъ товарищамъ другой національности и иной вѣры. Учебное начальство держалось въ сторонѣ отъ интимной жизни своихъ воспитанниковъ и вовсе не интересовалось тѣмъ, какія отношенія вырабатывались между ними на школьной скамьѣ. Можетъ быть гимназическое начальство и знало кое-что о проявленіи вредной національной и религіозной розни въ средѣ своихъ учениковъ, но „страха ради“ не рѣшалось прибѣгать въ ополяченномъ краѣ къ педагогическимъ мѣрамъ воспитанія въ гимназистахъ-полякахъ болѣе мягкихъ чувствъ къ русскимъ ихъ товарищамъ и опасалось даже въ педагогической сферѣ и въ стѣнахъ русской гимназіи итти вразрѣзъ съ настроеніемъ польскаго общества, всѣмъ заправлявшаго тогда въ Подольской губерніи,—тѣмъ болѣе еще, что во главѣ нашей гимназіи стоялъ почетный попечитель, или такъ называемый „кураторъ“, изъ „ясневельможныхъ“, богатыхъ польскихъ пановъ.

II.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи моихъ воспоминаній мнѣ придется прежде всего коснуться характера дѣятельности гимназической администраціи и, въ частности, ея инспекціи, поскольку, конечно, эта дѣятельность выражалась въ ея отношеніяхъ къ ученикамъ, такъ какъ о другихъ административныхъ функціяхъ гимназической власти учащіеся мало что знали, и любопытство ихъ по этой части питалось и удовлетворялось одними не всегда правдоподобными слухами. Такимъ образомъ вопросы объ отношеніяхъ дирекціи и инспекціи къ преподавательскому персоналу, объ участіи этихъ властей въ выработкѣ и усовершенствованіи методовъ или способовъ преподаванія и приемовъ обращенія съ учениками, о направленіи или характерѣ и о степени воздѣйствія, какому подвергалась гимназическая корпорація со стороны учебнаго округа и его попечителя,—всѣ эти и другіе подобные вопросы школьной жизни

были мало извѣстны гимназистамъ, хотя чувствительно затрогивали ихъ интересы. Этимъ обстоятельствомъ объясняются нѣкоторые пробѣлы въ моихъ воспоминаніяхъ и протекающая отсюда неполнота въ предлагаемомъ читателю описаніи событій изъ жизни Каменецъ-Подольской гимназіи.

Административная власть въ нашей гимназіи фактически сосредоточивалась и выражалась въ лицѣ инспектора, хотя официальнымъ представителемъ и носителемъ этой власти, болѣе, впрочемъ, номинальнымъ, являлся директоръ. Директорская должность въ гимназіи обращена была въ то время, подобно нѣкоторымъ другимъ должностямъ, въ убѣжище своего рода для престарѣлыхъ, или попросту—въ провинціальную синекуру, которая жаловалась обыкновенно заслуженнымъ чиновникамъ, ссылаемымъ на покой, доживать свой вѣкъ въ провинціи на почетномъ мѣстѣ начальника учебнаго заведенія.

При моемъ поступленіи въ Каменецъ-Подольскую гимназію я засталъ въ ней директора Траутфеттера, мало обрусѣвшаго нѣмца, человѣка довольно пожилого и заслуженнаго, судя по его высокому для провинціи чину и по количеству знаковъ отличія, или орденовъ, на его груди и шеѣ. Директоръ Траутфеттеръ, какъ и подобаетъ нѣмцу, отличался уравновѣшеннымъ и спокойнымъ характеромъ, доходившимъ до флегматичности, и въ отношеніяхъ своихъ къ гимназистамъ проявлялъ благожелательное настроеніе и мягкость обращенія съ ними, что не исключало однако примѣненія имъ изрѣдка и въ самой легкой степени розги—не столько, кажется, по убѣжденію въ ея спасительной необходимости для поддержанія въ средѣ учениковъ „благодравія и успѣховъ въ наукахъ“, сколько по заведенному изстари порядку и какъ дань тогдашнему суровому во всѣхъ сферахъ жизни режиму. Впрочемъ, ученики не часто видѣли своего директора, потому что въ описываемое время на директорахъ гимназій не лежала обязанность преподаванія какого-либо предмета и не въ обычаѣ были директорскія посѣщенія классовъ для контроля преподаванія и ознакомленія съ развитіемъ учениковъ и съ уровнемъ усвоенныхъ ими знаній. Самъ же нашъ директоръ не настолько, повидимому, интересовался

педагогическими вопросами, чтобы въ нихъ находить стимулы къ дѣятельному и постоянному участию въ гимназической жизни, и не видѣлъ особенной нужды въ частомъ посѣщеніи гимназіи для разсмотрѣнія административныхъ дѣлъ и ея руководительства ея управленіемъ. Да и дѣлъ этихъ было немного, потому что тогдашняя жизнь гимназіи не осложнялась и не оупутывалась, какъ теперь, стѣнью многочисленныхъ министерскихъ и попечительскихъ циркуляровъ, а протекала болѣе или менѣе самостоятельно, не подвергаясь частому воздѣйствію высшихъ инстанцій. Сравнительно свободная отъ гнета стѣсныхъ бумажныхъ мѣропріятіи начальства, гимназія имѣла мало поводовъ для частыхъ сношеній и соприкосновеній съ учебнымъ округомъ и находила необходимыя указанія для своей дѣятельности въ ясныхъ и простыхъ правилахъ Уваровскаго устава училищъ 1828 года, рѣдко обращаясь за разъясненіями къ попечителю округа. Вотъ почему нашъ директоръ рѣдко показывался въ гимназіи и еще рѣже соприкасался съ ея учениками, школьные интересы которыхъ не входили въ кругъ его заботъ и предоставлены были веденію инспекціи. Вслѣдствіе такой отчужденности директора и отъ гимназіи и отъ учениковъ, онъ представлялся въ глазахъ гимназистовъ важной, могущественной и потому грозной особой, наводившей на нихъ только страхъ и робость, и такое предствленіе о директорской персонѣ тѣмъ болѣе казалось правильнымъ, что оно оправдывалось отчасти на дѣлѣ при рѣдкихъ директорскихъ посѣщеніяхъ классовъ, всегда неспрiятныхъ по своимъ послѣдствіямъ для весьма многихъ учениковъ. Обыкновенно разъ или два раза въ мѣсяцъ, по субботамъ, директоръ Траутфеттеръ торжественно, въ вишундирѣ и съ орденомъ на шеѣ, являлся въ классы гимназіи съ единственнымъ цѣлю производства розочной экзакупціи наль учениками, оказывавшими плохіе услуги въ наукахъ. Въ эти дни такъ называемой по-польски „subotówki“*) (отъ субботы) Траутфеттеръ, называя по классному журналу фамиліи гимназистовъ, въ алфавитномъ

*) Субботкою технически называлось наказаніе розгами, периодически совершавшееся надъ гимназистами по субботамъ за неуспѣхи ихъ въ ученіи и недостатки преподаванія.

порядкѣ, миталь встухъ полученныя каждымъ изъ нихъ „отмѣтки“; т. е. о баллы по степени усѣбховъ ихъ въ умѣніи. И если такия „отмѣтки“ въ классномъ журналѣ состояли изъ пятерокъ и четверокъ, то Траутфеттеръ хвалилъ преусѣбваюаго въ наукахъ“ и прилежаній мальчуаана и ласково гладилъ его по головѣ. Когда же прочитываемыя директоромъ „отмѣтки“ состояли изъ ряда единицъ и нулей, что случалось нерѣдко, то Траутфеттеръ, безъ всякаго гнѣва и злобы и нисколько не мѣняя своего спокойнаго тона, замѣчалъ только съ нѣмецкимъ акцентомъ: „некарашо, некарашо подучать одни нули и едыницы“, и отдѣлялъ такихъ лѣтняевъ въ особую группу, а затѣмъ по окончаніи пересмотра „отмѣтокъ“ всѣхъ учениковъ, вводилъ изъ класса этихъ обладателей нулей и единицъ въ особую комнату, которая, соответственно своему назначенію, носила названіе „эзекуціонной камеры“ и тамъ производилъ розочную расправу при помощи гимназическихъ служителей, которые съ розгами въ рукахъ ожидали своихъ жертвъ. Нужно при этомъ замѣтить, что тѣлесная эзекуція производилась Траутфеттеромъ безъ жестокосердія и съ не покидавшими его спокойствіемъ и добродушіемъ и, очевидно, рассчитана была не столько на причиненіе физической боли и страданія, сколько на возбужденіе въ наказываемыхъ розгами ученикахъ чувствъ стыда и спасительнаго какъ думали тогда, страха будущихъ болѣе тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній въ случаѣ неисправленія и получения новыхъ нулей и единицъ. Хотя провинившіеся гимназисты получали при директорской надъ ними эзекуціи и небольшія порціи „березовой каши“, не болѣе пяти ударовъ розгою, да и то обыкновенно не по голому тѣлу, а лишь съ приподнятіемъ заднихъ фалдъ гимназическаго мундира, однако розочная процедура вызывала страшный дѣтскій плачь, неистовые крики и визгъ, разнообразныя тоны которыхъ, усиливаемые резонансомъ, долго раздавались псль сводами корридоровъ и въ классныхъ комнатахъ, навляя уныніе на занимавшихся уроками учениковъ и мѣшая ихъ занятіямъ. Случалось, конечно, что Траутфеттеръ наказывалъ болѣе строго и чувствительно, когда, по важности проступка, онъ находилъ нужнымъ отодрать ученика розгами по голому тѣлу, но такое на-

казаніе примѣнялось рѣдко. Описываемыми „subotówkami“, или субботними наказаніями, ограничивались отношенія почтеннаго директора Траутфеттера къ вѣреннымъ его попеченію гимназистамъ.

Инспекторъ гимназіи Фрейманъ, изъ русскихъ нѣмцевъ, прекрасно владѣлъ разговорною русскою рѣчью, безъ всякаго нѣмецкаго акцента, и по своему ровному и спокойному характеру напоминалъ директора Траутфеттера, хотя замѣтно и выгодно отличался отъ него работоспособностью, замѣчательною инспекторскою подвижностью и живымъ участіемъ во всѣхъ гимназическихкихъ дѣлахъ. Его гуманное и чрезвычайно корректное и вѣжливое обращеніе съ учениками снискали ему если не любовь ихъ, то извѣстное уваженіе и создали необходимый для инспектора авторитетъ. Постоянно соприкасаясь, по роду своихъ обязанностей, съ учениками, Фрейманъ съ чисто нѣмецкимъ терпѣніемъ выслушивалъ и разбиралъ ихъ жалобы и разныя дѣтскія дразги и рѣдко въ то тяжелое время обращался къ розгѣ, стараясь прежде всего воздѣйствовать на нихъ убѣжденіемъ, наставленіями и вообще нравственнымъ вліяніемъ, и съ помощью такихъ средствъ улаживалъ ребяческіе ссоры и раздоры и поддерживалъ въ ученической средѣ порядокъ и благонравіе. И только въ тѣхъ случаяхъ, когда мирными средствами не достигалась цѣль вразумленія или исправленія нарушителей школьной дисциплины или же когда проступокъ ученика выходилъ изъ ряда обычныхъ дѣтскихъ шалостей и отличался безнравственнымъ характеромъ, Фрейманъ употреблялъ розги, не допуская жестокости при ихъ примѣненіи.

И замѣчательно, что такой мягкій для того времени воспитательный режимъ, поддерживавшійся гимназическою администраціею въ лицѣ двухъ нѣмцевъ (директора Траутфеттера и особенно инспектора Фреймана), вполне достигалъ своей цѣли и, при его господствѣ въ нашей гимназіи, не замѣчалось ни распущенности учениковъ, ни развитія между ними порочности, ни ослабленія стремленія къ ученію, а напротивъ—умѣренная въ строгости дисциплина съ гуманными и благожелательными приѣмами воспитанія смягчала нравы учениковъ и содѣйствовала развитію въ нихъ

чувства личного достоинства, дружелюбного настроенія и уваженія къ личности другихъ.

Такое же умѣряющее вліяніе оказывала гуманная администрація нашей гимназіи и на кровожадные инстинкты нѣкоторыхъ преподавателей ея, которымъ поневолѣ приходилось сдерживать порывы своей злобы къ маловнимательнымъ и непослушнымъ школярамъ и рѣдко обращаться къ грозному для гимназистовъ „штрафному журналу“, запись въ которомъ ученическаго проступка влекла за собою обыкновенно тѣлесное возмездіе за допущенныя ими шалости и проказы во время уроковъ.

III.

Съ уходомъ изъ Каменецъ-Подольской гимназіи нѣмцевъ-администраторовъ—добродушнаго и мягкаго Траутфеттера и не менѣе его гуманнаго Фреймана, наступило въ жизни нашей гимназіи тяжелое и мрачное время розочнаго террора съ ежедневными многочисленными „сѣкціями“, производившимися при разнообразной обстановкѣ: то келейно, въ экзекуціонной камерѣ, своего рода гимназическомъ застѣнкѣ; то публично, въ присутствіи цѣлаго класса; то торжественно, въ актовомъ залѣ при сборѣ всѣхъ учениковъ гимназіи; то, наконецъ, на дому у инспектора (III—на), въ квартирѣ котораго имѣлся запасъ березовыхъ вѣтчиковъ на случай, когда приходившаго къ нему по дѣлу въ послѣобѣденное или праздничное время гимназиста являлась необходимость тутъ же, въ инспекторскомъ кабинетѣ, высѣчь, не откладывая этой операціи до утра слѣдующаго дня изъ опасенія, чтобы не забыть наказать этого ученика въ гимназіи. Кстати сказать, эта забывчивость инспектора III—на спасала иногда гимназистовъ отъ розогъ: слѣдовало только нашему инспектору отвлечься какимъ-либо неожиданнымъ дѣломъ, какъ объявленная имъ порка отлагалась, а потомъ и вовсе забывалась.

Водвореніе въ нашей гимназіи усиленнаго розочнаго режима хотя и совпало съ директорствомъ вновь назначеннаго на это мѣсто Бякстера, но не ему обязанъ этотъ режимъ своимъ развитіемъ и процвѣтаніемъ, а его сотруднику по управленію гимназіею, новому инспектору III—ну, рьяному поборнику воспитательной системы утрашенія, о чемъ болѣе подробная рѣчь впереди.

Новый нашъ директоръ Бякстеръ, изъ племени „просвѣщенныхъ мореплавателей“, былъ дряхлый старикъ, совершенно неспособный къ проявленію какой-либо инициативы и къ живому участию въ школьной дѣятельности, такъ какъ для этого требуется не только напряженіе мысли, но и нѣкоторый трудъ, непосильный для одряхлѣвшаго старца, какимъ былъ Бякстеръ. Но кромѣ того, и слабое знаніе русскаго языка, на которомъ Бякстеръ съ трудомъ объяснялся, ставило его въ затруднительное положеніе при номинальномъ даже управленіи гимназическими дѣлами и при сношеніяхъ съ гимназическою корпораціею. Притомъ же, его вовсе не занимали интересы вѣрренной ему гимназій, и на свое директорское мѣсто онъ смотрѣлъ какъ на пожалованную ему пожизненно синекуру. Неудивительно поэтому, что управленіе гимназіею перешло фактически къ инспектору Ш—ну,—человѣку, не лишенному честолюбія и особенно властолюбія и настолько энергичному, чтобы, при неспособномъ директорѣ, сдѣлаться хозяиномъ гимназій и стать во главѣ управленія ея школьными дѣлами. Вотъ почему Бякстера нельзя считать активнымъ виновникомъ возрожденія въ Каменецъ-Подольской гимназій розочной системы воспитанія, и вся его вина въ этомъ злополучномъ дѣлѣ состояла въ одномъ только попустительствѣ, или въ равнодушномъ и пассивномъ отношеніи къ водворенію суроваго режима, какой сталъ заводить въ гимназій инспекторъ Ш—нъ, никѣмъ не стѣсняемый въ примѣненіи къ русскому юношеству спартанскихъ порядковъ воспитанія *).

Этотъ російскій культуртрегеръ существенно упростилъ систему педагогики и свелъ выработанные ею разнообразныя приемы воспитанія и обученія къ одному простому средству—розгѣ, какъ самому дѣйствительному орудію воздѣйствія на развитіе ума и сердца въ дѣтяхъ. И въ своемъ педагогическомъ изувѣствѣ онъ дошелъ до того, что его инспекторскія отношенія къ воспитанникамъ выражались всегда и во всѣхъ случаяхъ только въ употребленіи и примѣненіи къ нимъ розогъ, такъ какъ въ лозѣ до-

* О директорѣ Бякстерѣ есть кое-что и въ воспоминаніяхъ А. Солтановскаго (Кіев. Стр. 1893 г.,—май), хотя эти воспоминанія относятся къ 60-мъ годамъ.

морощенный нашъ педагогъ видѣлъ единственное, ничѣмъ незамѣнимое орудіе и для поддержанія между учениками дисциплины, порядка и благочинія, и для успѣшнаго направленія ихъ учебныхъ занятій, и для насажденія въ ихъ средѣ благонравія и даже благочестія.

Взваливъ на плечи такого педагога-инспектора бремя гимназическаго правленія, директоръ Бякстеръ могъ вполне предаться старческому покою и не имѣлъ поводовъ для частыхъ соприкосновеній съ гимназіею и ея учениками, которые иногда только встрѣчали его въ стѣнахъ гимназіи, куда онъ являлся въ исключительныхъ случаяхъ по какимъ-либо экстраординарнымъ дѣламъ или для присутствованія на годичныхъ экзаменахъ учениковъ въ качествѣ безмолвнаго предсѣдателя испытательныхъ комиссій. Многіе ученики только тогда впервые видѣли вблизи своего директора, который, дремля въ креслѣ, щелкалъ изрѣдка вставными зубами или издавалъ междометные звуки, затрудняясь, по незнацію русскаго языка, выразить какое-либо замѣчаніе членораздѣльными словами. Такъ директорствовалъ старикъ Бякстеръ нѣсколько лѣтъ, доживая безмятежно свой вѣкъ на покойномъ учебномъ мѣстѣ и не касаясь постылыхъ ему дѣлъ гимназіи, хотя, нужно сказать, въ домашней жизни онъ сохранялъ еще нѣкоторый интересъ къ хозяйственной дѣятельности и, въ заботахъ о хорошемъ столѣ, любилъ посѣщать рынокъ для покупки разной живности. Нерѣдко поэтому можно было встрѣтить Бякстера на базарѣ, въ старомодномъ цилиндрѣ, среди крестьянскихъ возовъ, прицѣнивающагося къ жизненнымъ продуктамъ и торгующаго индюковъ для своего стола, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Купивъ одного или пару такихъ пернатыхъ, Бякстеръ самолично уносилъ домой подъ мышками свою живую покупку, не обращая никакого вниманія на двусмысленныя улыбки прохожихъ и нисколько не смущаясь насмѣшками уличныхъ мальчишекъ. Такое проявленіе Бякстеромъ чисто англійской оригинальности и независимости хотя и похвально, но лучше, конечно, было-бы для насъ, еслибы почтенныя свойства его характера получили болѣе соотвѣтственное приложеніе къ школьной дѣятельности.

Погрузиться всецѣло въ узкой сферѣ домашнихъ хозяйственныхъ интересовъ и не касаться дѣлъ гимназій тѣмъ легче и возможнѣе было для нашего директора, что Ш—нъ, управлявшій фактически гимназіею, являлся не только правой рукой Бакстера, но и былъ его, такъ сказать, головой.

До своего назначенія инспекторомъ И. Я. Ш—нъ состоялъ въ нашей гимназій преподавателемъ словесности и своимъ повышеніемъ въ должность инспектора былъ обязанъ между прочимъ, изданію собственнаго „сочиненія“—„Краткаго очерка психологіи, или науки о душѣ человѣка“. Въ книжечкѣ этой, состоящей изъ общихъ, ходячихъ въ то время, схоластическихъ фразъ, нашъ авторъ старался популяризировать психологическія изысканія о природѣ души и доказывалъ общепринятое положеніе о ея безсмертіи тѣмъ, что душа продолжаетъ свое земное существованіе и послѣ смерти человѣка въ остающихся послѣ него словесныхъ, особенно поэтическихъ произведеніяхъ. Ученіе же о свойствахъ или способностяхъ души въ ихъ жизненныхъ проявленіяхъ иллюстрировалось и подкрѣплялось выдержками изъ одъ Державина, котораго инспекторъ Ш—нъ называлъ при этомъ случаѣ не иначе, какъ „нашимъ бессмертнымъ поэтомъ“. И эта хвала пѣвцу „Фелицы“ раздавалась изъ устъ учителя словесности въ то время, когда наше общество зачитывалось поэтическими созданіями Пушкина, Лермонтова, Гоголя и друг.

Психологическая книжечка инспектора Ш—на памятна намъ не потому, чтобы ее читали гимназисты—она была неудобочитаема для нихъ и совсѣмъ невразумительна!—а по другой причинѣ, не зависѣвшей отъ ея содержанія. Это сочиненіе, не имѣвшее распространенія между читателями, Ш—нъ старался сбыть такъ или иначе и между прочимъ рекомендовалъ свою книжечку педагогическому совѣту или дирекціи гимназій для выдачи гимназистамъ на публичномъ актѣ въ видѣ награды за ихъ „прилежаніе и успѣхи въ наукахъ“. И содѣйствуя такимъ образомъ сбыту своего ученаго труда, инспекторъ Ш—нъ получалъ изъ гимназическихъ суммъ хотя крупными авторскій гонораръ.

Но пора остановиться на описаніи личности инспектора Ш—на; прежде чѣмъ я начну болѣе подробное сказаніе объ его инспекторскихъ дѣлахъ.

Иванъ Яковлевичъ Ш—нъ, пока былъ не у власти, не обнаруживалъ жестокости нрава и злобныхъ чувствъ, напротивъ— въ качествѣ преподавателя словесности, онъ обращался съ учениками довольно снисходительно, съ нѣкоторымъ даже добродушіемъ; но, принявъ бразды инспекторскаго правленія, Ш—нъ незамедлилъ сдѣлаться грозой и бичемъ гимназистовъ. Свирѣпый по виду, молчаливый и сосредоточенный, рѣдко когда улыбавшійся, со щетинистыми волосами и нависшими бровями, съ грубымъ, рыкающимъ голосомъ, Ш—нъ всей своей внѣшностью являлся какимъ-то пугаломъ для учениковъ и, по свирѣпости нрава и по особенной любви къ розочной „сѣкуціи“, напоминалъ собсю небезъизвѣстнаго педагога Лобова въ Помяловской бурѣ.

Рѣдко вступая въ разговоръ съ воспитанниками гимназіи, не выслушивая толкомъ ни ихъ просьбъ, ни объясненій и не балуя ихъ своими наставленіями и сентенціями, Ш—нъ, въ мрачномъ молчаніи, безъ всякихъ разслѣдованій ученическихъ проступковъ, орудовалъ только розгами. „Ахъ, ты, ворона, ступай сюда!“—было его обычнымъ призывомъ гимназиста для порки, которая совершалась нерѣдко съ жестокостью привычными къ этому дѣлу грубыми руками отставныхъ солдатъ, служителей гимназіи. Тяжесть тѣлеснаго наказанія Ш—нъ не имѣлъ обыкновенія соразмѣрять ни съ виною наказываемаго, ни съ его возрастомъ и здоровьемъ, и нерѣдко слабый, заморенный и тихій гимназистикъ тяжело страдалъ подъ ударами десятка розогъ за случайную ребяческую шалость, и въ то же время другой болѣе здоровый шалунъ-забѣйка за такую же пустую вину поролся значительно мягче; все здѣсь было случайно и зависѣло отъ вдохновенія, настроенія и усмотрѣнія карающаго инспектора. Рѣдкій день проходилъ безъ розочной „сѣкуціи“; неистовые крики, вошь и стоны наказываемыхъ оглашали стѣны гимназіи, мѣшали правильности классныхъ занятій учениковъ и до того потрясали ихъ нервы, что многіе изъ нихъ закрывали уши пальцами; занятія пріостанавливались, наступало

а) усадебной земли:

Наименование уѣздовъ.	Надѣльной.		Чиншевой.	
	Десят.	Саж.	Дес.	Саж.
Каменецкій	10.433	2.129	1.054	1.989
Ушицкій	15.037	1.992	1.020	1.661
Проскуровскій	9.496	769 ^{1/2}	590	2.175
Летичевскій	16.213	1.133	580	70
Винницкій	14.306	1.405	772	155
Литинскій	13.123	1.247	657	1.647
Могилевскій	11.826	1.555	658	144
Ямпольскій	13.807	1.195	710	508
Брацлавскій	22.915	1.501	691	472
Гайсинскій	19.361	1.927	703	47
Ольгопольскій	18.857	41	609	690
Балтскій	24.972	193	1.598	2.396
Итого	190.352	687^{1/2}	9.647	1.350

б) Пахатной земли:

Наименование уѣздовъ.	Надѣльной.		Чиншевой.	
	Десят.	Саж.	Десят.	Саж.
Каменецкій	86.900	2.059	4.040	1.195
Ушицкій	86.835	1.928	3.568	1.360
Проскуровскій	96.221	2.235	4.774	153 ^{1/2}
Летичевскій	81.366	1.083	1.256	1.314
Винницкій	87.767	594	2.754	538
Литинскій	92.407	1.720	1.746	274
Могилевскій	90.278	1.708	1.734	1.284
Ямпольскій	132.200	772	1.941	222
Брацлавскій	104.171	779	1.759	1.885
Гайсинскій	126.763	1.786	706	608
Ольгопольскій	129.024	711	2.022	2.179
Балтскій	269.563	1.251	2.954	1.241
Итого	1.383.501	2.226	29.259	253^{1/2}

в) Сѣнокосной земли:

Наименованіе уѣздовъ.	Надѣльной.		Чиншевой.	
	Десят.	Саж.	Десят.	Саж.
Каменецкій	403	2.251	17	1.108
Ушицкій	162	968	50	2.257
Проскуровскій	4.076	2.076	68	1.880 ^{1/2}
Летичевскій	12.842	781	217	1.887
Винницкій	8.226	1.821	291	1.826
Литинскій	11.713	2.035	342	2.295
Могилевскій	1.341	592	37	1.578
Ямпольскій	5.101	2.357	10	2.041
Брацлавскій	9.566	1.781	132	921
Гайсинскій	5.540	740	49	609
Ольгопольскій	3.993	1.594	54	1.840
Балтскій	910	880	9	200
Итого	63.880	1.076	1.284	1.053^{1/2}

г) Пастбищной земли:

Наименованіе уѣздовъ.	Надѣльной.		Чиншевой.	
	Десят.	Саж.	Дес.	Саж.
Каменецкій	2.188	1.918	16	1.358
Ушицкій	2.508	92	—	—
Проскуровскій	1.303	1.125 ^{1/2}	2	520
Летичевскій	6.153	1.041	1	167
Винницкій	1.528	753	—	50
Литинскій	1.448	1.390	24	1.830
Могилевскій	621	1.791	4	1.560
Ямпольскій	1.710	687	—	—
Брацлавскій	2.700	852	3	794
Гайсинскій	906	135	2	380
Ольгопольскій	3.280	955	—	—
Балтскій	23.415	1.753	443	1.653
Итого	47.765	492^{1/2}	498	1.112

д) Лѣсной и особыхъ угодій:

Наименованіе уѣздовъ.	Надѣльной.			
	Лѣсной.		Особ. угод.	
	Дес.	Саж.	Дес.	Саж.
Каменецкій	—	—	—	—
Ушицкій	12	600	—	—
Проскуровскій	285	2.011	126	2.359
Летичевскій	14	1.032	170	808
Винницкій	3.482	2.115	4	1.580
Литинскій	678	1.013	21	735
Могилевскій	—	—	37	165
Ямпольскій	266	545	—	—
Брацлавскій	9	1.283	—	—
Гайсинскій	188	1.880	—	—
Ольгопольскій	21	240	101	144
Балтскій	39	—	258	902
Итого	4.998	1.119	719	1.893

и е) Неудобной земли:

Наименованіе уѣздовъ.	Надѣльной.		Чиншевой.	
	Десят.	Саж.	Дес.	Саж.
Каменецкій	5.895	2.190	3	2.388
Ушицкій	7.050	2.397	34	13
Проскуровскій	4.162	495	35	1.205
Литинскій	5.395	1.326	13	596
Винницкій	5.305	935	33	61
Летичевскій	5.258	389	31	1.209
Могилевскій	7.597	2.365	16	839
Ямпольскій	9.475	2.093	13	864
Брацлавскій	7.219	373	—	—
Гайсинскій	8.005	1.991	13	821
Ольгопольскій	8.559	817	12	1.854
Балтскій	15.759	1.843	18	1.055
Итого	89.686	414	225	1.305

Кромѣ земель, указанныхъ въ этихъ таблицахъ, чиншеви- камъ принадлежитъ 34 дес. 1.397 саж. защитныхъ и разведен- ныхъ лѣсовъ; всѣ эти лѣса находятся на территоріи Брацлавскаго

уѣзда; на крестьянскихъ же надѣльныхъ земляхъ такихъ лѣсовъ совсѣмъ нѣтъ. Лѣсъ у чиншевиговъ имѣется только въ трехъ уѣздахъ: въ Летичевскомъ 1.494 саж., въ Брацлавскомъ 17 десят. 185 саж. и въ Гайсинскомъ 1.020 саж.; особыя угодія чиншевики имѣютъ только въ одномъ Гайсинскомъ уѣздѣ, всего 2 дес. 506 саж. Что особенно обращаетъ вниманіе въ этихъ таблицахъ,—это незначительный размѣръ площади крестьянскихъ надѣльныхъ и чиншевыхъ земель, находящихся подъ лѣсомъ. Всего лѣса на этихъ земляхъ имѣется 5.016 дес. 1418 саж., что при общемъ количествѣ частновладѣльческихъ и крестьянскихъ лѣсовъ въ 332.345 д. 1830 саж. составитъ около 1½%. Въ Каменецкомъ и Могилевскомъ уѣздѣ лѣса и вовсе нѣтъ на чиншевыхъ и надѣльныхъ земляхъ.

Особую скудостью сѣнокосной надѣльной и чиншевой земли отличается многоземельный Балтскій уѣздъ; за исключеніемъ Каменецкаго и Ушицкаго уѣзда, всѣ остальные уѣзды имѣютъ значительно больше сѣнокоса по сравненію съ Балтскимъ уѣздомъ; зато по количеству пастбищной земли Балтскій уѣздъ превосходитъ всѣ уѣзды; площадь пастбищной надѣльной и чиншевой земли этого уѣзда занимаетъ такое пространство, какое занимаютъ всѣ остальные одиннадцать уѣздовъ.

V.

Кромѣ надѣльныхъ и чиншевыхъ земель, крестьянамъ принадлежитъ на правѣ частной собственности 121.923 десят. 742 с.

Всего такимъ образомъ принадлежатъ крестьянамъ 1.943.797 д. 1.526 саж.

Наименованіе уѣздовъ.	Количество частновладѣльческой крестьянской земли.		Колич. крестьянской надѣльной и чиншевой земли.		Всего.	
	Десят.	Саж.	Десятинъ.	Саж.	Десятинъ.	Саж.
Каменецкій . . .	18.638	2.335	110.956	1.785	129.595	1.720
Ушицкій . . .	13.041	1.503	116.281	1.268	129.323	371
Проскур. . .	5.546	998	121.145	205	126.691	1.203
Летичевскій . . .	5.640	337	124.225	732	129.865	1.069
Виницкій. . .	8.236	669	124.473	1.229	132.709	1.898
Литинскій . . .	17.673	1.085	127.454	1.384	145.128	69

Наименованіе уѣздовъ.	Количество частновладѣльческой крестьянской земли.		Колич. крестьянской надѣльной и чиншевой земли.		Всего.	
	Десят.	Саж.	Десятинъ.	Саж.	Десятинъ.	Саж.
Могилевскій .	2.180	1.391	114.154	1.581	116.335	572
Ямпольскій .	7.811	2.276	165.237	1.684	173.049	1.560
Брацлавскій .	2.878	1.262	149.221	223	152.099	1.485
Гайсинскій .	6.808	174	162.243	450	169.051	624
Ольгопольскій	3.393	826	166.536	1.465	169.929	2.291
Балтскій . .	30.073	2.286	339.944	778	370.018	664
Итого .	121.923	742	1.821.874	784	1.943.797	1.526

Принадлежащая 2¹/₂ миллионамъ крестьянъ Подольской губ. земля занимаетъ половину, или точнѣе 51¹/₂% всей земельной площади Подольской губерніи, которая имѣетъ 3.774.634 д. 1320 с. Известно, что крестьянъ въ Подольской губерніи въ 1897 году, согласно всеобщей переписи этого года, числилось 2.437.736 человекъ. Если не считать увеличенія крестьянскаго населенія за послѣднія восемь лѣтъ почти на 200 тысячъ, то на одну крестьянскую душу изъ 1.943.797 дес. 1.526 саж. принадлежащей крестьянамъ земли придется въ Каменецкомъ уѣздѣ 0,63 десятины, Ушицкомъ 0,71, Проскуровскомъ 0,67, Летичевскомъ 0,89, Винницкомъ 0,70, Литинскомъ 0,87, Могилевскомъ 0,66, Ямпольскомъ 0,77, Брацлавскомъ 0,77, Гайсинскомъ 0,89, Ольгопольскомъ 0,71, и только въ Балтскомъ уѣздѣ приходится болѣе десятины на одну душу, а именно: 1,15 десятинъ.

Однако, если изъ общаго количества принадлежащей крестьянамъ земли исключить болѣе 200 тысячъ десятинъ усадебной земли и почти 100 тыс. десятинъ неудобной, то этотъ душевой паекъ значительно уменьшится; а если принять во вниманіе то, что земли между крестьянами не распределены равномерно и что часть крестьянъ владѣетъ порядочными кусками земли, то для огромнаго большинства крестьянъ этотъ паекъ еще больше уменьшится.

Почти вся земля, которою владѣютъ крестьяне Подольской губерніи на правахъ частной собственности, приобрѣтена ими у

помѣщиковъ при помощи Крестьянскаго Поземельнаго Банка. По даннымъ отчета этого банка за 1903 годъ, крестьяне къ 1 января 1904 года приобрѣли 120.949 десятинъ земли стоимостью по продажной цѣнѣ при покупкѣ въ 17.062.440 руб. 53 коп. На покупку этой земли Крестьянскимъ Поземельнымъ Банкомъ выдана ссуда въ 12.588.830 руб. Часть этой ссуды погашена, и къ 1 января 1904 года оставалось за крестьянами 12.051.058 р. 49 к. Долгъ этотъ такъ распределяется:

Наименованіе уѣздовъ.	Число залоговъ.	Количество десятинъ земли.	Покупная цѣна.		Ссуда.	Остатокъ капитальнаго долга.	
			Руб.	К.	Руб.	Руб.	К.
Балтскій.	108	33.418	4.405.689	34	3.237.763	3.140.671	—
Брацлав.	13	3.080	447.185	11	322.320	305.380	89
Винницк.	32	7.747	964.130	85	776.793	734.248	32
Гайсин.	25	6.159	941.927	27	694.045	654.925	84
Каменец.	163	15.692	2.429.906	27	1.669.804	1.559.154	72
Летичев.	73	4.235	487.718	01	337.612	317.448	84
Литинск.	108	15.435	2.092.609	31	1.719.035	1.682.181	46
Могилев.	29	2.492	354.998	51	258.875	249.131	97
Ушицкій.	295	15.447	2.363.683	22	1.618.631	1.537.347	44
Ольгоп.	23	3.338	541.116	96	407.314	398.427	73
Проск.	36	5.558	708.871	93	536.340	503.185	30
Ямпольск.	53	8.318	1.324.603	75	1.010.298	968.954	98
Итого .	958	120.949	17.062.440	53	12.588.830	12.051.058	49

Такимъ образомъ при покупкѣ земель съ помощью Крестьянскаго Банка крестьянамъ пришлось доплатить своихъ собственныхъ или позаимствованныхъ изъ другого источника денегъ 4.473.610 р. 53 коп., что въ среднемъ по губерніи составитъ 37 руб. на одну заложенную десятину. Оставшіяся къ 1 января 1904 года на крестьянахъ долгъ достигаетъ 100 руб. въ среднемъ на одну десятину купленной земли. Не считая недоимки, числившейся на крестьянахъ къ 1 января 1903 года въ 13.839 руб. 37 коп., причиталось съ нихъ въ 1903 году къ поступленію срочныхъ платежей 639.897 руб. 86 коп. Слѣдовательно, годовой платежъ Банку съ одной десятины выражался въ суммѣ 5 руб. 29¹/₂ коп. Однако крестьянами уплачено въ 1903 г. только 634.996 р. 53 к., вслѣдствіе чего къ 1904 г. недоимка увеличилась до 18.740 р. 70 к.

Интересны статистическія свѣдѣнія Крестьянскаго Банка о томъ, кто является покупщикомъ земель. Оказывается, что въ

числѣ 3.751 домохозяина, приобрѣвшихъ въ 1903 году землю, было безземельныхъ домохозяевъ только 301 человекъ или 8%, всѣ же остальные имѣли или надѣльную землю, или собственную, или ту и другую вмѣстѣ; среди этихъ покупателейъ было 17% безлошальныхъ. Всего земли покупщики имѣли 16.159 дес. (12.551 дес. надѣльной и 3.608 дес. собственной земли), купили же при содѣйствіи Банка 13.639 десят. Въ результатѣ на одного домохозяина, имѣвшаго въ среднемъ 4,3 десят., приходится 3,6 десят. купленной земли, а всего 7,9 десят. или немного болѣе одной десятины на одну мужскую душу изъ 9.633 душъ мужского пола. Покупали въ этомъ году крестьяне земли по преимуществу товариществами, а именно: изъ общаго числа домохозяевъ на долю товариществъ приходится 3.628 домохоз., въ то время какъ на долю сельскихъ обществъ приходится 115 домохоз., а на долю отдѣльныхъ самостоятельныхъ покупателейъ только 8 домохоз. Куплено первыми 13.395 д., вторыми 202 десят. и послѣдними 8 домохозяевами всего 42 десятины земли.

Интересно сопоставить количество крестьянскихъ земель съ количествомъ земель, принадлежащихъ привилегированнымъ сословіямъ — дворянамъ и разночинцамъ. Свѣдѣнія о количествѣ дворянскихъ земель были сообщены въ предыдущихъ главахъ, теперь же, добавляя къ дворянскимъ землямъ земли разночинцевъ, получимъ:

Наименованіе уѣздовъ.	Дворянамъ рускаго и польскаго происхожденія принадлежить.		Разночинцамъ принадлежить.		Всего.	
	Десятинъ.	Саж.	Десят.	Саж.	Десятинъ.	Саж.
Каменекій .	107.815	1.938	7.887	775	115.703	313
Ушицкій . .	83.788	1.264	17.261	1.657	101.050	521
Проскуровск.	90.891	1.371	15.230	239	106.121	1.610
Летичевскій .	63.128	892	19.325	1.978	82.454	470
Винницкій .	102.332	727	20.037	83	122.369	810
Литинскій .	95.725	1.373	24.189	217	119.914	1.590
Могилевскій.	92.387	2.046	19.998	1.196	112.386	842
Ямпольскій .	119.597	320	16.343	1.531	135.940	1.851
Брацлавскій .	72.585	1.864	22.033	1.154	94.619	618
Гайсинскій .	95.389	2.391	17.138	376	112.528	367
Ольгопольск.	152.257	215	8.931	1.890	161.188	2.105
Балтскій . .	177.152	766	58.201	423	235.353	1.189
Итого .	1.253.052	767	246.577	1.919	1.499.630	286

Всего дворяне вмѣстѣ съ разночинцами имѣютъ 1.499.630 д. 286 с. Сопоставляя по уѣздамъ количество этихъ земель съ землями крестьянскими, получимъ слѣдующій избытокъ въ пользу крестьянъ:

Наименованіе уѣздовъ.	Крестьянскія земли.		Земли дворянской и разночинцевъ.		Крестьянамъ принадлежитъ больше на:	
	Десятинъ.	Саж.	Десятинъ.	Саж.	Десят.	Саж.
Каменецкій .	129.595	1.720	115.703	313	13.892	1.407
Ушицкій .	129.323	371	101.050	521	28.272	2.250
Проскуровск.	126.691	1.203	106.121	1.610	20.569	1.993
Летичевскій .	129.865	1.069	82.454	470	47.411	599
Винницкій .	132.709	1.898	122.369	810	10.340	1.088
Литинскій .	145.128	69	119.914	1.590	25.213	879
Могилевскій .	116.335	572	112.386	842	3.948	2.130
Ямпольскій .	173.049	1.560	135.940	1.851	37.108	2.109
Брацлавскій .	152.099	1.485	94.619	618	57.480	867
Гайсинскій .	169.051	624	112.528	367	56.523	257
Ольгопольск.	169.929	2.291	161.188	2.105	8.741	186
Балтскій .	370.018	664	235.353	1.189	134.664	1.875
Итого .	1.943.797	1.526	1.499.630	286	444.167	1.240

Этотъ излишекъ въ 444.167 дес. 1240 саж., который имѣютъ крестьяне по сравненію съ дворянами и разночинцами, совершенно теряетъ свое значеніе, если примемъ во вниманіе то, что крестьянъ, взявши данныя того-же 1897 года, по сравненію съ другими сословіями больше на 2,369.918 человекъ.

Мало того, изъ 30.178 дворянъ, считая въ томъ числѣ и ихъ семьи, 10.335 чиновниковъ, 14.018 лицъ духовнаго званія, 9.650 личныхъ и потомственныхъ почетныхъ гражданъ и 3.637 купцовъ, а всего изъ 67.818 дворянъ и разночинцевъ, надо исключить по меньшей мѣрѣ половину, которая не имѣетъ земель. Къ этой половинѣ будетъ принадлежать значительное количество безземельнаго служилаго дворянства, подавляющее большинство чиновничества и духовенства, а также не малый процентъ гражданъ и купцовъ, среди которыхъ имѣется болѣе трехъ тысячъ не имѣющихъ помѣстій евреевъ. Въ результатъ получимъ то, что какихъ-нибудь 30.000 человекъ изъ некрестьянъ обладаютъ собственностью въ 1.499.630 дес. 286 саж., а 2.437.736 крестьянъ

владѣють 1.943.797 десят. 1.526 саж. Разница между земельной силой первой и второй группы получается громаднѣйшая.

Подводя итоги землевладѣнія Подольской губерніи, получимъ: всего земли въ губерніи имѣется 3.774.684 дес. 1.320 саж., въ томъ числѣ пахатной 2.743 тысячи десят., лѣсной 430 т. д., усадьбой 241 т. д., неудобной 166 т. д., сѣнокосной 104 т. д., пастбищной 78 т. д. и особыхъ угодій 12 т. десятинъ. Изъ этихъ земель принадлежить: крестьянамъ 1.943.797 дес. 1.526 саж., дворянамъ 1.253.052 дес. 767 саж., разночинцамъ 246.577 дес. 1919 с. мѣщанамъ 74.523 д. 2347 саж., казнѣ 74.000 д. 312 саж., удѣльному вѣдомству 62.334 десят. 514 саж., православнымъ церквамъ 83.434 дес. 2.327 саж., монастырямъ 1.951 дес. 2.225 саж., костеламъ 1.932 дес. 248 саж., городамъ 32.536 саж. 1135 саж., учебнымъ учрежденіямъ 338 дес. и благотворительнымъ учреждениямъ 205 десятинъ.

С. Саченко.

Въ поднѣстровскомъ захолустѣ.

(Очерки изъ хроники одного села).

I.

Въ широкой долинѣ рѣки Быстроводки, по склонамъ, изрѣзаннымъ вдоль и поперекъ глубокими оврагами и пропастями, растянулось глухое село Трындушки.

Бѣлѣющія вездѣ кучи камней, усыпанные щебнемъ косогоры и многочисленные овраги, то бѣлѣющіе пескомъ, то желтѣющіе глиной, едва смягчаются той полуживой, изнывающей зеленью, клочки которой шевелятся то тамъ то сямъ. Жарящіяся на солнцѣ избушки съ торчащими при нихъ растрепанными хлѣвами и полуразрушенными навѣсами для скота и старенькая деревянная трехкупольная церковь дополняютъ общую картину.

Угрюмое впечатлѣніе производятъ и жители с. Трындушекъ. Не увидите вы тутъ ни одного бойкаго, жизнерадостнаго лица, не услышите здѣсь смѣлой веселой пѣсни.

Самыя фамиліи трындушанъ какъ бы свидѣтельствуютъ о какихъ-то изъянахъ въ ихъ духовной и тѣлесной организаціи: Щербатый, Кекоть, Бугай, Севернога, Пробытый, Сухолитка, Безчелный—все это такія фамиліи, которыя мало говорятъ въ пользу тѣхъ, кому онѣ принадлежать, особенно если принять во вниманіе происхожденіе этихъ фамилій.

По мнѣнію знатоковъ трындушанской старины и трындушанской геральдики, онѣ образовались слѣдующимъ образомъ.

Не такъ еще давно предки нынѣшнихъ трындушанъ промышляли, подобно средневѣковымъ нѣмецкимъ баронамъ, грабежомъ и воровствомъ. Но то занятіе, которое стяжало благороднымъ баронамъ славу и пѣснопѣнія поэтовъ, для трындушанскихъ героевъ кончалось не всегда благополучно. Часто ихъ ловили на мѣстѣ преступленія въ чужихъ конюшняхъ и, чтобы отнять у нихъ охоту или хоть возможность къ дальнѣйшему совершенствованію на избранномъ ими поприщѣ, имъ либо ноги выкручивали, либо сокрушали зубы, либо учиняли другія чувствительныя поврежденія, способныя самыхъ неугомонныхъ рыцарей ночи сдѣлать мирными и даже почетными членами ихъ обществъ. Трындушанскіе же Гомеры увѣковѣчивали подвиги и приключенія своихъ богатырей соответствующими эпитетами, которые затѣмъ переходили къ ихъ потомкамъ въ качествѣ родовыхъ наименованій.

Въ Трындушкахъ до настоящаго времени уцѣлѣлъ еще одинъ маститый старожиль, которому въ лѣта его бурной и предприимчивой молодости озлобленные молдоване своротили на бокъ съ воспитательной цѣлью одну ногу. Его теперь и называютъ не иначе, какъ только „той кривоногый“, или, смотря по настроенію говорящаго, „той кривоногый чортъ“, хотя предки его передали ему другую не менѣ выразительную фамилію.

Въ настоящее время, когда люди измельчали, а замки стали крѣпче, потомки прежнихъ трындушанскихъ богатырей перешли къ мирнымъ земледѣльческимъ занятіямъ, и если, по закону атавизма, у нихъ и возникаетъ иногда соревнованіе къ подвигамъ предковъ, то они скромно довольствуются чужими гусями, курами,

колесами, сорочками и т. п. невинными предметами и лишь въ исключительныхъ и особенно благопріятныхъ случаяхъ посягаютъ на чью-нибудь лошадь или корову.

Когда-то въ Трындушкахъ процвѣтало и винодѣліе, но старыя виноградники высохли, а новыя не хотятъ расти, и теперь отъ прежняго благополучія въ качествѣ пріятныхъ воспоминаній остались только тѣ камни, на которыхъ трындушанскіе винодѣлы выжимали ногами

„ страданій утоленье,

„Добрый Вакховъ даръ—вино“,

да нѣсколько десятковъ распухшихъ и багровыхъ носовъ, въ видѣ рдѣющихъ виноградныхъ гроздьевъ на лицахъ трындушанскихъ старожилловъ, слишкомъ усердно утолявшихъ свои страданья.

Старожилы до сей поры прищелкиваютъ грустно языкомъ, вспоминая тѣ блаженныя времена, когда у нихъ родилъ виноградъ и когда они устраивали такія „гучныя“ свадьбы и такіе не менѣе ихъ „гучныя“ парастасы, на которыхъ вино и водка выпивались боченками, а народъ, веселившійся на свадьбѣ и предававшійся загробнымъ размышленіямъ на парастасахъ, валился снопами. Счастливая, невозвратная пора!

Впрочемъ, это прищелкиванье языковъ и вздохи по минувшимъ благамъ въ устахъ трындушанскихъ старожилловъ лишены всякаго серьезнаго основанія и представляютъ только то вздорное старческое брюзжанье противъ новыхъ временъ, отъ котораго еще ветхозавѣтный мудрецъ предостерегалъ забывчивое челоуѣчество.

Дѣйствительно, въ Трындушкахъ частныя виноградники перевелись: ихъ съѣла филоксеры или другое какое-то невидимое чудовище. Но зато тутъ среди села, на самомъ бойкомъ и располагающемъ къ наслажденію мѣстѣ, есть тотъ общедоступный виноградникъ, въ которомъ во все время года зрѣютъ на полкахъ вакховы дары, не доступные ни филоксерѣ, ни стихіямъ.

Въ тѣни окружающаго этотъ виноградникъ забора, а также въ тѣни всѣхъ сосѣднихъ плетней и воротъ, всякій, у кого только

„звенить въ карманѣ возможность“, можетъ безпрепятственно утолять свои страданья до тѣхъ поръ, пока не почувствуетъ звона въ головѣ, или, выражаясь поэтически, пока не почувствуетъ, что въ головѣ у него, какъ въ извѣстной пѣснѣ, „и шумить и гуде“. Многіе трындушане переступаютъ еще и этотъ предѣлъ и утоляютъ свою скорбную душу до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ той степени блаженства и неподвижности, когда о человѣкѣ говорятъ: хоть свѣчку ему прилѣпи къ носу.

Конечно, такая роскошь рискованна: можетъ разѣхать телѣга, можно свалиться въ оврагъ, можно „сторѣть“, но вѣдь бояться всего этого все равно, что бояться волковъ да и въ лѣсъ не ходить.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда трындушанинъ утолить свои страданья больше, чѣмъ можетъ вынести ограниченная природа человѣка, ему совсѣмъ нечего за себя беспокоиться: онъ тогда становится общественнымъ достояніемъ. За нимъ ухаживаютъ, какъ за оглушеннымъ въ бокъ генераломъ. Вокругъ него всѣ зашевеливаются, забраняются и закричатъ на разные лады:

— Горыть! Горивка загорилася! Ратуйты, воды, кварты, кизяка!

— Скорище! Чого пороздзявлялы пыскы?

Трындушане твердо увѣрены, что водка въ человѣкѣ можетъ загорѣться, и если замѣтятъ въ комъ признаки алкогольнаго отравленія, то поднимаютъ такую тревогу, что не хватаетъ только колокольнаго звона для полной иллюзіи пожара.

Всякій по мѣрѣ своего разумѣнія спѣшитъ оказать „горящему“ помощь. Одни льютъ ему на голову холодную воду и встряхиваютъ его, какъ мѣшокъ ржи, чтобы не дать его сердцу остановиться навѣки, другіе поятъ его экстрактомъ свѣжаго конскаго помету и, нагнувшись къ его уху, громко зовутъ его по имени, чтобы заворотить назадъ собравшуюся въ путь его душу. Какая-нибудь познавшая таинства природы бабка обмываетъ ему лицо и голову „святовечирными помыйкамы“ и шепчетъ заклинаніе отъ „пре-стриту“, ругая попутно того завистника, который своимъ дурнымъ глазомъ сдѣлалъ всю бѣду.

— Дывытса, дывытса, щобъ йому повылазыло! Нибы не бачывъ
николы! Господы благословы!

Роки рокивьски, заспани, прыспани,
Паньськи, жыдивьски, цыганьськи, мужыцьки,
Жиночи, дивочи, дытячи я вымовляю,
Божымы словамы вызываю,
Раба Божого (имярекъ) очищаю,
Щобъ лышывся чыстый, пречыстый,
Якъ маты на свить породыла,
Имнемъ зменовано, мыромъ змыровано.

— И выщыты чоловикови не можна черезъ тыхъ заздрисны-
кывъ! Пей и ты, щобысь лопнувь!—негодуетъ почтенная цѣли-
тельница въ полной увѣренности, что невѣдомый завистникъ
слышитъ ея проклятія и трепещеть.

При недѣйствительности этихъ средствъ въ ходъ пускаютъ
самые рѣшительные необыкновенные приемы, пока не возвратятъ
полумертваго трындушанина къ радостямъ бытія на украшеніе
его веселой компаніи.

II.

„Ни сило, ни пало; давай, бабо, сало!“
Пословица.

Живя въ своемъ оврагѣ, какъ между двумя китайскими
стѣнами, или, по другому выраженію, какъ у Бога за паузой,
трындушане не знаютъ никакихъ умственныхъ хлопотъ и не
подозрѣваютъ даже существованія той „жизни духа“ и „царства
мысли“, къ которымъ такъ краснорѣчиво приглашаютъ ихъ
поэты.

Все ихъ міросозерпаніе и вся духовная дѣятельность вы-
разились въ нѣсколькихъ диковинныхъ суевѣріяхъ, замѣнившихъ
имъ и философію, и медицину, а отчасти даже и религію. Вслѣд-
ствіе такого онѣмѣнія въ нихъ духовныхъ потребностей, трын-
душане поражаютъ всякаго свѣжаго человѣка своей отсталостью,

даже по сравненію съ окружающими ихъ сосѣдями, не много больше ушедшими по тернистому пути прогресса.

И тѣмъ не менѣе въ Триндушкахъ съ незапамятныхъ временъ существуетъ приходская школа, тщетно сясь своимъ кроткимъ, еле мерцающимъ свѣтомъ освѣтить окружающія ея дебри человѣческой темноты. Явилась она въ этомъ селѣ вотъ по какому случаю.

Въ Триндушкахъ жила когда-то старая безродная бабка Оляна, у которой была на глинистомъ косягорѣ довольно просторная избушка, дѣлившаяся на двѣ половины. На одной половинѣ избы жила сама старушка, а на другой кормился большой вырощенный ею кабанъ, единственный спутникъ ея одинокой жизни. Когда кабанъ разжирѣлъ, она его заколола и мясо раздала въ долгъ триндушанскимъ молодыцямъ, а сало спрятала на чердакѣ въ боднѣ, думая продавать его за наличныя. Она надѣялась такимъ путемъ собрать себѣ денегъ на погребеніе.

„Но на счастье прочно всякъ надежду кинь!“ Ома Кекоть, первый триндушанскій воръ, пользовавшійся глубокимъ уваженіемъ всѣхъ, у кого только были волю или лошади, вострилъ зубы на это сало еще въ то время, когда оно было на кабанѣ. Всякій разъ при встрѣчѣ съ кабаномъ, котораго Оляна выпускала иногда для моціона на улицу, Ома съ изумленіемъ останавливался, точно никогда не видалъ еще откормленной свиньи, и многозначительно осматривалъ его, а при встрѣчѣ съ Оляной шуточно спрашивалъ ее:

— А довго вы, бабка, будете ще годуваты своего кабана? Я-бъ вже ковбаскы поповнѣ,—гарный кабась, гарный!

— На, на! кабась, кабась! куцунѣвъ, куцунѣвъ! Не бійся, дурный, я тобі ничего не зробию!—подманивалъ онъ къ себѣ недоувѣрчиво шараявшагося отъ него въ сторону кабана, стараясь одной рукой пощекотать ему обвисшее брюхо, а другою пощупать плоскую спину.

— Будете маты два, а то й цилыхъ тры пуды йидного сала,—объявлялъ онъ категорически старушкѣ послѣ осмотра.

— Сколько Богъ дастъ, стильки й буде,—отвѣчала покорно добрая старушка.

— А на що вамъ, бабуся, такого великого кабана?—продолжаетъ, бывало, шутить Оома,—хиба вы сами годни зысты стильки сала?

— Не я зымъ,—отшучивалась польщенная старушка, не замѣчая хищническаго выраженія глазъ Оомы,—то люде зидять. Хиба непременно я повинна зысты все сама? Що я така нажирлива, чы шо?

Бѣдная точно напророчила. Остроумная народная поговорка: „не мала баба клопоту та купыла порося“ сбылась на ней самымъ плачевнымъ образомъ.

Оома, дождавшись темной ночи, забрался къ старухѣ на чердакъ и безъ всякаго состраданья вытаскаль изъ „бодни“ все сало, оставя старухѣ, какъ на смѣхъ, только нѣсколько кусочковъ „шкурка“.

Какъ ни привыкла старуха къ житейскимъ невгодамъ, но такого удара ея дряхлое тѣло, жившее однѣми лишь мечтами о благообразномъ погребеніи, не могло перенести спокойно. Она еле слѣзла съ опустошеннаго чердака и тотчасъ же слегла въ постель. На третій день послѣ покражи сала она выисповѣдалась, а на пятый отдала Богу душу, не успѣвши отобрать денегъ за мясо.

Погребеніе ея совершилось безъ всякой пышности, тихо и бѣдно. Не было ни бѣлыхъ калачей на хоругвяхъ, ни могорычу для хоругвеносцевъ, ни проводовъ тѣла въ церковь. На погребеніе ея пришли только тѣ бабы, что забрали у нея въ долгъ мясо. Сидя у безгласнаго и бездыханнаго тѣла Ояны, онѣ, не переставая, охали и вздыхали, вспоминая о несчастномъ приключеніи съ ея саломъ и проклиная отъ всей души того лиходѣя, который лишилъ Ояну приличныхъ похоронъ, а ихъ—приличнаго поминальнаго обѣда. О мясѣ,—конечно, съ цѣлью не увеличивать своихъ горестныхъ воспоминаній,—онѣ совсѣмъ избѣгали разговора.

Черезъ нѣсколько дней о старушкѣ и ея смерти забыли. Одна только опустѣвшая избушка ея безпокоила триндушанъ.

Родныхъ у Оляны не было, и потому претендентами на ея имущество являлись всѣ триндушане. А тѣмъ временемъ, въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія судьбы этого имущества, вся рухлядь, какая только была у старухи, исчезла невѣдомо куда вслѣдъ за выносомъ тѣла, точно и ее снесли на кладбище вмѣстѣ съ Оляной. Триндушанскіе антикваріи обшарили всѣ углы въ избѣ и все, что только имѣло въ ихъ глазахъ какую-нибудь цѣну, уносили къ себѣ на память или „такъ собі.“ Этой участи не избѣгла бы и самая избушка: одна сообразительная сосѣдка начала уже „мыкать“ солому съ крыши для растопки печи, а другая пошла еще дальше въ своей сообразительности и принялась выковыривать стекла въ окнахъ. Но какъ-то скоро послѣ описанныхъ событій собрался сельскій сходъ; на сходѣ кто-то первымъ дѣломъ поднялъ вопросъ объ Оляниной избушкѣ, а другой кто-то сталъ тотчасъ предлагать за нее „могарычъ“ всѣмъ домохозяевамъ, имѣвшимъ право голоса на сельскомъ сходѣ, а слѣдовательно—и право участвовать въ общественномъ могарычѣ.

Но неожиданно для всѣхъ, во время самыхъ горячихъ дебатовъ триндушанскихъ Демосѣеновъ и Цицероновъ изъ-за количества предлагавшагося могарыча, на сходѣ явился триндушанскій батюшка о. Іоанникій Ухтовскій. Дебаты моментально прекратились; всѣ притихли и приняли самый невинный видъ, ожидая, что скажетъ батюшка. Но прежде чѣмъ онъ заговорить, мы сами скажемъ о немъ нѣсколько словъ.

(Продолженіе будетъ).

Ставленническій допросъ.

(Историко-каноническая замѣтка).

Поставляемые во священники или діаконы, а иногда и посвящаемые въ стихарь подвергаются, или, выражаясь канцелярскимъ языкомъ, приводятся къ такъ называемому ставленническому допросу. Суть послѣдняго состоитъ въ томъ, что допрашиваемый

читаетъ въ присутственномъ залѣ консисторіи печатный допросный листъ, который дополняется нѣкоторыми собственноручно сдѣланными приписками ставленника и скрѣпляется его подписью.

Допросъ этотъ закономъ не требуется; формы для него закономъ не указывается; названіе „допроса“ носить безъ достаточнаго для этого основанія; онъ, вообще говоря, не болѣе, какъ анахронизмъ и совершенно излишняя процедура.

Чтобы выяснитъ, откуда явился у насъ обычай подвергать ставленниковъ допросу, и вмѣстѣ— показать, что „допросъ“ этотъ въ настоящее время совершенно ненуженъ и есть только то, что называется бесполезной волокитой, мы должны, не предпринимая экскурсій въ весьма отдаленные періоды церковной жизни, обратиться къ исторіи нашей церкви и къ нѣкоторымъ обычаямъ, практиковавшимся у насъ уже въ XV в.

Достаточно извѣстно, что встарину у насъ ряды духовенства заполнялись людьми, избираемыми для сего той общиной, которая нуждалась въ томъ или иномъ клирикѣ. Извѣстно также и то, что эти выбранныя лица, не говоря уже о полной ихъ неподготовленности къ дѣлу, на которую такъ краснорѣчиво въ свое время жаловался знаменитый Геннадій, архіепископъ Новгородскій*), иногда не удовлетворяли и основнымъ требованіямъ каноническаго права, предъявляемымъ къ кандидатамъ священства. Въ виду этого, русскіе архипастыри вынуждены были, дабы не рукополагать невѣждъ и лицъ недостойныхъ, предпринимать нѣкоторыя мѣры. Въ чемъ онѣ состоятъ, объ этомъ мы узнаемъ, между прочимъ, изъ такъ называемыхъ уставовъ, или указовъ, „како подобаетъ избирати годныхъ на священство и ставити въ ерейскій и діаконскій санъ“,—указовъ, которые помѣщались иногда въ нашихъ архіерейскихъ служебникахъ (съ XV в.).

По требованію этихъ уставовъ, желавшій получить діаконскій или пресвитерскій санъ долженъ былъ явиться къ епископу въ понедѣльникъ и, на вопросъ архидіакона или священника, находившагося въ тотъ разъ при святителѣ, объ имени, званіи, мѣстѣ жительства и цѣли прихода, долженъ былъ отвѣчать, кто

*) См. Древн. Рос. Вивлюника, т. XIV, стр. 244—251.

онъ, откуда пришелъ и съ какой цѣлью. На послѣдній вопросъ предписывалось просителю давать отвѣтъ въ такой формѣ: „Придохъ къ государю и пастырю нашему преосвященному епископу, имярекъ, желаніе имѣя его святительства руки положенія, хотя быти съвершенъ въ освященную ерейскую одежду“ (въ другихъ— „службу“). На это святитель говорилъ: „Доброе желаніе имѣя пришелъ еси, сыну, хотя послужити Господеви, еже ти исполни Христосъ Богъ по глаголу Его святому и по достоинству обѣщанія твоего“,—и отпускалъ просителя, а архидіаконъ приказывалъ ему явиться въ среду и пятницу. Въ эти дни проситель подвергался такому-же допросу, какъ и въ понедѣльникъ. Желая болѣе обстоятельно выяснить себѣ личность просителя, епископъ отпускалъ его въ пятницу домой и вмѣстѣ съ нимъ посылалъ „на то уставленнаго рядника“, который на мѣстѣ жительства кандидата священства долженъ былъ произвести разслѣдованіе и узнать отъ его родныхъ, знакомыхъ и сосѣдей, „добрѣ-ли той (проситель) родителю и законну отцу и матери сынъ, не имѣеть-ли на собѣ таковое вещи, которіе возбраняють челоуѣку священства. Будеть-ли не тать, не душегубецъ, не разбойникъ“. „Звѣдавше все исправнѣ“ и узнавъ, что ничего „отлученнаго“ на просителѣ не имѣется, рядникъ докладывалъ епископу о результатахъ своихъ изслѣдованій и вмѣстѣ съ тѣмъ представлялъ ему и самого просителя.

Если же проситель жилъ далеко отъ резиденціи епископа, такъ что посылать рядника не представлялось удобнымъ, въ такомъ случаѣ разслѣдованіе рядника замѣнялось „поручальными грамотами“. „Аще ли, сказано въ уставахъ, издалека пришелъ будетъ хотяи ставитися, таковой приноситъ съ собою грамоты къ святителю отъ своихъ южыкъ и сусѣдъ поручальныи“, удостовѣрившія, что проситель „таковое вещи на собѣ не имать, для которыхъ бы онъ недостоинъ былъ священства“. Если, по заключенію рядника или по удостовѣренію поручальныхъ грамотъ, проситель оказывался достойнымъ священства, тогда святитель приказывалъ ему готовиться къ рукоположенію. Для этого ставленникъ отправлялся къ другому уже „ряднику“, обязанность котораго состояла въ изслѣдованіи того, знаютъ-ли кандидаты священства въ доста-

точной мѣрѣ грамоту. Если рядникъ, „осмотрѣвши и извѣдавши просителя у святомъ писаніи“, находилъ, что тотъ „не научился сполна грамотѣ, такъ штобы годный былъ у священство“, то докладывавалъ объ этомъ святителю, а послѣдній приказывалъ просителю „доучиться“ и назначалъ ему для этого опредѣленный срокъ: „и рокъ ему положить по мѣрѣ науки, заколко-бы научиться могъ“. Если же, наоборотъ, „дьякъ“, оказавшійся „священства геднымъ“, вмѣстѣ съ тѣмъ и грамоту зналъ, „какъ попу подобаеть“, въ такомъ случаѣ рядникъ доносилъ епископу: „се (сей) діакъ на имя имярекъ умѣеть грамоту добре“. Чтобы провѣрить показаніе рядника, святитель призывалъ ставленника къ себѣ и экзаменовалъ его: приказывалъ ему читать изъ псалтири, апостола и евангелія, а затѣмъ, если находилъ чтеніе хорошимъ, отсылалъ его къ духовнику. Послѣдній, признавъ, послѣ исповѣди, просителя достойнымъ священства, давалъ ему „поручальный листъ“, въ которомъ значилось слѣдующее: „Се я игуменъ, або попъ имярекъ, уставленный отъ государя моего владыки, имярекъ, отцемъ быти духовнымъ новопоставляемыхъ у священнической чинъ, поручаюся государю моему епископу, имярекъ, по семъ дьяцѣ, на имя имярекъ, штожь онъ достоинъ священства, по его исповѣди, а не холопъ, а не тать, не разбойникъ, не душегубецъ, не измѣнникъ, не двоеженецъ, а не длъженъ никому“. Получивъ одобрительные отзывы о просителѣ и удостовѣрившись въ его грамотности, епископъ опредѣлялъ его на священническое или діаконское мѣсто и приказывалъ готовиться къ рукоположенію.

Въ день рукоположенія, предъ началомъ литургіи, епископъ, послѣ облаченія въ святительскія одежды, приказывалъ привести къ себѣ ставленника и дать хранившійся въ ризницѣ поручальный листъ духовнику съ тѣмъ, чтобы тотъ прочиталъ его предъ сослужащими епископу священнослужителями, имена которыхъ „писарь въ тотъ листъ пишетъ для свѣдоцтва“. По прочтеніи поручальнаго листа духовникомъ, епископъ обращался къ послѣднему съ вопросомъ: „Достинъ ли священству (разумѣется ставленникъ)?“ Духовникъ отвѣчалъ: „Владыко святыи, по его исповѣди, достинъ священству“. Владыка повторялъ свой вопросъ и получалъ

тотъ же отвѣтъ. Наконецъ, въ третій разъ онъ спрашивалъ: „Достоинъ ли священству, поручаешься ли по немъ?“ и выслушивалъ отвѣтъ въ такой формѣ: „По его исповѣди поручаюся по немъ, достоинъ священству“. Святитель тогда заключалъ: „По исповѣди (шлюбу) и по порученію твоему, отца его духовнаго, совершаемъ его во священство“.

Этимъ и заканчивалась процедура, предварявшая въ XV в. рукоположеніе во діакона и священника *).

Изъ представленнаго изложенія содержанія уставовъ о томъ, „како подобаеть избирати годныхъ на священство“, ясно, что уставы эти требовали производить разслѣдованіе о правоспособности даннаго кандидата на занятіе той или другой степени клира, а равно предписывали знакомить, хотя въ общихъ чертахъ, ставленниковъ съ тѣми обязанностями, какія будутъ возложены на нихъ ихъ саномъ. И эти требованія, или, точнѣе, умѣстность и необходимость этихъ требованій вполне понятна. Встарину, какъ извѣстно, не было въ обычаѣ представлять по начальству метрическія свидѣтельства, изъ которыхъ бы можно было узнать о происхожденіи и лѣтахъ просителя; не было свидѣтельствъ объ образованіи, не было аттестацій отъ школьнаго начальства о направленіи и поведеніи ставленника, не было формулярныхъ списковъ, не было и школъ, гдѣ-бы кандидаты священства могли получать спеціальное образованіе. Всѣ свѣдѣнія, какія теперь заключаются въ перечисленныхъ документахъ, могли быть получены лишь путемъ опроса какъ самого ставленника, такъ и людей, близко его знающихъ. Существенно же необходимыя для ставленника свѣдѣнія, касающіяся его служебной дѣятельности, онъ могъ получить главнымъ образомъ предъ рукоположеніемъ и подъ руководствомъ „рядника“, т. е. лица, уполномоченнаго и назначеннаго обучать кандидатовъ священства, чтобы каждый изъ нихъ „на литургіяхъ евангеліе чель, гораздо просмотрѣвши, абы чель неспѣшно, иже бы зналъ статьи и возгласы; на утреняхъ и на

*) См. рукоп. Московск. Синод. библ. № 370, л. 210—212; № 366, л. 89—93; № 367, л. 79—83; Русск. Истор. Библ. VI, 899—903.

вечерняхъ абы говорилъ псалтырь и псалмы и каноны и церковное каженіе зналъ и все дѣйство священническое“.

Очевидно, что нашъ ставленническій допросъ есть не что иное, какъ отзвукъ того порядка, который регламентируется приведеннымъ уставомъ. Но то, что было разумно и необходимо лѣтъ 200—300 тому назадъ, то въ настоящее время бываетъ иногда совершенно излишне. Такимъ анахронизмомъ, такой излишней процедурой является и нашъ теперешній ставленническій допросъ. Чтобы это положеніе стало вполне очевиднымъ, рассмотримъ въ общихъ чертахъ содержаніе ставленническаго вопроса.

Въ допросномъ листѣ ставленникъ прежде всего читаетъ слѣдующее: „Лѣтъ мнѣ (въ нѣкоторыхъ—ему) отъ роду столько-то, родился я (онъ) въ такомъ-то году, мѣсяца и дня такого-то, N—ской губерніи (епархіи), N уѣзда, въ селѣ N, отъ православныхъ родителей: отца N и матери N, крещенъ и святымъ миромъ помазанъ того-же(!) уѣзда города (или села) священникомъ N“. Значитъ, ставленникъ говоритъ то, что вполне обстоятельно изложено и въ метрическомъ его свидѣтельствѣ, которое онъ непременно долженъ представить вмѣстѣ съ другими своими документами при прошеніи о назначеніи на мѣсто. И если-бы онъ этого свидѣтельства не представилъ, то его показаніямъ относительно лѣтъ и проч. не придали-бы ровно никакого значенія. Если же показанія ставленника по этому пункту не могутъ замѣнить метрическаго свидѣтельства, если, съ другой стороны, метрическое свидѣтельство содержитъ всѣ вышеуказанныя свѣдѣнія и если, наконецъ, свидѣтельство непременно должно быть представлено и остается въ консисторіи при дѣлѣ, то переписываніе его въ „допросъ“ является излишнимъ.

Сказанное относительно перваго пункта вопроса вполне примѣнимо и ко второму его пункту, т. е. къ показаніямъ о томъ, гдѣ и когда учился ставленникъ и какія должности проходилъ. И на эти вопросы даютъ вполне ясные и точные отвѣты—свидѣтельство объ образованіи и формулярный списокъ, которые непременно должны быть представляемы при прошеніи и безъ которыхъ показаніямъ ставленника о его образованіи и служебныхъ подвигахъ никакой вѣры не дадутъ.

Далѣ, показаніе ставленника, что онъ женатъ на таковой-то первымъ бракомъ, излишне въ виду того, что въ его формулярѣ или брачномъ свидѣтельствѣ значится, женатъ ли онъ, или холостъ, жива-ли его жена, или умерла и т. д.

Но особенно безцѣльнымъ и не имѣющимъ никакого практическаго смысла является тотъ пунктъ вопроса, который гласитъ: „Дѣлъ къ нему NN никакихъ не касалось“... Уже что-что, а дѣла, „касающіяся къ ставленнику“, досконально консисторіи извѣстны. Объ этихъ дѣлахъ прежде всего справку наводятъ, и самому ставленнику, если-бы онъ сказалъ, что „дѣлъ не имѣть“, не особенно будутъ вѣрить. Если-же ставленникъ неизвѣстенъ консисторіи и если въ его формулярѣ не значится за нимъ никакихъ дѣлъ, то, какъ показываетъ опытъ, и самъ онъ о своихъ дѣлахъ все-равно не скажетъ.

Такимъ образомъ, вся первая часть „вопроса“, которая съ трѣхъомъ пополамъ еще можетъ быть названа вопросомъ, совершенно ненужна, и для чего ее пишутъ и читаютъ, едва-ли кому извѣстно. Правда, могутъ сказать, что она нужна, какъ краткое „*curriculum vitae*“ ставленника, для доклада епископу, а потомъ и консисторіи. Но дѣло въ томъ, что вопросъ производится уже послѣ назначенія просителя на мѣсто и, слѣдовательно, уже послѣ того, какъ *curriculum vitae* просителя, въ формѣ консисторской „справки“ о немъ, представлено епископу. Иначе епископъ и не могъ бы знать, кого и почему изъ числа другихъ просителей назначить на то или другое мѣсто. А разъ справка представляется епископу и представляется отъ консисторіи, которая, можно думать, знаетъ, что и о комъ отъ нея имени представляется, то и ей, слѣдовательно, извѣстны всѣ тѣ свѣдѣнія, какія содержатся въ первой части ставленническаго вопроса. Повторять ихъ опять и притомъ въ присутствіи нѣсколькихъ человекъ (не требуется полное „присутствіе“), которые обычно и не слушаютъ того, что читаетъ ставленникъ, значить производить бесполезное „біеніе воздуха“.

Не больше значенія имѣетъ и та часть вопроса, которая на это названіе не имѣетъ ровно никакого права и которая содержитъ краткій перечень обязанностей, налагаемыхъ на ставленника его

будущимъ саномъ. Въ самомъ дѣлѣ, если ставленникъ окончилъ курсъ семинаріи, онъ все то, что содержится въ этой части quasi-допроса, прекрасно знаетъ,— знаетъ лучше и точнѣе, чѣмъ какъ трактуется объ этомъ въ допросѣ. Если же ставленникъ не изъ окончившихъ курсъ семинаріи, то онъ или предварительно испытывается въ установленномъ порядкѣ въ знаніи обязанностей того сана, который ему дается, или же, если онъ испытанію не подвергался, наличность у него такихъ знаній удостоверяется продолжительностью его службы, его опытностью, житейской мудростью и т. п.

Но если бы даже предположить, что ставленникъ не имѣетъ тѣхъ свѣдѣній, какія отъ него требуются, то и изъ допроса немногому онъ научится потому, во-первыхъ, что допросъ этотъ весьма часто бываетъ малосодержателенъ и составленъ не всегда умѣло, а во-вторыхъ, прочитавъ въ консисторіи допросъ, ставленникъ никогда больше его и не читаетъ; при этомъ же условіи въ памяти у него едва-ли останется многое изъ того, что онъ прочиталъ. Слѣдовательно, и въ этой своей части нынѣшній допросъ бесполезенъ.

Но ставленническіе допросы, при всей ихъ практической непригодности, страдаютъ иногда непродуманностью и содержатъ нерѣдко такія требованія, которыя вызываютъ, по меньшей мѣрѣ, недоумѣніе. Чтобы наше заключеніе не показалось неосновательнымъ, рассмотримъ нѣсколько подробнѣе содержаніе ставленническихъ допросовъ.

Какъ мы выше замѣтили, закономъ ставленнической допросъ не требуется и въ законѣ формы для этого допроса не имѣется. Поэтому, въ разныхъ консисторіяхъ приняты и разныя формы допроса. Въ однихъ епархіяхъ допросъ этотъ обширный, въ другихъ (напр., Московской)—очень краткій. Въ Подольской епархіи форма допроса—одна изъ обширнѣйшихъ.

Въ допросахъ (преимущественно священническихъ), послѣ свѣдѣній о рожденіи и крещеніи ставленника, имѣется иногда справка объ образовательномъ его цензѣ, при чемъ справка эта формулируется такъ: „По изученіи, при родителяхъ моихъ рос-

сiйской грамоты, поступилъ въ такомъ-то году въ такое-то училище“ и т. д. Что хотѣлъ сказать редакторъ вопроса этими словами, а особенно выраженiемъ: „при родителяхъ моихъ“, трудно понять. Если онъ хотѣлъ сказать, что ставленникъ изучалъ россiйскую грамоту въ домѣ родителей, то на это можно возразить, что не всегда такъ бываетъ; если-же онъ имѣлъ въ виду выразить мысль, что *сами* родители обучили ставленника россiйской грамотѣ, то опять это не общiй порядокъ, ибо иногда родители ставленниковъ бываютъ безграмотны. Но какъ-бы ни понимать эти слова, они, смѣемъ думать, въ вопросѣ совсѣмъ ненужны, потому что если вопросъ объ образовательномъ цензѣ ставленника имѣеть, вообще говоря, громадное значенiе, то вопросъ о томъ, гдѣ обучался онъ россiйской грамотѣ, ужъ ровно никакого значенiя не имѣеть.

Не большее значенiе имѣеть и тотъ пунктъ вопроса, въ которомъ идетъ рѣчь о здоровьи ставленника. Пунктъ этотъ гласить: „Вредной скорби и увѣчья, препятствующихъ священнослуженiю, и наружныхъ болѣзненныхъ знаковъ, причиняющихъ безобразiе, не имѣеть“. Само собою понятно, что человекъ, физически неспособный къ совершенiю священнослуженiя, и самъ не станетъ проситься во священники. Что-же касается болѣзненныхъ знаковъ, причиняющихъ безобразiе, то если бы таковыя и были, они, по ясному смыслу 77 и 78 апост. правилъ, не могли-бы служить препятствiемъ къ рукоположенiю, ибо наше законоположенiе не знаетъ другихъ иррегуляритетовъ *ex defectu corporis*, кромѣ указанныхъ въ 78 правилѣ свв. апостоловъ. Поэтому совершенно непонятно, чѣмъ руководствовались при внесенiи этого пункта въ документъ, который долженъ быть составленъ на точномъ основанiи каноническихъ и церковно-гражданскихъ постановленiй.

Слѣдующiй пунктъ гласить, что ставленникъ женатъ „на цѣломудренной и благочестивой дѣвицѣ N, которая... до вступленiя въ бракъ съ нимъ, N, въ родствѣ или свойствѣ, возбраняющихъ бракъ, не была“. Это даже нѣсколько курьезный пунктъ. Не говоря уже о первой его части, слѣдуетъ обратить вниманiе на конецъ его, на трактацию о родствѣ. Дѣвица такая-то, говорится здѣсь, до вступленiя въ бракъ съ такимъ-то не состояла съ нимъ въ

родствѣ, воспрещающемъ бракъ. Выходить, что *послѣ* вступленія въ бракъ между поженившимися явилось такое родство, которое *возбраняетъ ихъ бракъ*. Но это не важно: это неудачная формулировка вопроса. А важно вотъ что: если-бы между женихомъ и невѣстой было родство, возбраняющее бракъ, то и самый бракъ не состоялся-бы. Слѣдовательно, не о чемъ говорить и спрашивать.

Далѣе въ допросахъ идутъ пункты, въ которыхъ говорится, что священникъ избираетъ это званіе исключительно для славы Божіей, а не ради прибытка и выгодъ, что онъ будетъ поучать свою паству и обучать ее молитвамъ. Въ частности, онъ будетъ, — сказано въ одномъ пунктѣ, — „обучать дѣтей своихъ прихожанъ въ приходской школѣ закону Божію, правильному разумѣнію церковныхъ обрядовъ, чтенію, письму и другимъ предметамъ, полезнымъ въ обществѣ“... Здѣсь будущій священникъ даетъ обѣщаніе исполнять обязанности учителя церковно-приходской школы, — обѣщаніе, исполнить которое онъ не въ силахъ и которое, кромѣ того, совершенно не требуется существующими законоположеніями о церковно-приходскихъ школахъ.

Относительно таинства поставляемый даетъ обѣщаніе совершать ихъ по чину, ничего не брать за ихъ совершеніе, не допускать вымогательствъ и т. п. Въ частности, относительно брака сказано въ нѣкоторыхъ допросахъ: „Малолѣтнихъ, неравнолѣтнихъ, чужеприходныхъ и другихъ противозаконныхъ браковъ вѣнчать не будетъ“... Если-бы священникъ въ точности исполнилъ то, что требуется этимъ пунктомъ, то онъ навѣрное попалъ бы подъ судъ или, въ лучшемъ случаѣ, получилъ бы выговоръ. Имѣемъ въ виду обѣщаніе *не вѣнчать неравнолѣтнихъ*, т. е. такихъ жениха и невѣсту, лѣта которыхъ значительно разнятся. Подобнаго обѣщанія будущій священникъ давать не долженъ и не вѣнчать неравнолѣтнихъ права онъ не имѣетъ. Правда, въ § 18 инстр. благоч. бракомъ незаконнымъ признается, между прочимъ, такой, въ которомъ одно лицо—престарѣлое, а другое—молодое. Правда и то, что въ XVIII в. были издаваемы Св. Синодомъ указы, которыми въ числѣ препятствій къ браку поставлялась большая несоразмѣрность лѣтъ брачующихся. Но Истр. Благоч.

не есть законъ (Высочайшаго утвержденія она не получила), а что касается указовъ Св. Синода, изданныхъ въ XVIII в., то эти указы потеряли свою силу послѣ изданія тѣмъ-же Синодомъ 20 февр. 1861 г. указа, которымъ вмѣняется священникамъ въ обязанность чтобы они убѣждали жениха и невѣсту, значительно неравныхъ лѣтъ, не вступать въ бракъ; но если-бы эти увѣщанія не подѣйствовали, то вѣнчали бы безпрепятственно. Гражданскіе же наши законы ровно ничего не говорятъ въ смыслъ запретительномъ о бракахъ неравнолѣтнихъ. Слѣдовательно, священникъ не имѣетъ права не вѣнчать неравнолѣтнихъ, не имѣетъ права и давать въ присутственномъ мѣстѣ и съ его одобренія обѣщаній совершать беззаконіе.

Въ послѣдней части допроса поставляемый во священника даетъ обѣщаніе безпрекословно повиноваться распоряженіямъ епархіальнаго начальства, домъ свой добрѣ править, доносить о неисправныхъ церковнослужителяхъ, вести всѣ церковные документы, заботиться о благолѣпії храма, не подвергать никого публичной эпителии, не просить перемѣщенія раньше 5-ти лѣтъ (въ Подольской епархіи), вести себя чинно въ храмъ и не подавать повода ни къ какимъ происшествіямъ, доносить объ отступникахъ и развратникахъ, куда слѣдуетъ, ставленную грамоту и всѣ содержащіяся въ допросѣ обязательства содержать въ памяти.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе ставленническаго допроса для лицъ, рукополагаемыхъ во священники.

Казалось бы, что и для поставляемыхъ въ діаконы допросъ, если уже онъ признается нужнымъ, долженъ быть приблизительно такой же, съ тѣми лишь дополненіями и измѣненіями, какія естественно вызываются отличіемъ правъ и обязанностей діаконскихъ отъ правъ и обязанностей священническихъ.

На самомъ же дѣлѣ мы видимъ, что иногда даже въ предѣлахъ одной и той-же епархіи ставленническіе допросы священника и діакона настолько разнятся и притомъ въ основныхъ требованіяхъ, что вызываютъ недоумѣніе и приводятъ къ убѣжденію въ бесполезности этихъ допросовъ. Такъ, въ первой части діаконскаго допроса (Подольск. епарх.) не нашли уже нужнымъ

помѣстить показаніе ставленника, что онъ обучался російской грамотѣ при родителяхъ, но внесли требованіе отмѣчать, въ какомъ разрядѣ поставляемый въ діакона окончилъ курсъ ученія. Почему сіе важно для діакона, а не важно для священника, вѣдаетъ лишь составитель допроса. На вступленіе въ бракъ,—сказано въ допросѣ,—кандидатъ діаконства получилъ билетъ. Но, во-первыхъ, не всегда это такъ бываетъ, потому что не всегда кандидаты діаконства получаютъ „билеты“ (разумѣется изъ консисторіи, ибо изъ другихъ учреждений на вступленіе въ бракъ выдаются не билеты), а во-вторыхъ—если кандидату діаконства нужно получить билетъ, то почему же это не нужно кандидату священства, а если нужно и послѣднему, и сіе весьма важное обстоятельство, то почему объ этомъ не упоминается и въ допросѣ священника.

Для священника, судя по допросу, нужно жениться на дѣвицѣ православнаго исповѣданія, благочестивой, цѣломудренной и не состоящей съ своимъ женихомъ въ родствѣ, возбраняющемъ бракъ. Отъ діакона же, судя о томъ по тому же допросу, требуется лишь, чтобы онъ женился на дѣвицѣ цѣломудренной. Почему такая разница въ требованіяхъ и въ такомъ канонически важномъ пунктѣ, едва ли кто можетъ объяснить.

Во второй части допроса діаконъ обязуется, между прочимъ, не просить перемѣщенія раньше 7 лѣтъ. Священнику же, какъ мы выше видѣли, можно просить перемѣщенія на другой приходъ уже по истеченіи 5 лѣтъ. Казалось бы, что долговременное пребываніе священника на приходѣ болѣе важно, чѣмъ пребываніе діакона...

„Куплей и торговлей въ смыслъ промышленности заниматься не буду“, говоритъ поставляемый въ діаконы. Въ допросѣ священника такого обязательства нѣтъ. Выходитъ, въ виду этого, что священнику куплей и торговлей „въ смыслѣ промышленности“ заниматься можно.

Такой же положительный выводъ слѣдуетъ изъ присутствія въ діаконскомъ допросѣ обѣщаній не предаваться праздности, не вмѣшиваться въ дѣла, несвойственныя священнослужителю, и изъ

отсутствія этихъ или подобныхъ имъ обязательствъ въ священническомъ допросѣ.

На празднества будущій діаконъ общается отлучаться изъ прихода исключительно только съ душеполезной цѣлью, а не ради удовольствія. Священникъ такого общанія не даетъ, и ему, слѣдовательно, можно посѣщать празднества и не съ душеполезною цѣлью, а ради одного только удовольствія... Да и умѣстень ли, вообще говоря, этотъ пунктъ въ допросѣ? А если умѣстень, то не слѣдуетъ ли его формулировать нѣсколько иначе?

Далѣе дается общаніе: „Въ случаѣ смерти моей жены, женщинѣ моложе 60 лѣтъ, исключая самыхъ близкихъ родственницъ, держать въ своемъ домѣ не буду“. Это весьма важное требованіе, основанное на 3 правилѣ 1-го всел. собора, почему-то нашли нужнымъ предъявить только діакону, тогда какъ оно по ясному смыслу указаннаго правила распространяется на всѣхъ вообще клириковъ.

Наконецъ, діаконъ, который, сравнительно съ священникомъ, въ письменныя сношенія вступаетъ рѣдко, даетъ общаніе быть въ этихъ сношеніяхъ вѣжливымъ. Въ священническомъ допросѣ этого пункта нѣтъ.

Кромѣ кандидатовъ священства и діаконства, допросу предъ посвященіемъ подвергаются, замѣтимъ кстати, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ и ставленники въ стихарь. Въ этомъ допросѣ, послѣ обычныхъ свѣдѣній о ставленникѣ и перечисленія важнѣйшихъ его обязанностей, встрѣчается иногда пунктъ, требующій, чтобы посвященный въ стихарь носилъ одѣяніе, присвоенное причетническому званію. Любопытно было бы узнать, какое одѣяніе, кѣмъ, когда и на какомъ основаніи присвоено причетническому званію?...

Полагаемъ, что произведенный нами анализъ нѣкоторыхъ пунктовъ ставленническихъ допросовъ и сооставленіе самыхъ допросовъ показали въ достаточной мѣрѣ, насколько эти допросы, при всей ихъ бесполезности, страдаютъ, какъ мы выразились, непродуманностью и требуютъ, если ужъ признать за ними право на существованіе, тщательной и основательной корректуры. И

эту корректуру, полагаемъ, надо начать съ самаго названія ставленническихъ допросовъ, потому что, при нынѣшнемъ своемъ содержаніи, права на это названіе они имѣютъ очень мало. Въ самомъ дѣлѣ, суть допроса состоитъ въ томъ, что допрашиваемый *на предложенные* ему вопросы даетъ отвѣты, которые выясняютъ его личность и то дѣло, по которому онъ допрашивается. Что-же мы находимъ въ ставленническихъ допросахъ? Въ первой ихъ части, гдѣ сообщаются свѣдѣнія о рожденіи, крещеніи и т. д. ставленника, дѣйствительно имѣются элементы допроса, но во второй ихъ части ничего нѣтъ такого, что могло-бы быть названо допросомъ. Въ этой второй части содержатся даваемые ставленниками обѣщанія исполнять такіа-то обязанности такъ-то. Слѣдовательно, это не допросъ. Это, если угодно, подписка, письменное обязательство, „обѣтовная клятва“, какъ называлось нѣчто подобное въ южно-русскихъ чинахъ поставленія священника, или „клятвенное обѣщаніе“, какъ называются аналогичныя этому обязательства, произносимыя и подписываемыя хиротонисуемымъ въ епископа. Да и самъ ставленническій допросъ, имѣя въ заголовкѣ это названіе, въ концѣ именуется себя иногда уже не допросомъ, а подпиской.

Въ виду того, что въ ставленническомъ допросѣ соединены элементы допроса и обязательства, логическое построеніе его бываетъ иногда довольно неудачно. Возьмемъ, для доказательства, ставленническій допросъ діакона. Построется онъ такъ: „Присящій рукоположенія NN... показалъ: лѣтъ *ему* отъ роду столько-то, родился *онъ* тогда-то и отъ такихъ-то родителей, крещень, миропомазанъ, учился тамъ-то, женился на такой-то, дѣлѣ.... не имѣеть...., въ томъ подписался. Сверхъ того я NN обязываюсь... въ томъ, что никогда не буду предаваться никакимъ порокамъ“—и т. д. Получается такой ходъ мыслей: „Я NN *сверхъ того* что родился, крестился, учился и женился, *еще обязываюсь* не предаваться порокамъ“...

Если, такимъ образомъ, ставленническій допросъ, по существу своему, не есть допросъ, если онъ по нынѣшнему времени является совершенно излишнимъ, если онъ нѣкоторыми своими

пунктами вызываетъ даже недоумѣніе, если, наконецъ, закономъ онъ не требуется, то, полагаемъ, самое лучшее совѣтъ отмѣнить его. Это сократило-бы нѣсколько и дѣлопроизводство въ консисторіяхъ, которыя обычно жалуются на массу работы. Такая отмѣна тѣмъ болѣе возможна, что ставленники приводятся предъ посвященіемъ къ особой присягѣ, которая для нихъ имѣетъ болѣе важное значеніе, чѣмъ допросъ, и въ которой имѣется все существенное и важнѣйшее, что содержится и въ допросахъ. Если-же отмѣна допроса по какимъ-либо соображеніямъ—дѣло невозможное, то слѣдовало-бы, по крайней мѣрѣ, выработать болѣе удовлетворительную форму его и согласовать между собою допросы священнической и діаконской.

А. Н.

Палестинскія чтенія въ Подольской епархіи въ 1905 г.

Какъ—извѣстно, три главныя цѣли преслѣдуются Палестинскимъ Обществомъ: а) привлечь новыхъ членовъ въ Общество, б) распространять въ народѣ правильныя свѣдѣнія о Святой Землѣ и цѣлихъ Общества и в) содѣйствовать къ увеличенію матеріальныхъ средствъ Общества (Высоч. утвержд. 8 мая 1882 г. Уст. Палестинскаго Общества § 97). Къ возможно большому широкому проведенію ихъ въ жизнь была направлена дѣятельность Подольскаго Отдѣла Общества и въ минувшемъ году.

Въ частности, прежде всего было обращено преимущественное вниманіе, какъ и въ прошлые годы, на такъ называемыя „палестинскія“ чтенія о Св. Землѣ. Пятилѣтній опытъ показалъ, что чтенія возбуждали интересъ мѣстнаго населенія; во множествѣ собираются православные, чтобы послушать сказанія о священныхъ мѣстахъ Палестины и библейскихъ событіяхъ и получить назиданіе для ума и сердца.

Кромѣ гор. Каменца, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, чтенія эти устраивались во всѣхъ уѣздныхъ городахъ и во многихъ мѣстечкахъ и селеніяхъ, отчасти болѣе населенныхъ, отчасти—въ тѣхъ, гдѣ требовалось особыми условіями и главнымъ обра-

зомъ въ цѣляхъ ослабленія католической и сектантской пропаганды. Въ общемъ были устроены чтенія въ минувшемъ году въ 35 пунктахъ. Велись они въ теченіе Великаго поста.

Для завѣдыванія и руководства чтеніями были образованы особыя комиссіи. Въ гор. Каменцѣ чтенія велись въ Александро-Невской церкви подъ руководствомъ священника В. Г. Чекана; въ остальныхъ мѣстахъ комиссіи составлялись изъ настоятелей церквей и другихъ почетныхъ лицъ, проживающихъ въ приходѣ, какъ то: исправниковъ, мировыхъ посредниковъ, смотрителей духовныхъ училищъ и др.

Какъ усматривается изъ отчетовъ завѣдующихъ, чтенія эти повсюду вызвали глубокой интересъ. Населеніе массами притекало въ храмы Божіи, аудиторіи, въ читальныя залы и другія мѣста, гдѣ оныя устроались. Слушателей иногда собиралось такое множество, что самыя обширныя залы не могли вмѣстить ихъ,— при этомъ первое мѣсто по числу посѣтителей въ процентномъ отношеніи, какъ и въ прошлые годы, принадлежитъ простому населенію.

Устроались чтенія о Святой Землѣ главнымъ образомъ въ воскресные дни, также по праздникамъ послѣ вечерняго богослуженія. Чтобы придать имъ больше разнообразія, отчасти также въ цѣляхъ привлеченія большаго числа слушателей, для поучительности и большаго назиданія ихъ, чтенія предварялись и сопровождались пѣніемъ молитвъ и церковныхъ божественныхъ пѣснопѣній, иногда при общемъ пѣніи. Такъ было, напр., въ Александро-Невской церкви гор. Каменца: слушателями, подъ руководствомъ настоятеля священника В. Г. Чекана, стройно на чтенія были исполняемы хорovýmъ пѣніемъ „Отче нашъ“, „Царю небесный“, „Богородице Дѣво, радуйся“, „Нынѣ отпускаеши“, „Трисвятое“, „Достойно есть“, „Спаси, Господи, люди Твоя“ и др. пѣснопѣнія церковныя. А гдѣ чтенія производились въ школьныхъ зданіяхъ или частныхъ домахъ, пѣли также національный гимнъ „Боже, Царя храни“, „Коль славенъ“ и проч.

Въ нѣкоторыхъ пунктахъ чтенія палестинскія предварялись торжественнымъ служеніемъ молебновъ, акаѳистовъ. Такъ было,

напр., въ Александро-Невской церкви гор. Каменца, когда чтенія здѣсь были открыты Предсѣдателемъ Отдѣла, Преосвященнымъ Епископомъ Пароеніемъ, 30 января 1905 года. Въ этотъ день самимъ Владыкою, въ сослуженіи градскаго духовенства, была совершена въ Александро-Невской церкви вечерня и молебень Спасителю съ чтеніемъ акаѳиста, по окончаніи котораго Преосвященный Пароеній предложилъ бесѣду о псалтири вообще и на 1-й псаломъ. Бесѣда была закончена общенароднымъ пѣніемъ молитвъ подъ управленіемъ настоятеля В. Чекана. Чтенія-бесѣды были предложены членами комиссіи въ слѣдующіе дни; 6, 12 и 20 февраля; 6, 13, 20 и 27 марта, 3 и 10 апрѣля; всѣхъ чтеній было 10. Чтенія велись „О лаврѣ преподобнаго Саввы Освященнаго“, „О паломничествѣ отъ Одессы до Іерусалима“ и „О послѣднихъ дняхъ земной жизни Спасителя“ и др. На первой бесѣдѣ слушателей было свыше 500 человекъ, на остальныхъ отъ 200 до 300 д. каждый разъ, за исключеніемъ послѣдняго чтенія, когда, по случаю ненастной погоды, собралось слушателей очень мало.

Съ такимъ-же успѣхомъ чтенія палестинскія велись и въ другихъ пунктахъ епархіи: въ уѣздномъ городѣ Балтѣ, въ м. Тывровѣ Винницкаго уѣзда, въ м. Немировѣ Брацлавскаго уѣзда и въ уѣздномъ гор. Ольгополѣ, изъ которыхъ въ первыхъ двухъ пунктахъ было устроено по 12-ти чтеній, а въ послѣднемъ—10 чтеній, при чемъ слушателей собиралось въ Балтѣ отъ 300 до 400 человекъ, въ Тывровѣ отъ 250 до 280 человекъ, въ Ольгополѣ отъ 250 до 220 человекъ, въ Немировѣ же, какъ доносить Отдѣлу завѣдующій чтеніями,—„всегда при большомъ наплывѣ слушателей“. Съ большимъ успѣхомъ были устроены чтенія, какъ и въ прошлые годы, въ гор. Проскуровѣ, м. Зятковцахъ Гайсинскаго у., Ярышевѣ Могилев. у., с. Куреневкѣ Ольгопольскаго у., м. Тепликѣ Гайсин. у., м. Мизяковѣ Винницкаго у. и отчасти также въ уѣз. гор. Брацлавѣ, Винницѣ, Ямполѣ, Литинѣ и с. Осолникѣ Литинскаго уѣзда.

Небезынтересны также сравнительныя статистическія данныя о количествѣ чтеній въ разныхъ пунктахъ епархіи, а равно

о числѣ посѣтителей, почерпаемая изъ отчетовъ завѣдующихъ чтеніями.

Первое мѣсто по числу чтеній, какъ и въ прошломъ году, принадлежитъ уѣзд. гор. Балтѣ, въ которомъ было устроено 12 чтеній; затѣмъ слѣдуетъ м. Тывровъ (12 чтеній), с. Куреневка, м. Немировъ (по 11), губ. гор. Каменецъ и уѣздный гор. Ольгополь (по 10), уѣздный гор. Брацлавъ и м. Ярышевъ (по 8 чтеній), уѣзд. гор. Ямполь, м.м. Зятковцы и Тепликъ и с. Осолинка (по 7 чтен.), уѣздные города Проскуровъ, Литинь, Летичевъ, м.м. Мизяковъ, Песчанка и с. Слободзея (по 6 чтеній). По 5 чтеній въ каждомъ пунктѣ было устроено въ м. Ярмолинцахъ, м. Тульчинѣ, с. Приворотьѣ, м. Браиловѣ, у. гор. Новой-Ушицѣ, Винницѣ и г. Жмеринкѣ; наконецъ, по 4 чтенія было устроено въ Шаргородскомъ мужск. монастырѣ, въ уѣзд. гор. Могилевѣ и м. Саврани Балтск. уѣзда.

По количеству слушателей первое мѣсто принадлежало губ. гор. Каменцу, м. Мизякову и Теплику, въ которыхъ слушателей было отъ 200 даже до 500 человекъ на каждомъ чтеніи; въ уѣзд. городахъ Летичевѣ и Балтѣ—отъ 300 до 450 человекъ; въ м. Саврани и городѣ Жмеринкѣ до 100 человекъ на каждомъ чтеніи. Нѣсколько меньше посѣщались чтенія въ остальныхъ пунктахъ.

Устраивались чтенія по преимуществу и главнымъ образомъ трудами мѣстнаго духовенства,—настоятелей приходовъ въ названныхъ пунктахъ. Одно чтеніе, какъ выше сказано, было ведено Преосвященнымъ Епископомъ Пареніемъ въ Александро-Невской церкви г. Каменца 30 января 1905 года. Принимали участіе также отчасти свѣтскія лица: уѣздные исправники, преподаватели духовной семинаріи, духовныхъ училищъ и учителя церковныхъ школъ.

Согласно существующимъ правиламъ, палестинскія чтенія велись исключительно по печатнымъ изданіямъ Палестинскаго Общества. Чтобы слушатели могли больше и лучше ознакомиться съ великими судьбами Св. Земли и чтобы самыя чтенія оставили въ нихъ большій слѣдъ, имъ раздавались бесплатно брошюрки, листки съ видами разныхъ мѣстностей Палестины, освященныхъ

въ дни земной жизни Христа Спасителя, каковыми заблаговременно были снабжаемы завѣдующіе чтеніями Отдѣломъ изъ запасовъ, присланныхъ отъ Совѣта Общества.

Нельзя не отмѣтить одной особенности, имѣвшей мѣсто на чтеніяхъ въ минувшемъ году въ уѣздномъ городѣ Новой Ушицѣ, м. Тепликѣ и нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ: послѣ, чтеній по просьбѣ слушателей, завѣдующими дѣлался краткій обзоръ военныхъ событій на Дальнемъ Востока.

Путемъ чтеній Отдѣломъ распространялись, такимъ образомъ, здравыя и правильныя свѣдѣнія о Св. Землѣ, т. е. осуществлялась вторая важнѣйшая изъ цѣлей Палестинскаго Общества, согласно Высочайше утвержд. 8 мая 1882 г. Уставу (§ 97). И въ самомъ дѣлѣ, въ минувшемъ году прибыло 12 новыхъ членовъ Отдѣла*) и замѣтно сталъ возрастать интересъ въ населеніи къ Св. Землѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ отчасти успѣхъ чтеній; а на ряду съ этимъ отчасти стала осуществляться и третья конечная цѣль, состоящая въ заботахъ объ увеличеніи средствъ Общества, ибо исправнѣе стали поступать членскіе взносы и вообще усилился притокъ пожертвованій въ пользу палестинскихъ поклонниковъ.

Въ Подоліи, какъ извѣстно, на палестинское дѣло собирается ежегодно значительная сумма такъ называемаго „вербнаго сбора“ въ недѣлю Ваий; напр., въ минувшемъ году всего поступило до 3.648 руб. 44 коп. Сборомъ этимъ вѣдаетъ духовная консисторія; но болѣе чѣмъ вѣрно, что на увеличеніе его имѣлъ вліяніе и мѣстный Отдѣлъ Палестинскаго Общества, которымъ между прочимъ были разосланы нѣкоторымъ настоятелямъ и церковнымъ старостамъ особыя пригласительныя письма отъ Общества и при нихъ объявленія съ листками и видами Св. Земли для бесплатной раздачи богомольцамъ и всѣмъ сочувствующимъ и интересующимся судьбами Св. Земли.

*) Всего членовъ въ Подольскомъ Отдѣлѣ съ вновь прибывшими состояло: 2 почетныхъ, 1 пожизненный дѣйствительный, 1 дѣйствительный (съ взносами по 25 р. въ годъ), 3 пожизненныхъ члена-сотрудника и 23 члена-сотрудника (съ взносами по 10 р. въ годъ).

Какъ отрадный фактъ, хотѣлось-бы отмѣтить еще, что палестинское дѣло начинаетъ прививаться въ мѣстномъ краѣ, въ Подолии; въ населеніи здѣсь уже сталъ пробуждаться живой интересъ къ Св. Землѣ, къ ея судьбамъ въ настоящемъ, минувшемъ и будущемъ. Въ этомъ Отдѣломъ усматривается единственный вѣрный путь, по которому велось это святое дѣло въ минувшіе пять лѣтъ и по которому, *не умолкая Сіона ради*, поведется оно и впредь.

И. Савичъ.

Библиографія.

Миссіонерское Обзорѣніе. *Журналъ внутренней миссіи.*
№ 1. Январь. Въ виду исполненія въ январѣ десятилѣтія изданія „Миссіонерскаго Обзорѣнія“, въ началѣ книжки напечатанъ краткій обзоръ развитія этого журнала за этотъ періодъ времени.

Привѣтствуя „Миссіон. Обзорѣніе“ съ десятилѣтіемъ изданія, „Православная Подолія“ отъ души желаетъ дальнѣйшаго развитія и процвѣтанія его на благо церкви и миссіи. вмѣстѣ съ тѣмъ, признавая этотъ журналъ самымъ подходящимъ для борьбы съ расколо-сектантствомъ, не можемъ не рекомендовать его во всѣ приходы, зараженные послѣднимъ.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ первомъ же номерѣ „Миссіонерск. Обзорѣнія“, обращаютъ на себя вниманіе статьи: проф. Н. Ивановскаго „Современная нужда въ усиленіи преподаванія въ духовныхъ семинаріяхъ исторіи и обличенія расколо-сектантства“ и А. Одоева: „Желательная постановка миссіонерской проповѣди“.

Указавъ на то, что расколо-сектантство сравнено съ другими признанными въ государствѣ инославными исповѣданіями, проф. Ивановскій говоритъ, что борьба съ нимъ теперь всецѣло возложена на людей, дѣйствующихъ духовнымъ только оружіемъ, оружіемъ знанія и проповѣди, а потому вопросъ о подготовкѣ способныхъ къ этому людей поставленъ ребромъ. И выходя изъ существенныхъ задачъ средней духовной школы, не должно ни на

минуту забывать, что въ этой школѣ готовятся пастыри церкви, долженствующіе удовлетворять духовнымъ потребностямъ народа. Посему, помимо общаго богословскаго образованія, должны быть и предметы обученія чисто практическіе, вызываемые жизнію и положеніемъ паствы. Къ числу таковыхъ и относятся научныя свѣдѣнія по расколо-сектантству. Эти свѣдѣнія и должна дать средняя школа и притомъ въ такой широтѣ, чтобы пастырь могъ стоять отнюдь не ниже паствы, направляя ее умѣлою рукою по пути спасенія. Это и имѣлъ въ виду Св. Синодъ, предписывая, при пересмотрѣ семинарскихъ программъ, руководствоваться и практическими требованіями. Всякій, кто живалъ въ деревнѣ и былъ близокъ къ ней, прекрасно можетъ видѣть и знать, какими вопросами тамъ интересуются и какія сомнѣнія высказываются. Рѣшенія этихъ вопросовъ, разъясненія сомнѣній нигдѣ, ни въ какой общей наукѣ не найдешь, кромѣ науки спеціальной. Поэтому уничтоженіе самостоятельной кафедрѣ по расколо-сектантству, какъ это проектируетъ Учебный Комитетъ при пересмотрѣ семинарскихъ программъ, и присоединеніе его къ церковной исторіи допустить нельзя: не сокращать нужно, а расширять.

Насколько это вѣрно, можно видѣть изъ другой статьи: „Желательная постановка миссіонерской проповѣди“ А. Одоева, въ которой отмѣчается, что, по подсчету результатовъ миссіи число обращаемыхъ изъ расколо-сектантства такъ незначительно сравнительно съ естественнымъ приростомъ его, что нѣтъ никакой надежды на совершенное одолѣніе его. Явное дѣло, что въ миссіи что-то не ладно. На расколо-сектантство смотрятъ, какъ на заблужденіе ума. Согласно съ этимъ взглядомъ, и миссіонерскія мѣры были съ такимъ-же характеромъ. Поэтому въ вопросахъ миссіи первымъ являлся вопросъ о „бесѣдахъ“; отсюда и бесѣды съ характеромъ публичныхъ диспутовъ; отсюда и малопродуктивность. На расколъ, какъ и на ересь, должно смотрѣть, какъ на заблужденіе воли. Уму „диктуетъ сердце“, а потому и надо прежде всего примирить не разномысліе, а сердечную рознь, врачевать волю и сердце. Иностранцы это отлично понимаютъ, почему ихъ миссіи, сильно осуществляющія этотъ принципъ, даютъ болѣе плодотвор-

ные результаты. У насъ этотъ принципъ хотя и сознается, но на практикѣ примѣняется очень слабо, а главное—не систематически, потому что нѣтъ подготовленности и опытности. Уврачеваніе воли и сердца требуетъ цѣлой системы воспитывающихъ средствъ и мѣропріятій. Поэтому борьба съ расколо-сектантствомъ прежде всего должна превратиться въ организованное служеніе среди заблудшихъ благотворительностью, школой, братолюбнымъ общеніемъ. Примѣненіе этого принципа должно измѣнить характеръ нашей миссіи,—этого требуетъ опытъ. Вотъ живой примѣръ. Насадителемъ раскола въ деревнѣ Т. былъ крест. Ш. Явившись въ деревню, какъ человѣкъ бывалый, онъ началъ рассказывать о своихъ путешествіяхъ по святымъ мѣстамъ, что такъ любить народъ. Рассказы были занимательны, умилительны, а главное „о божественномъ“. Ш. скоро достигъ своего: онъ овладѣлъ вниманіемъ слушателей и приобрѣлъ авторитетъ; ему вѣрили. Затѣмъ Ш. перешелъ къ чтенію книгъ божественнаго содержанія. Онъ читалъ рассказы „о святыхъ мѣстахъ и угодникахъ Божіихъ“, т. е. опять книжки, наиболѣе пріятныя народу. Чтеніе сопровождали сокрушенные вздохи, своеобразные комментаріи, приспособленные къ цѣлямъ пропаганды. Набожный человѣкъ, занимательный чтець и рассказчикъ, Ш. сталъ дорогимъ гостемъ, свѣдущимъ человѣкомъ, къ которому можно обращаться за разъясненіемъ недоумѣнныхъ вопросовъ. Послѣ этого Ш. приступилъ къ главной задачѣ своей, и то постепенно. Сокрушенно началъ онъ рѣчи о тяжкихъ временахъ и незамѣтно свелъ, что-де „настали времена антихриста“. Эти вопросы всегда пріобрѣтаютъ интересъ, когда поставляются въ связь съ наболѣвшими ранами сердца народнаго. Ш. свое дѣло сдѣлалъ: прочно насадилъ старообрядчество. Сдѣлалъ ли это хоть одинъ нашъ миссіонеръ?

Итакъ, нужно измѣнить тактику въ дѣлѣ миссіи. Посему, орудіемъ борьбы является сложная система дѣлъ и отношеній, захватывающая личность заблуждающагося всесторонне. Наипаче-же всего здѣсь, конечно, полезны дѣла любви христіанской, дѣла милосердія,—и съ этимъ нельзя не согласиться.

Н. К.

Труды Кіевской духовной академіи. 1906 г. м. февраль.

Послѣ перевода творенія блаженнаго Августина: „О согласіи евангелистовъ“ помѣщена статья А. Рождественскаго: „Исторія символическихъ и богослужебныхъ книгъ англиканской церкви въ связи съ общимъ ходомъ англійской реформаціи“. Статья эта представляетъ интересъ по отношенію къ вопросу объ единеніи англиканской церкви съ православной; попытки къ достиженію такого единенія существуютъ издавна и не прекращаются и въ послѣднее время, встрѣчая значительное сочувствіе въ свѣтскихъ и духовныхъ сферахъ обѣихъ церквей.—Затѣмъ послѣ историко-литургической статьи проф. А. Дмитревскаго: „Служба въ честь византійскаго императора Никифора Фоки“ помѣщена статья проф. В. З. Завитневича: „Манифестъ 17 октября въ историческомъ освѣщеніи“. Послѣдняя статья представляетъ большой интересъ по отношенію къ современнымъ событіямъ внутренней жизни Россіи. Профессоръ Завитневичъ даетъ оцѣнку этого манифеста съ исторической точки зрѣнія просвѣщеннаго русскаго человека и находитъ въ немъ характерныя черты, связывающія его съ древне-русскимъ строемъ государственной жизни. Въ началѣ статьи характеризуется современное настроеніе русскаго общества.

Признавая такое общественное настроеніе крайне возбужденнымъ и болѣзненнымъ, авторъ говоритъ, что эта болѣзнь не къ смерти, а къ жизни: это—болѣзнь обновленія. Болѣзнь опознана, діагнозъ поставленъ правильно, и вполнѣ дознано, что болѣзнь государственнаго организма заключается въ проникновеніи его началомъ бюрократизма. „Зло это имѣетъ свои глубокіе корни: сущность его состоитъ въ расхищеніи правъ верховной власти представителями чиновной іерархіи, которые, не отдѣляя своей воли отъ воли законодателя, свой личный произволъ стараются возводить въ законъ и, ревниво оберегая его, подъ предлогомъ якобы спасенія основъ государственнаго строя, разрушаютъ начало законности въ самомъ его основаніи, убиваютъ всякую частную инициативу и вызываютъ даже въ консервативной части общества недовольство и раздраженіе“... Здѣсь же причина и тѣхъ

колоссальныхъ хищеній, благодаря которымъ огромный государственный бюджетъ, расплываясь въ значительной своей части по карманамъ, расходуется малопродуктивно, не оставляя хоть сколько-нибудь замѣтныхъ слѣдовъ на улучшеніи народнаго благосостоянія. То, что переживаетъ Россія въ наши дни, есть неотразимое доказательство такого именно банкротства государственной системы, основанной на началѣ бюрократизма.

Поэтому всѣ желаютъ обновленія и улучшенія, всѣ стремятся къ преобразованіямъ и реформамъ, но только стремятся къ достиженію этой цѣли различными средствами и путями. Среди общества, раздѣленнаго на партіи, усматривается два главныхъ политическихъ теченія: однихъ можно назвать западниками-конституціоналистами, а другихъ—національ-прогрессистами. Первые желаютъ, чтобы политическая жизнь въ Россіи устроилась по образцу западно-европейскихъ государствъ и требуютъ конституціи, республики и даже соціальной анархіи, выдвигая племенную автономію или дробленіе Россіи по народностямъ. Вторые выходятъ изъ положенія, что каждое государство имѣетъ свои характерныя черты и историческія особенности, представляетъ собою особый культурно-историческій типъ и въ своемъ постепенномъ развитіи должно опираться на твердые, вѣками выработанные устои.

Обозрѣвая затѣмъ, на основаніи исторіи, устои русской народно-государственной жизни, проф. З. указываетъ, что во всѣ эпохи исторической жизни русскій народъ болѣе или менѣе участвовалъ въ рѣшеніи дѣлъ, касающихся его общественнаго и государственнаго строя. Не только въ періодъ удѣльно-вѣчевой, но даже въ періодъ возвышенія Москвы и собранія русскаго государства, подлѣ верховной великокняжеской, а затѣмъ царской власти мы видимъ боярскую думу и земскій соборъ, и въ народѣ утвердилось всеобщее убѣжденіе, что всякій разъ, когда жизнь выдвигала „великое дѣло для всего христіанства“, государю было „надобно совѣтоваться объ немъ со всею землей“. Итакъ, земскій соборъ и боярская дума при самодержавномъ царѣ, юридически неограниченномъ, но находящемся подъ непосред-

ственнымъ воздѣйствіемъ народнаго разума и народнои совѣсти,— вотъ основа государственнаго строя, который приготовила для Россіи исторія къ концу XVII вѣка.

Такъ продолжалось до Петра В., который, усмотрѣвъ превосходство западно-европейской культуры, при существовавшей тамъ абсолютной монархической власти, „поставилъ крестъ и надъ думой и надъ соборомъ и выдвинулъ принципъ царившаго тогда въ Европѣ *абсолютизма*“. Превратившись изъ царя въ императора, онъ заявилъ, что императоръ—это есть „самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отчетъ дать не долженъ, но силу и власть имѣеть свои государство и земли, яко христіанскій государь, *по своей воли и благомыслию управлять*“. Итакъ, самодержавіе сильныхъ народнымъ довѣріемъ московскихъ царей теперь смѣнилось абсолютизмомъ окружающихъ царя лицъ придворныхъ, а брешь, образовавшаяся со времени Петра между царемъ и народомъ, наполнилась служилымъ сословіемъ, или бюрократіей, которая сдѣлалась единственнымъ источникомъ, изъ котораго Государь можетъ получать свѣдѣнія о жизни народа; эти очи и уши Государевы, въ свою очередь, свою мудрость почерпаютъ не непосредственно изъ жизни, а изъ той бумажной стряпни, груды которой каждый день изготовляются въ безчисленныхъ канцеляріяхъ, посредственно и непосредственно имъ подчиненныхъ. Особенность свѣдѣній, почерпаемыхъ изъ этого источника, заключается въ томъ, что они часто являются неимѣющими ничего общаго съ тѣми дѣйствительными фактами, къ которымъ они относятся. При послѣдовательномъ проведеніи системы бюрократизма, Государь лишенъ почти всякой возможности разоблачить всю эту бумажную махинацію.

Противъ этого вопіющаго недостатка въ строѣ нашей государственной жизни и направлены слова манифеста 17-го октября, устанавливающаго, какъ неизблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Государя властей.

Такимъ образомъ манифестъ имѣеть своею цѣлю не ограниченіе царской власти, а напротивъ—освобожденіе ея отъ замаскированнаго деспотизма бюрократіи, которая только для вида прикрывается авторитетомъ царской власти, въ дѣйствительности-же совершенно самовластно распоряжается дѣлами. „Прежде между царемъ и народомъ стояла непроницаемая стѣна (бюрократія), чрезъ которую свѣтъ, освѣщающій истинныя нужды народа, не могъ проникать въ царскія палаты. Манифестами 6 августа и 17 октября въ этой стѣнѣ впервые прорублено окно, а въ лицѣ Государственной Думы создается органъ, чрезъ который Государь дѣйствительно входитъ въ непосредственное общеніе съ народомъ и въ которомъ выборнымъ отъ земли обезпечена возможность дѣйствительнаго участія какъ въ законодательствѣ, такъ и въ надзорѣ за законностью поставленныхъ отъ Государя властей“. Все содержаніе статьи резюмируется въ концѣ ея слѣдующими положеніями: 1) манифестомъ 17 октября отмѣняется абсолютизмъ императорской власти и призываются къ жизни временно забытаго начала истинно-русскаго самодержавія. 2) Различіе между этими двумя формами верховной власти заключается въ томъ, что самодержавіе требуетъ непосредственнаго единенія царя съ народомъ, тогда какъ императорскій абсолютизмъ помѣщаетъ между царемъ и народомъ цѣлый институтъ чиновной іерархіи, которая неизбѣжно, въ силу своего положенія, узурпируетъ права верховной власти и этимъ подрываетъ начало законности въ самомъ его основаніи. 3) Государственная Дума (по сравненію ея съ старорусскими учрежденіями—боярской думой и земскимъ соборомъ) правильнѣе всего можетъ быть названа учрежденіемъ вспомогательнымъ при самодержавномъ Государѣ, чрезъ которое послѣдній осуществляетъ свою законодательную функцію и которому принадлежитъ право контроля надъ представителями власти исполнительной. 4) Права Государя, какъ представителя верховной власти въ государствѣ, въ отношеніи къ Государственной Думѣ никакими внѣшними формально-юридическими обязательствами не ограничиваются, а опредѣляются довѣріемъ къ нему, какъ лицу высокостоящему внѣ всякихъ партій и частныхъ интересовъ и не имѣющему побужденій

свою пользу, свою честь и славу отдѣлять отъ пользы, чести и славы своего народа. 5) Государь является полновластнымъ оберегателемъ своего государства отъ внѣшнихъ враговъ, отъ внѣшнихъ опасностей и хранителемъ его внутренней цѣлости и недѣлимости, для чего въ его распоряженіи находится армія на правахъ неограниченнаго командованія ею.

Послѣ статьи проф. Завитневича помѣщена „Записка о русскихъ помѣстныхъ соборахъ и проэктъ православной академіи въ Вильнѣ Макарія Булгакова, бывшаго митрополита московскаго“. Записка о соборахъ составлена по предложенію б. оберъ-прокурора Свят. Синода гр. Д. А. Толстого, а проэктъ православной духовной академіи въ Вильнѣ, задуманной для поддержанія православія еще митрополитомъ Іосифомъ Сѣмашко, былъ близокъ къ осуществленію при генераль-губернаторѣ гр. Муравьевѣ. При преемникахъ гр. Муравьева, особенно же при генераль-губернаторѣ Потаповѣ, проэктъ этотъ былъ вовсе оставленъ.

Затѣмъ помѣщены „Письма съ востока іеромонаха Антонія“, знакомящія съ современнымъ состояніемъ православно-греческой церкви. Послѣ сего помѣщена статья А. Глаголева „О седьмомъ сіонитскомъ конгрессѣ въ еврействѣ“. Конгрессъ этотъ состоялся въ Базелѣ въ м. іюль 1905 г. и на немъ отвергнутъ проэктъ переселенія евреевъ въ восточную Африку, противъ котораго особенно возражали русскіе евреи, и постановлено стремиться преимущественно къ еврейской колонизаціи въ Палестинѣ.

Въ статьѣ: „Къ вопросу о постановкѣ религіознаго образованія въ первыхъ четырехъ образовательныхъ классахъ духовныхъ семинарій“ авторъ А. Бѣлковскій полагаетъ, что имѣющая быть реформированной семинарія будетъ давать законченное образованіе, такъ что окончившіе съ успѣхомъ четыре класса будутъ имѣть право на поступленіе во всѣ учебныя заведенія, и совѣтуетъ обратить вниманіе въ первыхъ четырехъ классахъ на изученіе свящ. писанія Новаго, а не Ветхаго Завѣта, а также на изученіе основъ религіи вообще и христіанской въ частности.

Въ концѣ книги помѣщена статья П. П. Кудрявцева „По вопросамъ церковно-общественной жизни“, служащая продолженіемъ

статей, напечатанныхъ въ 1-й книжкѣ „Трудовъ“ подъ заглавіемъ: „Современная церковно-общественная жизнь“.

Н. Я.

„Западно-русская Начальная Школа“. 1906 годъ, мѣсяць январь, кн. 1.

Въ этомъ новомъ, только-что народившемся печатномъ органѣ, въ статьѣ „Задачи журнала Западно-русская Начальная Школа“, говорится, что журналъ будетъ служить дѣлу народнаго просвѣщенія всѣми доступными для него и полезными для дѣла средствами. Въ частности, журналъ обѣщаетъ освѣщать главнымъ образомъ слѣдующія стороны школьной жизни: 1) значеніе воспитанія въ начальной школѣ; 2) воспитаніе въ русской начальной школѣ должно основываться на началахъ вѣры Христовой, подъ покровомъ православной церкви и на завѣтахъ родной старины, на началахъ исторически сложившейся русской народности; 3) въ дѣлѣ воспитанія важно единеніе семьи и школы, а въ дѣлѣ обученія—единеніе школы и жизни. Особенное вниманіе будетъ обращено журналомъ на непосредственныхъ тружениковъ въ начальной школѣ—завѣдующихъ школами и учителей. Ихъ труды, жизнь и положеніе найдутъ самое широкое освѣщеніе на страницахъ журнала. Въ своей программѣ журналъ намѣчаетъ оказать посильную помощь завѣдующимъ и учащимъ школъ не только въ оцѣнкѣ и практическомъ примѣненіи, при данныхъ условіяхъ школьной жизни, новѣйшихъ методовъ обученія и пріемы воспитанія, но и разобраться въ господствующихъ теченіяхъ въ современной литературѣ, поскольку эти послѣднія могутъ и имѣютъ отношеніе къ дѣлу народнаго просвѣщенія. Наконецъ, журналомъ будетъ особо освѣщаться успѣхъ просвѣщенія и грамотности среди женской половины населенія, памятуя, что дѣло народнаго просвѣщенія можетъ упрочиться и успѣшно развиваться только при одномъ условіи, когда матери семействъ будутъ грамотны и образованны.

Изъ остальныхъ статей первой книжки журнала съ интересомъ могутъ быть прочитаны: а) статья П. Петрушевскаго „Церк.-школьное образованіе преимущественно въ западно-русскомъ

краѣ“ и б) статьи, посвященныя памяти русскаго педагога К. Д. Ушинскаго, по случаю исполнившагося въ м. декабрѣ 1905 года тридцатипятилѣтія со дня смерти его.

„Народное Образованіе“. 1906 г. м. февраль.

Въ февральской книжкѣ журнала „Народное Образованіе“, несомнѣнно, съ живымъ и глубокимъ интересомъ прочтуть всѣ завѣдующіе и учащіе церковныхъ школъ статью А. Смирнова— „О преподаваніи ц.-славянскаго языка“. До очевидности ясно изложивъ всѣ основанія необходимости и важности изученія церк.-славянскаго языка въ школѣ, авторъ даетъ затѣмъ практическія указанія, какъ сдѣлать учебныя занятія въ школѣ по ц.-славянскому языку нескучными, живыми и вполне достигающими своей цѣли—благотворнаго воспитательнаго воздѣйствія на учащихся. Въ видахъ этого, авторомъ рекомендуется распредѣлять учебный матеріалъ по тремъ соответствующимъ категоріямъ: на лирику, повѣствованіе и наставленіе и каждый изъ этихъ отдѣловъ изучать особымъ образомъ. Церковныя пѣснопѣнія, какъ лирическія произведенія, обязательно должны быть изучаемы только въ связи съ усвоеніемъ ихъ мелодіи, при самомъ краткомъ и общемъ объясненіи ихъ смысла и содержанія. Повѣствовательный матеріалъ (чтеніе избранныхъ мѣстъ изъ книгъ св. писанія и житій святыхъ) долженъ разрабатываться обстоятельнѣе: здѣсь мѣсто для упражненія учащихся въ переводѣ славянскаго текста на русскій, въ пересказѣ прочитаннаго своими словами для сообщенія учащимся различныхъ (грамматическихъ и синтаксическихъ) свѣдѣній объ особенностяхъ славянскаго языка отъ русскаго. Назидательный матеріалъ (заповѣди, притчи и т. п.) на урокахъ ц.-славянскаго языка долженъ сопровождаться лишь краткимъ, но сильнымъ выводомъ, чему научаетъ слово Божіе. Всякое другое распространительное толкованіе наноситъ лишь ущербъ дѣлу, ослабляя впечатлѣніе отъ прочитаннаго изреченія или мѣста Св. Писанія.

Нельзя не согласиться съ авторомъ, что при такомъ строгомъ разграниченіи учебнаго матеріала по ц.-славянскому языку на

урокахъ въ школахъ, дѣйствительно можно ожидать, что учебныя занятія были-бы не сухи для учащихъ, а полны интереса и смысла.

„Церковно-приходская Школа“. 1906 г. м.м. февраль и мартъ, кн. 7 и 8.

Въ февральской книжкѣ журнала „Ц.-приходская Школа“ заслуживаетъ быть отмѣченной статья свящ. В. П. „Школьные перемѣны между уроками“. Въ этой статьѣ авторъ съ замѣчательною ясностью и убѣдительною доказываетъ чрезвычайно важное значеніе устраиваемыхъ въ школахъ перерывовъ между учебными занятіями, или такъ называемыхъ школьных „перемѣн“, а равно, какъ слѣдуетъ относиться къ нимъ учителю, чтобы „перемѣны“ эти дѣйствительно приносили пользу и учителю, и учащимся, и всему школьному дѣлу. Кромѣ прямого гигиеническаго значенія, „перемѣны“ между уроками, по мнѣнію автора, имѣютъ и глубокое воспитательное значеніе. „Если на урокъ дѣти соединяются въ одно внѣшнимъ порядкомъ, то на перемѣнахъ они сближаются другъ съ другомъ совершенно свободно—въ бесѣдахъ, въ играхъ, въ дѣтскихъ забавахъ; здѣсь зарождается и крѣпнеть дѣтская дружба“.

Учитель, стѣсняющій свободу дѣтей во время перемѣнъ, переносящій строгую класную дисциплину въ корридоръ, на дворъ, съ окрикомъ: „не бѣгай“, „не кричи“, лишаетъ перемѣны того воспитательнаго и отчасти гигиеническаго значенія, которое свойственно имъ по самому существу, отнимаетъ у перемѣнъ то, для чего онѣ собственно и устраиваются. Учитель, предоставляющій дѣтей во время перемѣнъ вполнѣ самимъ себѣ, оставляющій ихъ безъ всякаго своего надзора и наблюденія, обращаетъ перемѣны изъ воспитывающаго средства нерѣдко въ развращающее и деморализующее. Дурныя дѣти своими грубыми шалостями и привычками развращаютъ добрыхъ и благовоспитанныхъ въ семейномъ кругу дѣтей. Выводъ ясенъ самъ собою: перемѣны между уроками должны служить въ рукахъ учителя могучимъ воспитательнымъ средствомъ. Они не должны быть стѣсняемы и ограничиваемы

какою-либо дисциплиною: во время перемѣнъ дѣти должны быть свободны, но не безъ бдительнаго надзора со стороны учителя. На перемѣнѣ учитель долженъ быть въ дѣтской семьѣ старшимъ братомъ, отцемъ. Дѣти должны забыть, что передъ ними властное лицо, а лишь хорошій, добрый товарищъ, не смотря на разницу лѣтъ, весьма желанный для нихъ, такъ какъ онъ больше видѣлъ и знаетъ. Учитель долженъ быть такимъ-же активнымъ участникомъ школьной жизни на перемѣнѣ, какъ и каждый изъ дѣтей: онъ и бесѣдуетъ съ дѣтьми, и принимаетъ участіе въ играхъ и т. д. Уже одно присутствіе учителя среди дѣтей на перемѣнѣ парализуетъ всякую возможность дурнаго поведенія испорченныхъ дѣтей, а слѣдовательно—и гибельнаго ихъ вліянія на остальныхъ своихъ товарищей. Не говоримъ уже о томъ, что всякій прорвавшійся наружу дурной навѣкъ и поступокъ сейчасъ-же находитъ себѣ со стороны учителя должный приговоръ и осужденіе.

Все сказанное авторомъ—непреложная истина. Учитель, вознамѣрившійся поступить по слову священника В. П., никогда не раскается въ своемъ рѣшеніи. Одно только: онъ самъ лишится перемѣнъ, какъ отдыха, и во время перемѣнъ ему будетъ столько же умственной работы, сколько и на урокахъ въ классѣ, если еще не больше.

— Въ мартовской книжкѣ журнала отмѣчаемъ статью К. Ельническаго „Внѣшнее благоустройство школы“. Завѣдующіе и учащіе церковныхъ школъ найдутъ въ этой статьѣ много полезныхъ свѣдѣній, которыя могутъ быть использованы въ каждой школѣ, при желаніи привести школу въ должный порядокъ и благоустройство по внѣшней обстановкѣ. Авторомъ указывается не только, какъ должно быть устроено зданіе, чтобы отвѣчать своему назначенію, но и какъ оно должно быть обставлено, содержаться, украшаться и какой порядокъ долженъ быть установленъ въ школѣ, чтобы въ школѣ было чисто, опрятно, гигиенично и вполне приурочено къ веденію учебныхъ занятій.

„Божія Нива“ м. мартъ, № 51.

Въ мартовскомъ выпускѣ (№ 51) журнала „Божія Нива“ затронуть интересный для всѣхъ тружениковъ на нивѣ народнаго

просвѣщенія вопросъ: за кѣмъ идти школьному дѣятелю въ настоящее время, при разыгрывающейся ожесточенной борьбѣ новыхъ идей со старымъ укладомъ нашей русской, общественно-политической жизни? Дѣйствительно, вопросъ этотъ животрепещущій, жгучій, настоятельно требующій для себя разрѣшенія не только принципіального, теоретическаго, но и практическаго, жизненнаго. Съ одной стороны, нельзя школьнымъ дѣятелямъ оставаться глухими къ современнымъ явленіямъ общественной жизни, а съ другой— нельзя и дѣлать школу орудіемъ политической борьбы.

По мнѣнію свящ. С. Козубовскаго, автора цитируемой нами статьи „За кѣмъ намъ идти?“, вопросъ этотъ вполне ясно и опредѣленно разрѣшенъ для насъ педагогической практикой великаго русскаго народнаго учителя С. А. Рачинскаго. Кто искренно, нелицемѣрно и глубоко любитъ народъ, какъ любилъ его покойный С. А. Рачинскій, тотъ не можетъ иначе повести свою педагогическую дѣятельность, какъ велъ ее С. А. Рачинскій. Рѣшившись просвѣщать народъ, С. А. Рачинскій, быв. профессоръ университета, не рѣшился коверкать народную жизнь и народную душу по своимъ личнымъ вкусамъ и убѣжденіямъ. Руководящимъ началомъ своей педагогической дѣятельности онъ поставилъ приуроченіе къ совѣсти народной и къ жизни народной, какъ она уже сложилась подъ вліяніемъ историческихъ условій. Не пропаганда новыхъ идей въ народѣ, не навязываніе ему новаго, чуждаго міровоззрѣнія, а уясненіе его собственнаго внутренняго міра и взгляда на вещи, основаннаго на глубокомъ христіанскомъ, религіозномъ чувствѣ, лишь омраченнаго глубокимъ невѣжествомъ и грубостію,—вотъ что должно служить задачею всѣхъ искреннихъ дѣятелей народнаго просвѣщенія. Не политическая и общественная свобода народа, а его духовно-нравственная свобода, свобода отъ дерзости и невѣжества—вотъ что должно составлять чаяніе всякаго истинно-народнаго учителя, вотъ на что единственно должны быть направлены его трудъ и стараніе. Когда нашъ народъ станетъ человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, вполне просвѣщеннымъ христіаниномъ, свободно осуществляющимъ правду Божию въ своей жизни, какъ этого онъ самъ безмѣрно желаетъ, тогда

сами собою приложатся и всё остальныя ви́шнія блага на землѣ: и свобода гражданская, и матеріальная обезпеченность, и взаимная любовь, и уваженіе другъ къ другу. На этомъ истинномъ пути въ своей народно-учительской дѣятельности стоялъ С. А. Рачинскій; за нимъ и только за нимъ должно слѣдовать и намъ, если мы искренно желаемъ блага нашему народу.

Е. Н.

„Богословскій Вѣстникъ“, январь—мартъ 1906 г.

Въ первой книгѣ (январь) профессоръ В. А. Соколовъ рѣшаетъ вопросъ: можно-ли и должно-ли молиться въ церкви за усопшихъ инославныхъ? Рѣшается этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. Приводя значительное число цитатъ изъ свящ. писанія и твореній св. отецъ, авторъ доказываетъ ими, что наша свѣтая вѣра... учитъ насъ: „люби своего ближняго и молись за него какъ за живого, такъ и за умершаго“. А такъ какъ, по смыслу притчи Спасителя о милосердномъ самарянинѣ, ближній нашъ—всякій человѣкъ, то отсюда слѣдуетъ, что мы должны оказывать любовь всякому человѣку, къ какому бы вѣроисповѣданію онъ ни принадлежалъ, и молиться за усопшаго, хотя бы при жизни онъ и не былъ членомъ православной церкви. „Однако современная практика нашей церкви, замѣчаетъ авторъ, дозволяетъ общественную молитву только за тѣхъ усопшихъ, которые при жизни принадлежали къ числу ея членовъ, находились въ общеніи, а за римскаго-католика, лютеранина и т. п. въ православной церкви молиться нельзя“. Такой запретъ представляется автору „какимъ-то непонятнымъ противорѣчіемъ духу и основнымъ требованіямъ христіанства“ и побуждаетъ его разслѣдовать, „откуда взялась въ нашей церкви эта суровость, когда, почему и какъ церковь постановила такой строгій законъ и гдѣ тѣ основанія, на которыхъ утверждается современная практика нашей церкви?“ Разслѣдованіе выяснило, что наша современная практика основывается на опредѣленіи Св. Синода отъ 10—15 марта 1847 г., которое, въ свою очередь, основывается на своеобразномъ толкованіи митр. Филаретомъ (московскимъ) 10. апост. прав.,

2 пр. антиох. соб., 6 и 33 прав. собора лаодикійскаго. По мнѣнію профес. Соколова, ни одно изъ этихъ правилъ прямымъ своимъ смысломъ не предписываетъ того, что желаетъ видѣть въ нихъ митр. Филаретъ. Эти правила запрещаютъ лишь „молитвенное общеніе православнымъ съ находящимися въ живыхъ еретиками“... Однако, наша церковь и этого требованія не соблюдаетъ, что доказывается авторомъ многими примѣрами, изъ которыхъ можно указать на молитвенное общеніе и молитву церковную, имѣющія мѣсто при такъ называемыхъ смѣшанныхъ бракахъ.

Допуская уклоненія отъ правилъ, запрещающихъ молитвенное общеніе съ инославными христіанами, наша церковь руководствуется тѣмъ воззрѣніемъ, раздѣляемымъ и всею вселенскою церковью, что каноническія и дисциплинарныя правила не имѣютъ характера безусловной обязательности и неизмѣняемости, какъ опредѣленія догматическія, въ виду чего каждая помѣстная церковь всегда имѣла и имѣетъ право допускать, при наличности извѣстныхъ потребностей и условій жизни, уклоненія отъ древнихъ церковныхъ правилъ. Уклоненія эти только не должны противорѣчить духу и основнымъ началамъ вселенскаго церковнаго законодательства. Последнее же, запрещая молитвенное общеніе съ еретиками, имѣли цѣлью защитить и предохранить правовѣрующихъ отъ еретической заразы. Слѣдовательно, въ тѣхъ случаяхъ, когда опасность такой заразы не предвидится, молитвенное общеніе можетъ быть допускаемо, что и дѣлаетъ наша церковь.

Если же правила, запрещающія имѣть молитвенное общеніе съ людьми, находящимися внѣ православной церкви, не имѣютъ безусловно обязательнаго значенія, то, по мнѣнію автора, неосновательно дѣлать изъ нихъ выводъ въ примѣненіи къ молитвѣ за такихъ людей. Неосновательность эта доказывается словами ап. Павла, заповѣдующаго христіанамъ молиться *за всѣхъ людей* (I Тим. 11, 1--4), свидѣтельствами отцевъ церкви и практикой древней вселенской церкви, сохранившейся въ литургіяхъ ап. Марка, Іакова и др. Даже и современная практика допускаетъ такую молитву. Напр., въ православныхъ храмахъ королевства румынскаго, болгарскаго, греческаго возносятся молитвы за короля Карла,

Георга, князя Фердинанда, хотя эти государи не принадлежать къ православной церкви. Но если церковь, одушевленная истинно-христіанскою любовью къ ближнему, дозволяетъ молиться *за всѣхъ живущихъ* людей, то нѣтъ оснований утверждать, что такая молитва не должна быть распространяема и на инославныхъ *умершихъ*. Такое утверженіе противорѣчило бы ученію отцевъ церкви о значеніи молитвы за усопшихъ и молитвамъ литургійнымъ, въ которыхъ возносится прошеніе о вѣчномъ упокоеніи всѣхъ усопшихъ въ вѣрѣ Христовой, скончавшихся въ надеждѣ воскресенія къ жизни вѣчной. Затѣмъ, авторъ разсматриваетъ тѣ возраженія, какія обычно приводятся въ защиту положенія о недозволительности молитвы за инославныхъ умершихъ, и показываетъ ихъ несостоятельность. Наконецъ, онъ останавливается и на современной практикѣ, запрещающей молитву за усопшихъ иновѣрцевъ, но предписывающей священнику совершать погребеніе ихъ (въ случаѣ отсутствія ксендза или пастора) при пѣніи „Святый Боже“. Въ этомъ предписаніи авторъ усматриваетъ глубокое внутреннее противорѣчіе, такъ какъ оно исходитъ изъ основнаго положенія, что церковная молитва за инославныхъ усопшихъ не можетъ быть допущена, и вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ пѣть „Святый Боже“, совершать кажденіе и предшествовать въ свещ. облаченіяхъ предъ гробомъ усопшаго инославнаго христіанина; иначе говоря, запрещая церковную молитву за усопшихъ инославныхъ, эта практика вмѣстѣ съ тѣмъ ее дозволяетъ. Въ заключеніе авторъ приводитъ примѣры совершенія за усопшихъ инославныхъ христіанъ панихидъ православнымъ духовенствомъ.

Изъ всего этого авторъ дѣлаетъ такой выводъ, что наша церковь могла бы, не противорѣча вселенскому преданію, дозволить церковную молитву за усопшихъ инославныхъ христіанъ, и выражаетъ пожеланіе, чтобы предполагаемый всероссійскій соборъ удѣлилъ этому вопросу нѣкоторую долю своего вниманія.

Профес. Зазерскій помѣстилъ на страницахъ январьской книжки „Проектъ организациі церковнаго устройства на началахъ патріарше-соборной формы“. Во главѣ церковнаго управленія, по этому проекту, долженъ стоять помѣстный соборъ русской церк-

ви, подъ предсѣдательствомъ патріарха русской церкви; членами собора должны быть все епископы (лично и чрезъ представителей), а также определенное количество клира, монашества и мірянъ, при чемъ рѣшающимъ голосомъ обладаютъ только епископы. Постоянно дѣйствующимъ высшимъ церковнымъ учрежденіемъ административно-исполнительнаго и судебного характера долженъ быть патріаршій синодъ, состоящій изъ лицъ всехъ степеней іерархіи, монашества и мірянъ, подъ предсѣдательствомъ патріарха. Оберъ-прокуроръ и его товарищъ упраздняются.

Вся русская церковь раздѣляется на округа съ представителемъ каждаго митрополитомъ. Во главѣ окружно-митрополитскаго управленія стоитъ окружной соборъ, въ составъ котораго входятъ все архіепископы области, нѣкоторые епископы, пресвитеры, игумены и міряне, по одному отъ уѣзда. При митрополитѣ долженъ быть постоянный синодъ и митрополитскій судъ. Епархіальное управленіе вѣдаютъ архіепископъ и уѣздные епископы вмѣстѣ съ епархіальнымъ собраніемъ. Въ каждой епархіи долженъ быть епархіальный совѣтъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, который вѣдаетъ ставленническія дѣла, церковныя организаціи и епархіальное казначейство. Епархіальный судъ—особое учрежденіе. Въ составъ его входятъ: епископъ губернскаго города, 3 протоіерея и архимандрита и 3 мірскихъ лица. Въ дополненіе къ нимъ избираются каждый разъ подсудимымъ и обвинителемъ судьи изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ по равному числу. Судопроизводство—устное, состязательное, публичное. Въ каждомъ уѣздѣ долженъ быть епископъ и при немъ уѣздное собраніе и епископскій совѣтъ. Приходъ долженъ имѣть права юридическаго лица. Дѣлами прихода вѣдаетъ приходское собраніе.

Редакторъ протоіерей **Е. Сѣдинскій**.

Завѣдующій издательствомъ Комитетъ:

прот. **Е. Сѣдинскій**, свящ. **Н. Курчинскій** и **С. Киржацкій**.

Оффиціальный отдѣль.

Краткій отчетъ

Взаимно-вспомогательной кассы духовенства Подольской епархіи

за 1905 годъ.

Наименованіе оборотовъ за 1905 годъ.	Оставалось на 1-е января 1905 г.			
	Управленію (средствъ).		За Управленіемъ (погашеній).	
	РУБ.	К.	РУБ.	К.
Наемъ помѣщенія	—	—	—	—
Жалованье служащимъ	—	—	—	—
Разные расходы	—	—	—	—
Канцелярскіе расходы	—	—	—	—
Почтовые марки	—	—	—	—
Пересылка	—	—	—	—
Итого	958442	94	14590	88
	943852 р. 06 к.			

Предсѣдатель Управленія
Товарищъ Предсѣдателя
Членъ-Казначей
Бухгалтеръ

Обороты за 1905 г.				Остается на 1 января 1906 года.				Результатъ.				Примѣчаніе
Средства.		Погашенія.		Управленію (средствъ).		За Управленіемъ (погашеній).		Капиталь увеличился.		Капиталь уменьшился.		
РУБ.	К.	РУБ.	Л.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	
250	—	250	—	—	—	—	—	—	—	250	—	
1524	90	1524	97	—	—	—	—	—	—	1524	97	
409	59	409	50	—	—	—	—	—	—	409	50	
97	75	97	75	—	—	—	—	—	—	97	75	
56	—	56	—	—	—	—	—	—	—	56	—	
146	35	146	35	—	—	—	—	—	—	145	60	
408297	27	404922	51	951144	69	3917	87	82035	29	78660	53	
3374 р. 76 к.				=947229 р. 82 к.				пб. 3374 р. 76 к.				

Протоіерей *Павелъ Викулъ.*
Священникъ *Александръ Копержинскій.*
Священникъ *Константинъ Ватичъ.*
Николай Трегубовъ.

Въ краткому отчету Взаимно-вспомогательной кассы за 1905 г.

Какъ видно изъ напечатаннаго здѣсь краткаго отчета, на 1 января 1905 года суммы Взаимно-вспомогательной кассы состояли изъ:

а) Средствъ (активъ).

1. *Наличныхъ денегъ* 3112 р. 27 к.

2. *Процентныхъ бумагъ* (63 свидѣтельства 4⁰/₀ государственной ренты, числящихся по удостовѣренію именной записи Государственной Комиссіи Погашенія Долговъ отъ 17 апрѣля 1896 г. за № 20, на номинальную сумму . . . 397200 руб.

63 свидѣтельства 4⁰/₀ государственной ренты числящихся по удостовѣренію именной записи Государственной Комиссіи Погашенія Долговъ отъ 14 января 1897 года за № 39, на номинальную сумму 107900 р.

65 свидѣтельствъ 4⁰/₀ государственной ренты, числящихся по удостовѣренію именной записи Государственной Комиссіи Погашенія Долговъ отъ 1 апрѣля 1898 года за № 101, на номинальную сумму 50500 руб.

48 свидѣтельствъ 4⁰/₀ государственной ренты, числящихся по удостовѣренію именной записи Государственной Комиссіи Погашенія Долговъ отъ 9 марта 1900 года за № 212, на номинальную сумму 100000 руб.

14 свидѣтельствъ 4⁰/₀ государственной ренты, числящихся по удостовѣренію именной записи Государственной Комиссіи Погашенія Долговъ отъ 25 августа 1901 года за № 309, на номинальную сумму 99600 руб.

134 свидѣтельства 4⁰/₀ государственной ренты, числящихся по удостовѣренію именной записи Государственной Комиссіи Погашенія Долговъ отъ 11 марта 1902 года за № 367, на номинальную сумму 99800 руб.

Свидѣтельства эти хранятся въ Комиссіи Погашенія Долговъ.—Кромѣ того, хранящихся въ Каменецъ-Подольскомъ Отдѣленіи Государственнаго Банка:

10 свидѣтельствъ 4⁰/₀ государственной ренты, по сохранной роспискѣ отъ 16 марта 1902 года за № 8065, на номинальную сумму . 10000 руб.

4 свидѣтельства государственной ренты, по сохранной роспискѣ отъ 5 марта 1903 года за № 8589, на номинальную сумму . . . 8000 руб.

63 свидѣтельства 4⁰/₀ государственной ренты, по расчетной книжкѣ за № 151, на номинальную сумму 40000 руб. 913000 р. — к.

3. *Движимаго имущества:*

Разнаго имущества по особой описи на . . . 692 р. 64 к.

4. *Расчетныхъ книжекъ:*

Для вкладчиковъ книжекъ 2921 экз. по 7¹/₂ к. 219 р. 8 к.

5. *За благочинными и кассовыми распорядителями:*

а) не представ. собран. недоимки 25 р. 50 к.

б) „ роспис. пенсіонеровъ . 20357 р. 95 к.

в) не представлено росписокъ въ полученіи единовременныхъ пособій . . . 2321 р. 35 к.

г) „ „ остатка отъ взносовъ 618 р. 58 к.

д) „ денегъ за расчетныя книжки 4 р. 60 к.

е) не возвращено невыданной пенсіи и пособій 60 руб. 23.387 р. 98 к.

6. *За разными лицами:*

не представлено росписокъ въ полученіи пенсіи 1223 р. 99 к.

7. *Долгъ за вдовой священника Н. Петринской:*

не возмѣщено перебраннаго пособія . . . 16 р. 17 к.

8. *Недоимокъ (по сообщенію благочин.):*

а) за вкладчиками 6.409 р. 84 к.

б) за церквами 199 р. 68 к. 6.609 р. 52 к.

9. *Взносовъ отъ церквей:*

а) за прежнее время 684 р. 27 к.

б) по раскл. вѣд. № 1 на 1905 г. 8957 р. 29 к. 9641 р. 56 к.

10. *По счетамъ единовременныхъ пособій:*

выдано благочиннымъ за счетъ кассы сверхъ опредѣл. § 79 Уст. кассы 281 р. 13 к.

11. *За отчеты кассы:*

за 1899 годъ 130 р. 60 к.

„ 1900 годъ 30 р. 60 к.

за 1901 годъ	29 р. 80 к.	
„ 1902 годъ	<u>50 р. 70 к.</u>	241 р. 70 к.

12. *За уставъ кассы:*

не представлено благочинными		16 р. 90 к.
--	--	-------------

Итого средствъ 958.442 руб. 94 коп.

б) *Погашеній (пассивъ).*

1. *Долговъ благочиннымъ:*

не возвращено благочиннымъ къ 1 января 1905 года выданныхъ ими за счетъ Управленія кассы разнымъ лицамъ въ пенсію и единовременное пособие 84 р. 49 к.

2. *Епархіальному свѣчному заводу:*

позаимствовано, съ разрѣшенія Его Преосвященства, на выдачу пенсій и не возвращено къ 1 января 1905 года. 5000 р. — к.

3. *Взносовъ отъ церквей за 1905 годъ:*

представленныхъ благочинными въ 1904 г. за счетъ 1905 года 6123 р. 69 к.

4. *По счету пенсій (сиротамъ, росписки коихъ въ полученіи пенсіи не представлены къ 1 января 1905 года и показаны въ „средствахъ“ долгомъ за благочинными).* 304 р. — к.

5. *Тоже по счету единовременныхъ пособій.* 3019 р. 28 к.

6. *За отчеты кассы:* подлежало возврату . 9 р. 30 к.

7. *За уставъ кассы:* подлежало возврату . 2 р. 40 к.

8. *По счету переходящихъ суммъ:*

числилось на счету до выясненія назначенія 47 р. 72 к.

Итого „погашеній“ 14590 руб. 88 коп.

Такимъ образомъ чистый капиталъ на 1-е января 1905 г. (958442 р. 94 к.—14590 р. 88 к.) опредѣлится въ суммѣ **943852 р. 6 к.**

Въ теченіе 1905 г. капиталъ кассы:

увеличился на. 82035 р. 29 к.

уменьшился на. 78660 р. 53 к.

Въ общемъ *приростъ капитала* въ 1905 году выражается въ суммѣ **3374 р. 76 к.**

Увеличеніе капитала на 82035 р. 29 коп.

произошло по слѣдующимъ счетамъ:

1. Недонмокъ начислено 1287 р. 80 к.

ВѢДОМОСТЬ

объ освидѣтельствованіи суммъ Управленія взаимно-вспомогательной кассы духовенства Подольской епархіи за м. февраль 1906 года.

	Наличными.		Билетами.		Всего.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
Оставалось на 1-е февраля 1906 года	7.160	95	923.000	—	930.160	95
Поступило въ февралѣ мѣс.	3.965	27	—	—	3.965	27
Итого . .	11.126	22	923.000	—	934.126	22
Израсходовано въ февралѣ	2.733	01	—	—	2.733	01
Остается на 1 марта 1906г.	8.393	21	923.000	—	931.393	21

Примѣчаніе. Изъ этихъ денегъ 8.350 руб.—коп. хранятся въ Каменецъ-Под. Отдѣленіи Государственнаго Банка по расчетнымъ книжкамъ за №№ 7.368, 22.609/20.831, а 43 руб. 21 коп.—въ кассовомъ шкафѣ.

А К Т Ъ.

14-го марта 1906 года ревизіонной комиссіей произведена провѣрка капиталовъ и денежныхъ суммъ Управленія взаимно-вспомогательной кассы и свѣчного завода, и на 15 марта таковыхъ суммъ оказалось:

1) Суммъ взаимно-вспомогательной кассы:

- а) билетами 923000 р. — к.
 б) наличными 14999 „ 32 „

Итого 937.999 р. 32 к.

2) суммъ свѣчнаго завода:

а) билетами	81600 р. — к.
б) наличными	25288 „ 27 „
	<u>Итого 106888 р. 27 к.</u>
	Всего 1044887 р. 59 к.

По вскрытіи кассы въ присутствіи членовъ Управленія, въ таковой оказалось на лицо:

а) билетами1.004.600 р. — к.
б) по разсчетнымъ книжкамъ	36895 „ 59 „
в) кредит. и звонк. монет.	3043 „ 59 „
г) выдано авансомъ	348 р. 41 к.
	<u>Итого 1044887 р. 59 к.</u>

ВѢДОМОСТЬ

объ освидѣтельствованіи суммъ Управленія Подольскаго епархіальнаго свѣчнаго завода за м. февраль 1906 года.

	Наличными.		Билетами.		Всего.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
Оставалось на 1-е февраля 1906 г.	4.362	95	81.600	—	85.962	95
Поступило въ февралѣ мѣс.	43.582	28	—	—	43.582	28
Итого . . .	47.945	23	81.600	—	129.545	23
Израсходовано въ февралѣ	21.828	45	—	—	21.828	45
Остается на 1-е марта 1906 г.	26.116	78	81.600	—	107.716	78

Примѣчаніе. Изъ этихъ денегъ 24.954 руб. 94 коп. хранятся въ Каменецъ-Под. Отдѣленіи Государственнаго Банка, по разсчетнымъ книжкамъ за №№ 7480 и 20564/19060, а 1161 руб. 84 коп. — въ кассовомъ шкафѣ.

Отъ Правленія Подольскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства.

Росписаніе приѣмныхъ и дополнительныхъ экзаменовъ въ Подольскомъ женскомъ училищѣ духовнаго вѣдомства въ началѣ 1906/7 учебнаго года.

- 23 сентября. Письменный по русскому языку для поступающихъ въ училище.
- 25 сентября. Устные экзамены по всѣмъ предметамъ для поступающихъ въ училище.
- 27 и 28 сентября. Дополнительные экзамены для воспитанницъ.
- 29 сентября. Начало уроковъ.

Примѣчаніе: Въ наступающемъ учебномъ году будетъ приѣмъ только въ первый и второй классы училища; въ остальные классы приѣма воспитанницъ не будетъ. Въ оба класса принимаются дѣти въ возрастѣ отъ 10 до 12¹/₂ лѣтъ включительно. Приѣмъ прошеній о допущеніи къ экзамену производится въ Правленіи училища только до 1 сентября включительно; прошенія, поступившія послѣ сего срока, не будутъ разсматриваться. Къ прошенію должно быть приложено метрическое свидѣтельство о рожденіи, свидѣтельство о привитіи оспы и обязательство о принятіи воспитанницы обратно въ случаѣ окончанія ею училища или увольненія изъ училища. Плата за содержаніе своекоштныхъ воспитанницъ въ училищѣ должна вноситься впередъ за каждое полугодіе. При выбытіи пансіонерокъ изъ училища до истеченія полугодія, внесенныя за нихъ деньги не возвращаются. Плата за содержаніе своекоштныхъ воспитанницъ, имѣющихъ быть принятыми въ училище, 120 руб. въ годъ съ каждой. Кромѣ того, вновь принятыя въ училище воспитанницы вносятъ по 25 р. каждая на первоначальное обзаведеніе. Воспитанницы, за содержаніе которыхъ впередъ за полугодіе не внесены деньги, увольняются изъ училища.

Для поступленія въ первый классъ училища требуется:

- 1) По Закону Божию: разумное и сознательное отношеніе къ молитвѣ. Экзаменующіяся должны имѣть возможно твердыя и ясныя представленія о Пресвятой Троицѣ: о Богѣ Отцѣ, Творцѣ и Промыслителѣ (свѣдѣнія о твореніи міра и человѣка, о грѣхо-

паденіи, наказаніи за грѣхъ и обѣтованіи о Спасителѣ); о Сынѣ Божіемъ—Христѣ Спасителѣ (исторія и тропари всѣхъ двенадцятихъ праздниковъ и воспоминанія Страстной седмицы) и о Святомъ Духѣ (о благодатныхъ воздѣйствіяхъ на вѣрующихъ въ таинствахъ). Свѣдѣнія о томъ, что такое молитва, почему и какъ нужно молиться, кому и гдѣ можно молиться, о комъ и о чемъ мы должны молиться, какъ нужно молиться, какъ раздѣляются молитвы по содержанію; какими внѣшними знаками сопровождается молитва. Знаніе наизусть и пониманіе смысла слѣдующихъ молитвъ: а) начальныхъ: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа“, „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“, „Царю небесный“, „Трисвятое“, „Отче нашъ“, „Пресвятая Троице“, „Приидите поклонимся“; б) утреннихъ тропарей: „Воставше отъ сна“, „Отъ сна воставъ благодарю“, псаломъ 50-й (Помилуй мя Боже), „Къ тебѣ Владыко, Человѣколюбче“, Ангелу Хранителю и Пресвятой Богородицѣ; в) на сонъ грядущимъ: троп. „Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ“, „Боже вѣчный и Царю всякаго созданія“, „Господи Боже нашъ, еже согрѣшихъ“, Пресвятой Богородицѣ и Ангелу Хранителю; „Взбранной Воеводѣ“, „Богородице Дѣво“, „Достойно есть“, молитвы за Царя, за живыхъ и умершихъ, предъ ученіемъ и послѣ ученія, предъ обѣдомъ и послѣ обѣда, символъ вѣры, десять заповѣдей. Краткія свѣдѣнія о храмѣ (внутреннее устройство). О священныхъ изображеніяхъ и лицахъ, совершающихъ богослуженіе. О важнѣйшихъ богослуженіяхъ. Главнѣйшіе праздники, посты и таинства православной церкви.

2) По русскому и славянскому языкамъ: умѣнье свободно читать по-славянски и по-русски; умѣнье пересказывать содержаніе прочитаннаго; знаніе наизусть небольшихъ прозаическихъ и стихотворныхъ отрывковъ; знакомство съ предложеніемъ и его главными частями и уясненіе частей рѣчи по вопросамъ на разборѣ прочитанной статьи. Умѣнье писать въ предѣлахъ одноклассной церковно-приходской школы.

3) По ариметикѣ: умственные вычисленія въ предѣлахъ чиселъ до 1000. Понятіе о сложеніи, вычитаніи, умноженіи и дѣленіи; повѣрка дѣйствій; измѣненіе суммы, разности, произведенія и частнаго; рѣшеніе задачъ всѣхъ типовъ на четыре дѣй-

ствія съ отвлеченными числами; простыя и составныя именованныя числа; четыре дѣйствія надъ составными именованными числами; рѣшеніе задачъ на четыре дѣйствія съ составными именованными числами. Умѣнье писать числа до сотенъ милліоновъ.

Для поступленія во второй классъ требуется:

1) По Закону Божію: знаніе Священной Исторіи Ветхаго За-вѣта (учебникъ протоіерея Димитрія Соколова).

2) По церковному пѣнію: музыкальные звуки, звуки долгіе и короткіе. Ноты: цѣлая, половина, четверть, восьмая, ноты съ точкою (квадратныя и круглыя). Тетра хорды (первыя четыре ступени діатонической мажорной гаммы). Всѣ гаммы. Нотный станъ. Ключи: соль, фа и цефаутный. Понятіе о тонѣ и полутонѣ. Понятіе объ интерваллѣ. Интерваллы, построенные на первой ступени гаммы. Писаніе нотъ (списываніе).

3) По церковно-славянскому языку: чтеніе учебнаго часослова и учебнаго октоиха съ переводомъ при ближайшемъ участіи учителя. Буквы: а) число и наименованіе буквъ, б) разныя буквы для означенія одного и того-же звука, в) двойныя буквы. Знаки надстрочные. Знаки строчные (препинанія). Титла. Числительное значеніе славянскихъ буквъ. (Учебникъ—Сокращенная грамматика церковно-славянскаго языка, М. Григоревскаго).

4) По русскому языку: чтеніе правильное, свободное и выразительное; сказываніе заученнаго наизусть. Этимологія: азбука, звуки и буквы. Звуки гласные, согласные и знаки ѣ и ъ. Дѣленіе гласныхъ звуковъ на твердые и мягкіе. Дѣленіе согласныхъ звуковъ по органамъ и характеру произношенія. Правописаніе: гласныя буквы послѣ шипящихъ; употребленіе *і, и, ѣ, е* и *ѣ* (ѣ не пишется, гдѣ слышится е; исключенія; гдѣ е выпадаетъ; послѣ шипящихъ и гортанныхъ: исключенія); *э, е*, сомнительные согласные звуки; *ѣ* и *ъ* въ концѣ словъ и серединѣ. Понятіе о слогѣ. Понятіе о корнѣ, приставкѣ и окончаніяхъ. Переносъ словъ съ одной строки въ другую. Удареніе. Правописаніе: сомнительные гласные звуки; *о* и *е* послѣ шипящихъ и *ц* въ серединѣ и окончаніи словъ; *ѣ* въ корняхъ и приставкахъ. Слитное и раздѣльное письмо приставокъ. Слова. Образованіе словъ: слова коренныя и производныя. Составъ словъ: слова простыя и слож-

ныя. Правила правописанія, осцовывающіяся на свѣдѣнїяхъ объ образованїи и составѣ словъ; какъ исключенїе, письмо приставокъ *раз, воз, из, низ* предъ буквами *к, п, т, ф, х, ц, ч, щ*; значенїе словъ и дѣленїе на части рѣчи; понятїе о каждой части рѣчи.

Синтаксисъ: понятїе о предложенїи. Главные члены предложенїя— подлежащее и сказуемое; второстепенные члены предложенїя: опредѣленїе, дополненїе, обстоятельственные слова—мѣста, времени, образа дѣйствїя, цѣли и причины обращенїе; знаки препинанїя при немъ. Виды простого предложенїя: полное и не полное, личное и безличное, утвердительное и отрицательное, краткое и распространенное, повѣствовательное, восклицательное и вопросительное. Знаки препинанїя: точка, знакъ вопросительный и восклицательный. Понятїе о предложенїи сложномъ. Знаки препинанїя—запятая и двоеточїе.

Устные упражненїя: объяснительное чтенїе съ пересказомъ прочитаннаго (по вопросамъ и безъ вопросовъ учителя); стихотворенїя и прозаическіе отрывки съ выразительнымъ произношенїемъ; грамматическій разборъ; подборъ (изъ заученнаго наизусть или прочитаннаго) и составленїе примѣровъ на грамматическія правила.

Письменные упражненїя: диктантъ, подборъ и составленїе примѣровъ къ грамматическимъ правиламъ; отвѣты на вопросы учителя изъ прочитанной статьи; составленїе предложенїй по вопросамъ учителя. (Учебникъ—Этимологія и Синтаксисъ Смирновскаго).

5) По ариѳметикѣ: основательное знанїе курса ариѳметики до простыхъ дробей. Рѣшенїе сложныхъ задачъ въ предѣлахъ этого курса. (Учебникъ Малинина; задачки Евтушевскаго и Малинина).

6) По рукодѣлю: изготовленїе первоначальныхъ швовъ; впередь иголку, взадь иголку (втачку и глухая строчка), черезъ край, подрубка, запошивка, сборки, вышивка крестомъ. Работы по шитью: подрубка салфетокъ, полотенець, платковъ, шитье постельнаго бѣлья, дѣтскихъ передниковъ и простой рубашки; мѣтка крестомъ. Элементы вязанья крючкомъ и на спицахъ.

Редакторъ протоіерей **Е. Сѣцинскій.**

Завѣдующій издательствомъ Комитетъ:
прот. **Е. Сѣцинскій**, свящ. **Н. Курчинскій** и **С. Киржацкій.**

Съ января 1906 г. въ г. Каменць-Подольскомъ выходитъ
ежедневная газета

„ПОДОЛІЯ“

Газета „ПОДОЛІЯ“ выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣ воскресеній и праздниковъ, по слѣдующей программѣ:

1. Правительственныя распоряженія. Распоряженія Св. Синода. Распоряженія Подольскаго Губернскаго и Епархіальнаго Начальства.—2. Передовыя статьи по современнымъ вопросамъ.—3. Статьи, касающіяся наукъ (исторіи, археологіи, этнографіи, статистики и др.), образованія, искусствъ, сельскаго хозяйства, прикладныхъ знаній и др.—4. Повѣсти, рассказы, стихотворенія и другіе роды беллетристики на русскомъ языкѣ и иногда на малорусскомъ, а также фельетоны на злобы дня.—5. Общія внутреннія извѣстія.—6. Хроника мѣстной, общественной и епархіальной жизни.—7. Иностранныя извѣстія.—8. Судебная хроника.—9. Телеграммы.—10. Письма священниковъ и др. лицъ по разнымъ вопросамъ, входящимъ въ программу газеты.—11. Обзорніе по временной печати духовной и свѣтской.—12. Отзывы о выходящихъ книгахъ духовныхъ и свѣтскихъ (библіографія).—13. Разныя извѣстія (смѣсь).—14. Отзывы Редакціи (почтовый ящикъ).—15. Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	12 м.	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
Съ дост. и пер.	7 р.	6 р. 50	6 р.	5 р. 50	5 р.	4 р. 50	4 р.	3 р. 50	3 р.	2 р. 25	1 р. 50	85 к.
Везъ дост. и пер.	6 р.	5 р. 50	5 р. 20	4 р. 80	4 р. 40	4 р.	3 р. 50	3 р.	2 р. 50	2 р.	1 р. 30	75 к.

❖❖❖ ОТДѢЛЬНЫЙ НОМЕРЪ 3 КОП. ❖❖❖

„Воспоминанія о Саровѣ“.

Новая брошюра Анатолія Полова. Цѣна 15 к., съ пер. 20 к. Продается въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, И. Л. Тузова, „Вѣра и Знаніе“ и въ Синод. лавк. Выписывающіе отъ автора (г. Вологда, 1 часть, Зосимовская ул., соб. домъ) за пересылку не платятъ (можно марками).

Съ 1906 года въ г. Каменцѣ-Подольскомъ
выходить, вмѣсто Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей,
ежемесячный журналъ

„ПРАВОСЛАВНАЯ ПОДОЛІА“,

органъ Подольскаго духовенства.

Цѣна журнала за годъ 4 руб. съ пересылкой и доставкой и безъ
пересылки; за полгода 2 руб.; отдѣльныя книжки 40 коп.

Программа журнала „ПРАВОСЛАВНАЯ ПОДОЛІА“:

1. Статьи богословскаго и религіозно-философскаго содер-
жанія, преимущественно имѣющія отношеніе къ пастырской дѣя-
тельности.

2. Слова, рѣчи, поученія, бесѣды и проч.

3. Статьи по исторіи, археологіи, этнографіи и статистикѣ
(преимущественно Подоліи).

4. Педагогическій отдѣлъ: статьи, касающіяся воспитанія и
обученія, духовно-учебныхъ заведеній, сельскихъ школъ и др.

5. Миссіонерскій отдѣлъ.

6. Повѣсти, рассказы и стихотворенія нравственно-религіоз-
наго, историческаго и бытоваго содержанія.

7. Статьи по текущимъ вопросамъ и событіямъ епархіальной
и общественной жизни, некрологи и др.

8. Библиографія: отзывы о новыхъ книгахъ духовнаго содер-
жанія, а также и свѣтскихъ, касающихся пастырства; обзорніе
періодической печати духовной и свѣтской, затрагивающей вопросы
пастырства и жизни духовенства.

9. Для народа—на мѣстномъ малорусскомъ языкѣ: статьи,
рассказы и бесѣды для назиданія и для популяризаціи полезныхъ
знаній,—въ текстѣ журнала и въ приложеніяхъ листками или же
брошюрами.

10. Смѣсь: разныя мелкія извѣстія и замѣтки, имѣющія отно-
шеніе къ пастырской дѣятельности.

11. Официальный отдѣлъ: распоряженія Правительства, Св.
Синода и Епархіальнаго Начальства. Отчеты разныхъ учреждений
Подольской епархіи.

12. Объявленія.

Редакторъ протоіерей *Е. Стцинскій*.

Завѣдующій издательствомъ Комитетъ:

прот. *Е. Стцинскій*, свящ. *И. Гурчинскій* и *С. Дложевскій*.